

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В.В. Виноградова РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. Пушкина

РУССКАЯ РЕЧЬ

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Издается
с января
1967 года.
Выходит
6 раз в год

3

МАЙ • ИЮНЬ

2018

ИНДЕКС 70788
ISSN 0131-6117

МОСКВА
"НАУКА"

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 3 *О.С. Храмушина.* Эвфемизмы в поэзии А.С. Пушкина
9 *А.А. Кожин.* Орнаментальная проза В.В. Розанова
19 *Н.Ю. Голованова.* Красный смех в повести Л.Н. Андреева
24 *Ю.В. Явинская.* «Вечно бабочкой летать...»
-

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 30 *Е.А. Смирнова.* Продуцирующий потенциал класса прилагательных со значением цвета
36 *Е.М. Алтайская.* Два на два или два на два? Особенности места ударения в сочетаниях «предлог плюс числительное» в современной речи
43 *А.В. Николаева.* Кликбейт в СМИ
-

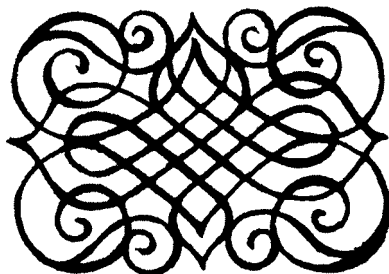
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 48 *О.В. Никитин.* Ф.И. Буслаев и Язык Отечества
(К 200-летию со дня рождения)
-

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 57 *В.Е. Денисова.* Идеальный женский образ в житии Евфросинии Полоцкой

-
- 67 *Н.В. Столярова. Князь Владимир в Степенной книге*
77 *В.А. Воропаев. Требование Н.В. Гоголя на полях Библии*
-
- ОНОМАСТИКА**
82 *В.В. Вязовская. Онимы в романе Н.С. Лескова «Некуда»*
-
- ТОПОНИМИКА**
92 *С.А. Скуридина. Вымышленные топонимы Ф.М. Достоевского*
102 *И.В. Крюкова. Рублевка в русской лингвокультуре*
-
- ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ**
108 *И.Г. Милославский. Столетие революции или переворота?*
116 *А.А. Шунейко. Когда родился профессор кислых щей*
-
- СРЕДИ КНИГ**
123 *О.В. Никитин. Отечественные лингвисты XX века*
-
- 127 **К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**
-

Эвфемизмы в поэзии А. С. Пушкина

© О. С. ХРАМУШИНА

Исследована система эвфемизмов в идиостиле А.С. Пушкина с точки зрения таких важнейших параметров классификации смягчающих наименований, как способ образования и речевая функция; проанализированы стилистические особенности предпочтительных средств эвфемистической зашифровки в идиостиле поэта, выявлены основные типы эвфемистических намеков.

Ключевые слова: эвфемизм, поэзия, идиостиль, фигура речи, двусмысленность, неясность, интертекстуальность.

DOI: 10.7868/S0131611718030012

The system of euphemisms in A. S. Pushkin's idiostyle is investigated in aspect of the most important parameters of classification of extenuating appellatives: the speech functions and the methods of creation; the stylistic features of the preferential euphemistic encryption and basic types of euphemistic hints in poet's idiostyle are analyzed.

Keywords: euphemism, poetry, idiostyle, figure of style, ambiguity, unclarity of speech, intertextuality.

Языковые особенности произведений А.С. Пушкина традиционно находятся в центре исследовательского внимания филологов, поскольку именно его идиостиль признан точкой отсчета для становления современного русского литературного языка.

Одним из языковых явлений, получивших многогранное отражение в идиостиле Пушкина, следует считать феномен эвфемии, который находится в ряду наиболее значимых для этикетной составляющей современного литературного языка, особенно в связи с усилением тенденции к огрублению речи [1].

Эвфемизм [греч. εὐφημισμός ‘благоречие’ < εὖ ‘хорошо, благородно’, φημί ‘говорю’] принято называть выражение, используемое с целью соблюдения требования ситуативной уместности речи вместо прямого наименования понятия, считающегося излишне грубым [2. С. 829].

Эвфемистическая зашифровка представляет собой намек либо на слово, либо на понятие. Однако, по нашим наблюдениям, в зависимости от степени эвфемизации и цели обращения к ней возможны два случая, проявления каждого из которых мы можем встретить и в системе эвфемизмов Пушкина:

1. Смягченное наименование лишь отчасти вуалирует смысл, позволяя без особых усилий догадаться, о чем идет речь. В поэзии Пушкина встречаем, к примеру, такое обращение к **логическому перифразированию**: «... Благопристойные мужья / Для умных жен необходимы: / При них домашние друзья / Иль чуть заметны, иль незримы» [3. Курсив здесь и далее наш. — О. Х.]. Косвенная номинация не только «припрятала» известное понятие, но и облекла его завесой положительных коннотаций. Благодаря контексту вполне понятно, о чем именно речь, однако при этом светские приличия, в частности известные лексико-тематические запреты, остаются не нарушенными.

2. Эвфемизм выступает в качестве **замены слова** по близкозвучию (в этом случае имеет место вуалирование в большей степени формы, чем содержания). В «Эпиграмме на М.Т. Каченовского» у Пушкина находим такую строчку: «*Хаврониос! Ругатель закоснелый...*» Очевидно, что за **фонетической аллюзией** скрывается крайне колкая острота [4. С. 179].

Основными параметрами классификации эвфемизмов принято считать, во-первых, их речевые функции, во-вторых, способы их образования. Как известно, в основе эвфемистических замен могут лежать нарочитая двусмысленность, неясность и неточность речи [ср.: Там же. С. 158]. Рассмотрим с этой точки зрения средства эвфемизации, используемые Пушкиным.

Фигуры двусмысленной речи часто встречаются в поэзии писателя в качестве средств эвфемистической замены, они нередко носят оттенок шутиливой или иронической модальности. Острота подобных высказываний была особенно уместна в многочисленных эпиграммах Пушкина, адресованных недоброжелателям поэта, критикам либо оппонентам, не разделявшим его взглядов. Так, пример *шутливого эвфемизма* находим в эпиграмме «Ex ungue leonem»:

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он *по когтям* узнал меня в минуту,
Я *по ушам* узнал его как раз [Т. 2. С. 64].

Здесь наблюдаем иронический намек, созданный благодаря обращению к фигуре *pars pro toto* (букв. 'часть вместо целого'): если когти должны принадлежать льву, то < большие > уши — ослу; данная ассоциация имеет интертекстуальную поддержку со стороны крылатого латинского изречения, вынесенного в заглавие произведения, а именно *ex ungue leonem* (по когтям льва [узнают]) [5. С. 214], ср. *ex auribus asinum* — по ушам осла [узнают] [Там же. С. 197]. Намек усилен лексико-синтаксическим параллелизмом.

Среди возможных авторов фразы *ex ungue leonem* называют греческого поэта Алкея (VII в. до н.э.) [6. С. 589], а также скульптора Фидия, о чем свидетельствовал древнегреческий писатель Лукиан Самосатский в диалоге «Гермотим, или О выборе философии»: «Говорят, что один ваятель, кажется Фидий, увидав коготь льва, сообразил, какой величины получится целый лев, если его вылепить по соразмерности с когтем» [5. С. 214]. Латинское крылатое выражение «*ex ungue leonem pingere*» 'нарисовать льва по когтю' [6. С. 589] означает, что по части можно получить представление о целом [Там же. С. 589; 5. С. 214].

Эпиграмма послужила ответом на статью А.Е. Измайлова «Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы. № III» в журнале «Благонамеренный» (1825), в которой критик, отзываясь об эпиграмме «Прятелям» Пушкина, иронизирует на тему авторских, литературных «когтей», направленных на политических врагов в строчке: «Не избежит пронзительных *когтей*». А.Е. Измайлов пишет следующее: «Страшно, очень страшно! Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть *когти*!» [Т. 2. С. 556].

Любопытна история названия эпиграммы. Сам Пушкин озаглавил ее «Прятелям», однако в «Московском телеграфе» стихи вышли под иным названием — «Журнальным прятелям». Пушкин послал исправление в «Северную пчелу», где опубликовали следующее: «А. С. Пушкин просил издателей Сев. Пчелы известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 Моск. тел. на стр. 215 под заглавием "К журнальным прятелям", должно читать просто "К прятелям"» [Там же. С. 554–555]. У Пушкина слово *приятель* (ср. знаменитое выражение В.В. Путина *наши партнеры*) выступает в антифразисном значении «неприятель», зачастую «политический враг»; считается, что адресатами эпиграммы были политические враги Пушкина [Там же].

Для достижения иронического эффекта поэт нередко использует антифразис [греч. ἀντιφράζειν 'говорить противоположное'] — фигуру, представляющую собой употребление слова в смысле, противоположном его usualному значению [2. С. 128]. Примеры использования этой фигуры находим у Пушкина, в частности, в переведенной им эпиграмме французского литератора Ж.-Б. Руссо (1670–1741), которая, в свою очередь, является переводом эпиграммы Иоанна Секунда — одного из римских поэтов [Т. 1. С. 688]:

Супругою твоей я так *пленился*,
Что если б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился [Там же. С. 314].

Упоминание сатаны создает контекст, в котором слово *пленился* не может быть принято в прямом смысле. Как видим, опорой антифразиса служат неправдоподобие и алогизм. Существует мнение, согласно которому ирония возникает в подобных случаях на основе **антонимии** [7]. Однако антифразисное значение часто бывает окказиональным, оно нередко появляется у слов и выражений, которые не имеют антонимов, поэтому целесообразно полагать, что основой антифразиса является не антонимия, а ассоциации по контрасту (отсюда латинское наименование антифразиса — *nominatio e contrario*, букв. ‘номинация от противного’).

Одна из эпиграмм Пушкина полностью построена на **языковой игре** за счет комбинации одновременно нескольких приемов **двусмысленной речи** в эвфемистической функции:

Лечись — иль быть тебе *Панглосом*,
Ты жертва *вредной красоты* —
И то-то, братец, *будешь с носом*,
Когда *без носа будешь ты* [Т. 1. С. 181].

Имя *Панглос* в эпиграмме выступает как **интертекстуально** поддержанная **прономинация**, т.е. фигура, основанная на метафорической замене имени нарицательного онимом [2. С. 592–597]. Выражения *жертва вредной красоты* и *без носа будешь ты* — метонимические намеки на недуг, которым страдал герой романа Вольтера «Кандид». Пушкин дает адресату понять: тот может, подобно Панглосу, стать жертвой некой общеизвестной болезни, «противной великой цели природы», причиной которой выступает «любовь» [8]. Обратим внимание на второе двуступенчатое приведенной эпиграммы. В нем иронически обыгрывается известный разговорный фразеологизм *остаться с носом* («потерпеть неудачу, остаться одураченным» [9]) путем столкновения с **этикетным эвфемизмом** *без носа будешь ты*.

В одном из стихотворений наблюдаем тактически сходное обыгрывание внутренней формы известного метафорического эвфемизма:

У Кларисы денег мало,
Ты богат — иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу [Т. 1. С. 206].

Антитетон (развернутая антитеза: *денег мало — богат*) служит опорным предтекстом для указанного эвфемизма, составляя необходимую основу для выведения причинно-следственных связей.

В функции эвфемистических замен в поэзии Пушкина выступают и фигуры **нарочито неясной речи**. Так, вуалирование темы загробного мира производится при помощи **прономинализации** — замены имени существительного местоимением, представляющей собой одну из вариаций фигуры **abstractum pro concreto** [лат. 'абстрактное вместо конкретного'] [4. С. 185]: «Быть может, там, где все блистает / Нетленной славой и красой, / Где чистый пламень пожирает / Несовершенство бытия...» [Т. 1. С. 190].

При зашифровке понятий, принадлежащих теме *любовных отношений*, в поэзии Пушкина встречается прием умолчания, т.е. обрыва высказывания в расчете на то, что читатель, исходя из описываемой ситуации или предшествующего контекста, самостоятельно сделает предположение о возможном содержании пропущенной части. Вспомним строчки из поэмы «Руслан и Людмила»: «Супруг / Восторги чувствует заране; / И вот они настали...» [Т. 3. С. 11]. И здесь отметим: еще Э. Бенвенист указал на первично обрядовый, культовый смысл понятия «эвфемизм» — «хранить молчание» [10].

Среди косвенных номинаций в лирике Пушкина можно встретить и основанные на **нарочито неточной речи**. Обращаясь к теме отношений полов, поэт пишет: «Люби *недевственного* брата, / Страдальца *чувственной* любви!» Приведенное определение образовано с помощью **номинации через отрицание** — разновидности мейозиса; последний состоит в замене одного видового понятия другим, менее интенсивным по степени проявления признака.

В поэзии Пушкина можно найти и обращение к **метономазии** — замене слова родного языка иноязычным, соотносимым с ним по значению, но являющимся нейтральным с точки зрения возможного возникновения различных ассоциаций. Приведем пример из поэмы «Братья разбойники»: «Потом на прежнюю *ловитву* / Пошел один...» [Т. 3. С. 125]. Славянизм *ловитва* в приведенном фрагменте служит не только вуалирующей, но и стилистически возвышенной заменой прямого обозначения *разбой*.

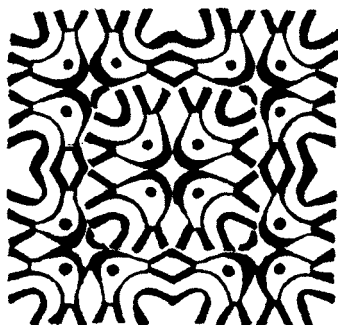
Предпринятый нами анализ позволяет сделать вывод о том, что система средств эвфемии является важной частью идиостиля Пушкина. В его лирике можно встретить оба возможных типа эвфемистического намека: на слово и на понятие. Эвфемизмы у писателя обслуживают значительное число **функционально-тематических сфер**, включающих мотив отношений между мужчиной и женщиной, ряд порицаемых обществом явлений, традиционно табуированные предметы, etc. Система средств эвфемистических замен Пушкина отражает избирательность в выборе способа зашифровки. Предпочтительными для него являются приемы **нарочито двусмысленной и неясной речи**. Поэт нередко комбинирует несколько средств, при этом в рамках языковой игры Пушкин может придавать эвфемизмам оттенок шутки либо иронии, если обращается к косвенным наименованиям, например, в эпиграммах.

Хорошо разработанная и тематически разветвленная система средств эвфемии была в XIX веке характерна для представителей наиболее образованной части дворянского сословия, строго следовавшей нормам литературного языка и этическим предписаниям своего времени. В аристократической среде существовал круг тем и соответствующих им понятий, прямое упоминание которых находилось под запретом, что получило отражение в правилах речевого поведения. Владение системой средств эвфемистических замен было подтверждением статуса и своего рода «пропуском» в высший свет.

Сегодня тенденция к употреблению прямых, неуместных выражений, зачастую даже в публичной речи, значительно (и далеко не в лучшую сторону) изменила языковую картину нашего общества, сделала распространенными в повседневно-бытовом общении грубые номинации. Однако по-прежнему определенный круг тем и понятий воспринимается как требующий эвфемизации, прежде всего для соблюдения двух важнейших качеств речи: **ситуативной уместности** и **чистоты** (предполагающей отказ от употребления внелитературной лексики, особенно **дисфемизмов**). Все более актуальным становится вопрос изучения лучших образцов эвфемизмов и типовых схем их образования. Думается, что именно русская классика должна выступать эталоном, на который необходимо ориентироваться, следуя традициям литературного языка. И особое место в ряду таких эталонов, несомненно, принадлежит Пушкину.

Литература

1. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2.
2. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2007.
3. Пушкин А.С. Собр. Соч. В 10 т. М., 1974–1978. Т. 2. С. 22.
4. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 4-е. М., 2010.
5. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / Под ред. Я.М. Боровского. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1999.
6. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. Изд. 2-е. М., 2005.
7. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс [Электронный ресурс]: учеб. пособие. Изд. 2-е, стереотип. М., 2012. С. 37.
8. Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971. С. 416.
9. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. Изд. 3-е, стереотип. М., 2007. С. 173.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М., 1974. С. 370–372.

Орнаментальная проза В.В. Розанова*

© А. А. КОЖИН

доктор филологических наук

Орнаментальная проза В.В. Розанова как новый жанр литературы «потока сознания» совмещала черты прозы, поэзии, публицистики и философии. Основой повествования являлись личность автора, жизнь его души.

Стремление к созданию высокой образности текста стилистически выразилось в способах построения монологической и диалогической речи, нарушении традиционных правил употребления языковых единиц (языковой игре), расширенном применении повтора, использовании стилистической графики, влияющей на зрительное и смысловое восприятие текста.

Ключевые слова: Розанов В.В., орнаментальная проза, русская проза, «поток сознания».

DOI: 10.7868/S0131611718030024

The ornamental prose of V.V. Rozanov as a new literary genre of the «stream of consciousness» combined the features of prose, poetry, journalistic and philosophy.

In the basis of narration were the personality of the author, the life of his soul.

An aspiration for creation of highly figurative text stylistically manifested in the constructive manner of inner monologue and dialogue, violation of traditional norms of usage of units of the language (linguistic game), expansion of reduplication, application of stylistical graphics, affecting on visual and mental perception of the text.

Keywords: Rozanov V.V., ornamental prose, Russian prose, “stream of consciousness”.

* Продолжение. См. Русская речь. 2018. № 2

Орнаментальная проза может быть представлена как разновидность прозы с системой насыщенной образности, передающей особый тип художественного мышления.

Изучение приемов, используемых Розановым для повышения образности текста, позволило выделить некоторые характерные черты стилистической манеры автора. Это, в частности, намеренные отступления от традиционных правил употребления языковых средств различных уровней («языковая игра»), регулярное применение повтора как фактора реализации субъективного авторского «я», внешняя орнаментика как система интонационных, пространственных, графических элементов, усложняющих восприятие текста [1. С. 250–251].

В орнаментальной прозе прием «языковой игры» просматривается на фонетическом, словообразовательном, лексико-фразеологическом, синтаксическом, текстовом уровнях.

Так, на фонетическом уровне в сатирических целях Розанов нередко прибегает к звукоподражанию как характерологическому, а также образному средству: «Чтобы “опровергнуть Пушкина” — нужно ума много. Может быть, и никакого не хватит. Как же бы изловчиться, — какой прием, чтобы опрокинуть его благородство? (...) Встретить его тупым рылом. Захрюкать. Царя слова нельзя победить словом, но хрюканьем можно. Очень просто.

Так “судьба” и вывела против него Писарева. Писарева, Добролюбова и Чернышевского. Три рыла поднялись к нему и захрюкали:

Не для житейского волненья,
Ни для того, ни для сего.

— Хрю! хрю!
— Хрю!
— Еще хрю!

И пусть у гробового входа.

— Хрю!
— Хрю! хрю!

И Пушкин угас. Сгас. “Никто более не читает”» [2].

Здесь следует уточнить, что у Добролюбова был «намеки на то, что Пушкин устарел; Писарев же, идущий дальше, пишет целую статью о Пушкине [“Пушкин и Белинский” — А.К.], в которой доказывает решительную непригодность Пушкина, отсталость его даже и для его времени. (...) “Евгения Онегина” — эту “энциклопедию русской жизни”, как назвал поэму Пушкина Белинский, — Писарев называет “яркой и блестящей апофеозой самого безотрадного и самого бессмысленного status quo”» [3].

На образность повествования нацелено также индивидуально-авторское словотворчество. Опираясь на существующие в языке словообразовательные модели, Розанов создает потенциальные слова, смысл которых раскрывают значения производящей основы и словообразовательного форманта.

Например, слово *мерзавчество* является, как следует из текста, производным от разговорного *мерзавец* (существительного со значением «носитель признака»). В русском языке есть близкие словообразовательные модели, использующие, в частности, суффиксы *-ств(о)* / *-еств(о)*, но *мерзавчество* в лексикографических изданиях отсутствует: «Немец обезьяну выдумал»: ну, он выдумал кое-что получше и похитрее: как. обр. дети обширнейшей в мире страны, будучи мерзавцами своего отечества, самыми обыкновенными и прозаическими мерзавцами, воображали, говорили, писали и печатали о себе, что они “соль земли своей”, и укреплялись в этом мерзавчестве, повторяли, дико вращая глазами по сторонам: “что будет, если соль обуюет? И в Отечестве нечем будет посолить супа???!!!!”» [Т. 2. С. 197].

Писатель создает потенциальные слова со значением отвлеченного признака (*бываемость*, *вопросность*, *отшвырнутость*); нарушая языковую норму, употребляет некоторые имена существительные в форме множественного числа (*згоизмы*, *ядовитости*). Можно назвать целый ряд глаголов, встречающихся только у Розанова (*зааристократиться*, *истинствовать*, *окоммунализиться*, *оплоскодонить*, *поросяться* и др.). Например: «Неумная, пошлая, фанфаронская комедия. [...] Через “удачу” она оплоскодонила русских» [Т. 11. С. 7]; «Общество поросятилось. А свинья, когда она рождает, ничего не чувствует от блаженства» [Там же. С. 131].

Образные возможности лексического арсенала писателя расширяют удачно подобранные антонимы: «В грусти человек — естественный христианин. В счастье человек — естественный язычник» [4. С. 261]; «Рассеянный человек и есть сосредоточенный. Но не на ожидаемом или желаемом, а на другом и своем» [Там же. С. 123].

На лексико-семантическом уровне следует отметить каламбуры, которые автор применяет в качестве средства усиления экспрессии, например: «Больше всего мыслей приходит в конке. Конку трясет, меня трясет, мозг трясется, и из мозга вытрясаются мысли» [Там же. С. 453].

Лексико-стилистический анализ текстов орнаментальной прозы Розанова фиксирует частое использование слов разговорно-просторечных как обладающих оценочной экспрессией. Так, просторечное *шушера* употреблено в собирательном смысле для характеристики французских революционеров и их русских последователей: «Еще что сказать об этой шушере от 1789 года до 1881 года: что они шушера опять не по лицам, а по существу своему: ибо они — предали, суть предатели» [Т. 2. С. 193]. К шушере Розанов причисляет и некоторых авторов художественных произведений: «... да писатели — просто шушера около общества. Сколько я бывал в домах у писателей, я замечал, что в них вообще *никакой жизни нет*, никакого лица нет и никакого ни к чему *интереса*» [Т. 8. С. 211].

Просторечные, разговорные глаголы и глагольные формы вводятся в текст как средство усиления экспрессии: «... “классовая борьба”... — Хорошо, миленькие: так чего же вы визжите (месяц визжала вся пресса, тараторившая о “классовой борьбе”»» [Т. 2. С. 58].

Многократный повтор просторечных слов усиливает выразительность повествования: «... гады, гады, гады... и смысл ваш гадить, и цель ваша гадить, и задача ваша гадить... гадить талантливо» [Там же. С. 87].

Образность повествования повышает употребление просторечных слов (например, *плюха* в значении «пощечина, оплеуха») вместе со словами устаревшими (*сей* – «этот»; *заушающий* – «бьющий рукою по щеке»): «Русские получили “очередную плюху”. Вытерлись и поклонились. Во весь 19-й век или, точнее, с знаменитого “19 февраля” русские уже получают в отечестве только плюхи. Хорошо. Или, впрочем, – печально. Но кто сии заушающие?» [Там же. С. 217].

Изобразительный потенциал текстов орнаментальной прозы в значительной мере усилен разговорной манерой построения фразы. На синтаксическом уровне повышенная образность текста формируется за счет употребления бессоюзных соединительных или изъяснительных связей в предложении; быстрого чередования глагольных и именных фраз; конструкций с именительным темой или близких к ним; смены вопросительных и утвердительных предложений; использования вставных компонентов, разнообразных повторов, а также рефренов, создающих своеобразный «композиционный ритм» произведения.

Вставные компоненты (предложения, словосочетания, словоформы), расширяя информативный аспект, выражают дополнительные замечания, поправки и уточнения, связанные с содержательной стороной основного предложения. Вставные компоненты в текстах Розанова встречаются очень часто: «Каждая точка во мне (вопрос) горит огнем, и поистине голова моя есть великолепная иллюминация (только не вроде Грибоедова. Совсем иное)» [Т. 8. С. 528].

В произведениях Розанова просматривается желание сегментировать текст. Писатель намеренно избегает сложных синтаксических построений, поскольку сегментированное повествование легче воспринимается читателем: «Речка в Вырице. (...) Быстрая. Очень. И идешь над ней – воды играют. В вечном движении и молчании. Молчит и играет. Чистая-чистая. Рыбы, говорят, нет. Не надо. Чувствую – испортило бы все. Жизнь под глазом. Вечно бежит “куда-то”» [Т. 2. С. 190].

Повествовательный текст делится на сегменты, «кадры», которые в дальнейшем «склеиваются», присоединяются друг к другу смысловыми переходами. Такая форма повествования напоминает монтаж кинокадров: «Видимый мир дается в кино не как таковой, а в своей смысловой соотносительности. (...) Монтаж не есть связь кадров, это дифференциальная смена кадров, но именно поэтому сменяться могут кадры, в чем-либо соотносительные между собою. (...) Кино делает скачки от кадра к кадру, как стих от строки к строке. (...) Кадры как единства равноправны. Длинный кадр сменяется кадром очень коротким. Короткость кадра не лишает его самостоятельности, его соотносительности с другими» [5].

Характер следования сегментов, «кадров» и способы их объединения в орнаментальной прозе определяются особенностями авторского видения предмета изображения. Например: «У нас сотрудник. Старый

провинциальный журналист, — с воспоминаниями. Брюнет, бритое лицо. С усами. Кашляет. Жалуются. Они живут: муж, жена и дочь; у последней ребенок. “Главное наше утешение” (мальчик). Не дают авансов. Нужда. Куксится» [Т. 2. С. 92].

Как средство усиления экспрессивных возможностей повествования Розанов использует парцелляцию, предполагающую намеренное интонационное и графическое расчленение предложения. Отделяемые компоненты, расположенные обычно в конце, подчеркиваются, восприятие их читателем усиливается: «— Вот где *праведные люди*... — В терпении. В несении креста. В христианстве. В старых русских деревянных домиках, о три, о четыре окошечка» [Т. 8. С. 449].

Формой акцентирования выступает также именительный темы, выделяющий предмет высказывания, привлекающий к нему внимание читателя. Обычно это предложно-падежная форма существительного, используемая в роли заглавия (зачина): «Юристы... Что такое юристы? Это жалчайшие приказные души, с претензией “на новшества”» [Т. 2. С. 217].

В орнаментальном повествовании построения с именительным темами закрепляются в качестве художественного приема, позволяющего не только выделить изображаемое, но и придать ему большую эмоциональность и образность.

Назывные (номинативные) предложения делают возможным создание лаконичных, но содержательных зарисовок: «Солдат. Мужик. Поп. Господин. Купец. Да дворяне. Тоже сапожник. {...} Вот Россия» [Т. 8. С. 528].

Часто используются неполные предложения, свойственные разговорной речи. Они, как правило, опираются на структурную схему другого предложения или же на внеязыковую ситуацию. Это, например, реплики в диалоге: «Всякий человек имеет свое пьянство. — У тебя, Василий Васильевич? — Пьянство литературы» [Т. 2. С. 197].

В орнаментальных текстах Розанова можно встретить примеры употребления синтаксической инверсии, которая, нарушая установленные грамматические правила расположения слов в предложении, придает повествованию большую выразительность: «Еще мало серебра в волосах. А как седа и устала душа» [Т. 8. С. 198].

На синтаксическом уровне внимание читателя также могут привлечь весьма необычные «афоризмы-парадоксы» [1. С. 302]: «В любви есть закон: острота ее обратно пропорциональна массе. Всех любить = никого не любить. Сплошная ко всем любовь = никакого выбора» [Т. 11. С. 142].

Интересно окказиональное сочинение, заключающееся в том, что в ряду однородных членов предложения нарушаются логические связи: «В России вся собственность выросла из “выпросил”, или “подарил”, или кого-нибудь “обобрал”. Труда собственности очень мало» [4. С. 41].

Повтор — важнейшее средство создания орнаментального текста, определяющее его образно-смысловое единство.

«Связанность текста в абзаце основана в значительной мере на повторении в смежных фразах одинаковых семантических элементов» [6]. Абзацное членение художественного текста позволяет «обыгрывать»

смысловый потенциал лексической единицы. Варьирование словесного ряда, сопровождаемое повтором смысловой доминанты, усиливает феномен ритмизации, вот почему повествовательный текст может приближаться к стихам, а стихотворные тексты — к текстам повествовательным. Например:

«Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна.

Потому что на земле единственное “в себе самом *истинное*” — это любовь.

Любовь исключает ложь: первое — “я солгал” означает: “я уже *не люблю*”, “я *меньше люблю*”.

Гаснет любовь — и гаснет истина. Поэтому “истинствовать на земле” значит постоянно и “истинно любить”» [4. С. 78].

Повтор ключевых слов, «переливы» коннотаций лексических единиц придают текстам Розанова исключительное своеобразие: «Жизнь требует верного глаза и твердой руки. Жизнь — не слезы, не вздохи, а борьба; страшная борьба. Слезы — “дома”, “внутри”. Снаружи — железо. И только тот дом крепок, который окружен железом» [Там же. С. 192].

В орнаментальной прозе повтор встречается на различных языковых уровнях (морфемном, лексическом, синтаксическом), повышая экспрессию текста, он может выступать и как внешний «орнамент»: «Любите, пока любится, и не откладывайте часов любви. Они всегда красивы. Они всегда святы» [Т. 8. С. 375].

Многократный повтор названия, действия или признака заставляет читателя «отреагировать на скрытую авторскую мотивацию в выборе слова, дает возможность ощутить импульс, подсказывающий движение авторской мысли и причину усиления экспрессии» [1. С. 323].

Так называемый «эквивалентный» смысловой повтор подразумевает полный повтор слова, сочетания слов и даже предложения. Например: «Черно. Темно. Грязно. — Сорно. И бедный человек — о, какой он бедный! — прихорашивает, делает глаза — что “не видит” или что “видит другое, лучшее”. Чтобы хотя в мечте и во сне быть счастливее. (...) Несчастье, несчастье, несчастье. Грусть, грусть, грусть. Недостаточность, недостаточность, недостаточность. Как же винить его за обман?» [Т. 11. С. 89].

Многократный эквивалентный смысловой повтор — это также попытка передать напряженное эмоциональное состояние автора, что могут подтверждать и ремарки: «Мертвая страна, мертвая страна, мертвая страна. Все недвижимо, и никакая мысль не прививается. (24 марта, 1912 г., купив 3 места на Волковом кладбище)» [4. С. 116].

Ассоциативные оттенки значения, стимулируемые лексическим повтором, порождают непривычные слова, при этом лексическое новообразование опирается на активные словообразовательные модели: «Мы не по думанью любим, а по любви думаем» [Там же. С. 194].

Значение повтора в художественном тексте отмечал и сам Розанов в письме Н. Н. Страхову: «В тавтологиях-то и сила... В “тавтологиях” кажется “все одно и то же говоришь”, — те же слова, лишь немного переставленные: но после нескольких перестановок, — которые для “беглого

читателя” кажутся лишь вербальными, на самом деле в них происходит медлительное и огромное поворачивание логического организма» [Т. 14. С. 120].

Так, повтор перифрастического выражения «русский болтун», под которым подразумевается русский социал-демократ, выступает композиционной основой текстового фрагмента: «Русский болтун везде болтается. “Русский болтун” еще не учтенная политиками сила. Между тем она главная в истории. С ней ничего не могут поделать, — и никто не может. Он начинает революции и замышляет реакцию. Он созывает рабочих, послал в первую Думу кадетов. Вдруг Россия оказалась не церковной, не царской, не крестьянской, — и не выпивочной, не ухарской: а в белых перчатках и с книжкой “Вестника Европы” под мышкой. Это необыкновенное и почти вселенское чудо совершил просто русский болтун.

Русь молчалива и застенчива, и говорить почти что не умеет: на этом просторе и разгулялся русский болтун» [4. С. 225].

Для создания внешнего «орнамента» произведения Розановым используется стилистическая графика, нацеленная не только на зрительное, но и на смысловое восприятие текста.

«“Мыслеобраз” может возникнуть даже при использовании одних только знаков препинания. Глаз читателя то и дело наталкивается на скобки, кавычки, курсив (казалось бы, всего лишь “способ записи”) — и по тексту многоголосым эхо пробегают обертоны смыслов» [7].

Так, например, курсивное выделение в сочетании с нетрадиционным употреблением прописных букв уточняет смысловые акценты, расставляемые автором: «Собственно, *непосредственно слит с церковью* я никогда не был (в детстве, юношей, зрелым)... Я всегда был *зрителем* в ней, стоятелем — **ХОТЯЩИМ** помолиться, но не и **УЖЕ** молящимся; оценщиком (...)» [4. С. 152].

Философ, публицист и критик А. С. Глинка-Волжский, относившийся к Розанову с симпатией и ценивший его талант, отмечал: «Речь Розанова полна своеобразных изломов и каких-то, на первый взгляд, уродливых вывихов, она извивается в самых неожиданных и странных вогнутостях и выгнутостях, пестрит массой скобочек, кавычек, повторений, закруглений» [8].

Графические средства (шрифтовое выделение, скобки, кавычки и др.), добавляя орнаментальному тексту «зрительную экспрессию», по-своему передают авторскую интонацию.

В текстах Розанова различные средства стилистической графики могут чередоваться: «Господи. Нужно что-нибудь одно: или предпочитать **БОЖЕСТВЕННОЕ**, или предпочитать *человеческое*. [Попы: — конечно, божественное].

Но если **БОЖЕСТВЕННОЕ**, то, конечно, надо выкинуть всех попов и все поповское с самого начала: потому что бесчеловечным образом они все “Христово” обратили “в утробу себе” и “христианство” для них есть просто “наше жранье”, “наш хлеб”, “наша квартира”. “Матушка и де-тишки” или “наш монастырек”» [Т. 11. С. 181].

Словам, выделенным жирным шрифтом, отведена особая смысловая роль: «Церковь основывается на **“НУЖНО”**. Это совсем не культурное воздействие. (...) **МНЕ НУЖНО**: вот камень, на котором утверждается церковь» [4. С. 412].

Весьма существенными для понимания текста представляются также слова, начертанные прописными буквами: «Кабачок поддерживает выпивающего, а выпивающий поддерживает кабачок. На этой несокрушимой связи держатся **КАБАК** и **ПЬЯНИЦА**, два абсолюта новой цивилизации, города и мостовой» [Т. 8. С. 449].

Интеллигент, по мнению Розанова, — это тот, кто все понимает, обо всем рассуждает, но ничего не делает. В приведенном ниже отрывке прописными буквами выделены глаголы, характеризующие «действия» русского интеллигента:

«Если есть гамак — то он **ЛЯЖЕТ**.

Если есть книжка — он, **ТАК И БЫТЬ, ПОЧИТАЕТ**.

Обед — он **СКУШАЕТ**.

И если трудолюбивая акушерка наймет квартиру — то он **ПОСЕЛИТСЯ**.

Ну, и прочие “функции”...» [Т. 2. С. 232].

Курсивное выделение фиксирует внимание читателя на главном: «Для того, чтобы любить отечество — нужно что-нибудь для него *сделать*» [Т. 11. С. 14]; «Свидетельствовавший меня доктор сказал: “Он может помешаться” (и показал на *свою* голову)» [Т. 2. С. 8].

Курсивом Розанов выделяет также смысловой итог зарисовки:

«Посмотришь на русского человека острым глазком...

Посмотрит он на тебя острым глазком...

И все понятно.

И не надо никаких слов.

Вот чего *нельзя с иностранцем*» [4. С. 24].

В скобки писатель заключает уже упомянутые вставные компоненты: «“Безлюбивый брак” (у христиан “принцип”). — Живите согласнее. Мы вам советуем (цыпленку и коту в одном мешке). “Безлюбивый брак”, естественно, есть разваливающийся, развратный, гадкий. — Мы же вам советуем (попы, почесываясь)» [Т. 2. С. 104].

Скобки уточняют индивидуально-авторское значение предложения, словосочетания или слова: «Мой афоризм в 35 лет: “Я пишу не на гербовой бумаге” (т.е. всегда можете разорвать)» [4. С. 73]; «А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, о деликатном отношении — единственный “светлый гость” в “комнату” (в душу)» [Там же. С. 88].

В скобках также приводятся сведения о времени и месте фиксируемых автором событий, например: (*в вагоне*); (*Сядь на место в концерте Андреева*); (*в казначействе, за пенсией к Пасхе, все мешают толкают*); (*На улице вспомнил*) и др.

Кавычками отмечается авторский смысл слов, выделяются содержательно весомые части высказывания: «Никогда, никогда, никогда ни единый лик Мадонны не заворожил меня так в Италии, как эта “мадонна

спиною” в Брянске» [Т. 11. С. 86.]; «Оснуйте вы сто кабаков и три училища. Что выйдет? Вот Россия “теперь”» [Т. 2. С. 42].

Берутся в кавычки слова и выражения, передающие оттенки оценочной экспрессии: «Этих “хороших морд” на свете я всегда любил. Что-то милое во взгляде. Милое лицо. Смешное лицо. Голос. Такого всегда полюбишь» [Т. 11. С. 59].

В кавычки Розанов заключает слова, свойственные непринужденно-бытовому общению, а также просторечную лексику и фразеологию: «— Почему же ты так рано женат? — Мам-ка жени-ла... Мамка, очевидно, заботливая, и как “стукнул час” — она и женила, чтобы не “избаловался на девках” (“на деревне”» [Т. 8. С. 374].

Употребляя знаки препинания, Розанов прежде всего ориентируется на их эмоционально-экспрессивное воздействие. Так, например, варьирование и необычное соединение вопросительных и восклицательных знаков способно усилить восприятие авторской оценки изображаемого: «[О Мережковском]: Он, мне кажется, родился в скляночке с одеколоном. Не умею, совершенно не умею представить его себе делающим “естественное отправление”. Кстати, я ни разу за много лет знакомства не видел, чтобы он плюнул или высморкался. 10 лет — и ни разу не высморкался!!! Чудовищно» [Т. 2. С. 49]; «Правительство с образами и с могилами. Без народа. Без “действительности вокруг”. Господи. Господи. Неужели это не “зарезанная Русь”?!?!» [Т. 11. С. 125].

Выразительность орнаментального повествования может быть усилена использованием стилистической фигуры умолчания. В этом случае для обозначения прерванности высказывания употребляется многоточие. Читатель должен самостоятельно домыслить авторский текст, а иногда вспомнить и другие тематически близкие тексты: «Ряд попикиков, кушающих севрюжину. Входит философ: — Ну, что же, господа... т.е. отцы духовные. Холодно везде в мире... Озяб... и пришел погреться к вам... Бог с вами: прощаю вашу каменность, извиняю все глупое у вас, закрываю глаза на севрюжину... Все по слабости человеческой, может быть временной. Фарисеи вы... но сидите-то *все-таки* “на *седалище Моисеевом*”: и нет еще такого седалища в мире, как у вас. Был некто, кто, обратив внимание на ваше фарисейство, столкнул вас и с вами вместе и самое “седалище”... Я наоборот: ради значения “седалища”, которое нечем заменить, закрываю глаза на вас и кладу голову к подножию “седалища”...» [4. С. 131].

Словосочетание *седалище Моисеево* воскрешает в памяти читателя главу XXIII Евангелия от Матфея, в которой Иисус открыто обличает фарисеев: «На Моисеевом седалище были книжники и фарисеи. И так все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте: ибо они говорят, и не делают. Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые, и возлагают на плеча людям, а сами не хотят и перстом двинуть их. Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои, и увеличивают воскрилия одежд своих. Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах, и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!

А вы не называйтесь учителями: ибо один у вас Учитель, Христос; все же вы братья» [9].

Налицо использование Розановым приема межтекстовых связей как средства создания образно-оценочной параллели: русский попик — тот же фарисей. Авторский неологизм *каменность* воплощает гордость и надменность как отличительные черты фарисеев.

Многократный повтор устаревшего слова *седалище* в значении «трон», «престол» добавляет в повествование иронические оттенки.

В произведениях В.В. Розанова словоупотребление ориентировано на создание образной формы выражения, на подчеркнутую экспрессию, что предопределяется структурой фразы, изобразительным потенциалом смыслового объема лексических единиц, их звуковой оболочки, грамматической структуры и даже буквенно-графического «представления».

Н.А. Бердяев так отзывался о талантливом художнике слова: «Розанов сейчас — первый русский стилист, писатель с настоящими проблесками гениальности. Есть у Розанова особенная таинственная жизнь слов, магия словосочетаний, притягивающая чувственность слов. <...> В Розанове так много характерно-русского, истинно русского. Он гениальный выразитель какой-то стороны русской природы, русской стихии. Он возможен только в России» [10].

Новый тип авторского повествования, отличающийся от общепринятой нормы, нарушая традицию, наметил новые оригинальные пути развития языка русской художественной литературы.

Литература

1. Карташова Е.П. Стилистика прозы В.В. Розанова. М., 2001.
2. Розанов В.В. Собр. соч. В 26 т. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1994–2008. Т. 2. С. 140–141 [далее в тексте указываются номер тома и страницы этого издания].
3. Шелгунов Н.В. Литературная критика. Л., 1974. С. 283.
4. Розанов В.В. Опавшие листья: лирико-философские записки. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. М., 1992.
5. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. 1977. С. 330–338.
6. Падучева Е.В. О структуре абзаца: Труды по знаковым системам // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1965. Вып. 181. С. 285.
7. Федякин С.Р. Жанр, открытый В.В. Розановым // Розанов В.В. Указ. собр. соч. Т. 8. С. 599.
8. Волжский [Глинка] А. С. Мистический пантеизм Розанова // В.В. Розанов: Pro et contra. Антология. В 2-х книгах. Кн. I. СПб., 1995. С. 426.
9. Библейская энциклопедия. В 2-х книгах. Кн. II. М., 1990. С. 227.
10. Бердяев Н.А. О «вечно бабьем» в русской душе // В.В. Розанов: Pro et contra. Антология. В 2-х книгах. Кн. II. СПб., 1995. С. 42.

Красный смех в повести Л.Н. Андреева

© Н. Ю. ГОЛОВАНОВА

В статье рассматриваются языковые единицы, выражающие понятие «смех», их соотношение, анализ и функционирование в повести Л.Н. Андреева «Красный смех». Особое внимание уделено понятию «Красный смех». В сочетании с другими лексемами это словосочетание используется для создания художественного мира писателя, передачи эмоционального состояния героев и обстановки, в которой они находятся.

Ключевые слова: лексема, образ, смех, Л. Андреев, «Красный смех», репрезентация, синестезийная метафора.

DOI: 10.7868/S0131611718030036

The article deals with linguistic units expressing the concept of «laughter», analyses their functioning in L.N. Andreev's novel «Red laughter». Particular attention is paid to the concept of «Red laughter». In combination with other lexemes this phrase is used to create writer's artistic world, to convey the emotional state of the characters and the environment in which they are located.

Keywords: lexeme, image, laughter, «Red laughter», representation, synaesthetic metaphor.

Л.Н. Андреев является одним из ярких представителей молодого литературного течения — экспрессионизма, зародившегося в Германии. Экспрессионисты изображали мир гиперболизировано, пытались отразить внутреннюю сущность образов и явлений действительности, обнажали весь ужас окружающего мира. В произведениях отчетливо прослеживался протест против кровавой действительности. Человек находился на грани отчаяния, понимания абсурдности жизни. Такое состояние личности ярко отразилось в повести Андреева «Красный смех». Она была написана в 1904 году и явилась откликом на события Русско-японской войны.

Объектом исследования в нашей работе стала лексика, выражающая понятие «смех», в повести Андреева «Красный смех». Целью исследования является выявление лексических единиц, выражающих понятие «смех», их соотношение, анализ, определение функционирования данных лексем для создания художественного мира писателя.

Повесть написана в форме дневника и представляет собой девятнадцать последовательных отрывков. Каждый из них пронумерован и играет смыслообразующую роль: война как бессмысленное противоестественное

человеческое событие, которое нельзя понять, логически осмыслить и оправдать. Фрагментарность повествования является также выражением прогрессирующей болезни героя и нарастающего безумия всего человечества.

Само понятие «Красный смех» вынесено автором в название произведения, как главный образ всей повести. Первое упоминание о нем мы находим в конце второго отрывка: «...перед моими глазами на месте бледного лица было что-то короткое, тупое, красное, и оттуда лила кровь, словно из откупоренной бутылки, как их рисуют на плохих вывесках. И в этом коротком, красном, текущем продолжалась еще какая-то улыбка, *беззубый смех — красный смех*. Я узнал его, этот *красный смех*. Я искал и нашел его, этот *красный смех*. Теперь я понял, что было во всех этих изуродованных, разорванных, странных телах. Это был *красный смех*. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольется по всей земле, этот *красный смех*» [1. С. 461–462. Курсив наш. — Н.Г.]

У лексемы «смех» в толковом словаре В.И. Даля фиксируется одно значение: *Смех* — хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа [2. Т. IV. С. 241–242].

С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова по-другому трактуют «смех»:

«1. Короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства.

2. Нечто смешное, достойное насмешки (разг.)» [3. С. 735].

В приведенном примере из повести Андреева значение лексемы «смех», представленное в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, соответствует авторскому замыслу, так как выражает злорадство, страх и т.д. В произведении данная лексема употребляется в сочетании с прилагательным *красный*.

В толковом словаре В.И. Даля слово «красный» означает рудой, алый, чермный, червлёный; кирпичный, малиновый, огневой, разных оттенков и густоты [Т. II. С. 187], то есть передает непосредственно цвет.

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «красный» имеет более расширенное значение:

«1. Цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цвета мака.

2. Относящийся к революционной деятельности, к советскому строю, к Красной Армии.

3. Употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-н. хорошего, яркого, светлого» [3. С. 303–304].

В повести Андреева лексема «красный» вбирает в себя значение «цвет крови», так как действие происходит на войне, которая подразумевает убийства, насилия, кровь, а в сочетании с лексемой «смех» этот собирательный образ выражает приближение смерти, тревоги, безумия.

В течение повести «смех» приобретал все более яркие и «живые» детали для завершения целостности образа. Автор олицетворяет его, наделяет чертами, присущими живому существу: «Что-то огромное, красное, кровавое стояло надо мною и беззубо смеялось. — Это красный смех. Когда земля сходит с ума, она начинает так смеяться» [С. 497]; «...За окном в багровом и неподвижном свете стоял сам Красный смех» [С. 510].

Его чувствуют, видят и ощущают разные герои повести.

В тексте показан не только «красный смех» как собирательный образ, но и смех, соответствующий основному значению лексемы, представленному в словарях: «И голоса звучали... переходя в крик или бессмысленный, неудержимый смех» [С. 465]; «Поднялся общий смех» [С. 467]; «Я засмеялся» [С. 480] и др.

Интересно рассмотреть репрезентацию смеха через лексему «огненный»: «...веселые ребята, полные огненного смеха, — мы попляшем на развалинах» [С. 479].

В толковом словаре В.И. Даля слово «огненный» имеет значение: «*Огненный, стар. огняный* — огневой, огню свойственный, ему подобный; палящий, знойный, жаркий или раскаленный, горящий; из огня состоящий, пылкий, горячий» [Т. II. С. 644].

Лексема «огонь», ставшая производящей основой для прилагательного *огненный*, имеет следующее значение: «*Огонь, огонь* — явление горения; высшая степень жара, которая проявляется сгущенным светом; соединение тепла и света, при сгорании тела; раскаленный газ, пары, обнимающие все горящее: пламя, *или жар* (тлеющий), искра и пр.» [Там же].

В контексте примера андреевской повести лексема «огненный» в сочетании с лексемой «смех» выражает нечто дьявольское, нечистое, подобное адскому огню. Это страшный смех, злой.

Для репрезентации смеха Андреев использует и другие лексемы, входящие в поле смех — «улыбка», «хохот».

В толковом словаре В.И. Даля мы находим такое значение слова «улыбка»: «*Улыбка, улыбочка* — ухмыленье, ослабленье, усмешка» [Т. IV. С. 490].

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «*улыбка*» означает мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее приветствие, удовольствие или насмешку и другие чувства [З. С. 832].

В повести Андреева мы наблюдаем как раз эти «другие чувства» — страх и смирение перед неизбежными ударами судьбы. Это была улыбка одной из многочисленных жертв безумной и страшной войны.

В тексте повести представлены примеры разных «видов» улыбок: счастливая («...в этом покойном движении чувствовалась та же, как и у нас, счастливая улыбка неожиданной встречи» [С. 474]); заискивающая («...а они шли тесной кучкой... заискивающе улыбаясь бледными губами...» [С. 489]); лживая («И когда наполовину они сделаются трупами и дрожащей, обрванной кучкой устыдившихся зверей соберутся у выхода, улыбаясь лживой улыбкой, — я выйду на сцену...» [С. 494]); улыбка, сравнимая с невинной улыбкой ребенка («Он улыбнулся мне, как ребенок...» [С. 484]); глупая («Я чувствовал, что по лицу моему расплывается улыбка... очень глупая улыбка...» [С. 485]). Каждая из них выражает эти «другие чувства» (счастье, заискивание, ложь, невинность, глупость).

Рассмотрим смех, представленный лексемой «хохотать».

В толковом словаре В.И. Даля мы находим одно значение данного слова: «*Хохотать* — громко смеяться, заливаться смехом или гоготать» [Т. IV. С. 563].

В повести Андреева мы встречаем примеры: «Да, и хохотали... Как пьяные» [С. 463]; «...захохотал глухим, длительным смехом» [С. 465]; «...хохочут, кричат и поют» [С. 478].

Итак, в рассмотренной нами повести Андреева смех представлен лексемами и их сочетаниями: «смех», «красный», «красный смех», «огненный», «огненный смех» «улыбка», «хохотать». «Красный смех» выражает смерть, тревогу, ужас и безумие. Он окрашен в цвет крови, так как действие повести происходит на поле битвы в разгар Русско-японской войны. Через лексему «огненный» автор подчеркивает определенный оттенок смеха, схожий с адским пламенем. Это недобрый смех, страшный и опасный. Автор использует именно эту лексему, символизирующую стихию огня, поскольку эта стихия несет в себе разрушение, опасность и смерть. Автор уточняет, что это смех не одного человека, а группы людей, подобно огню, сметающему все на своем пути.

Но в тексте представлен и «добрый» смех. Он выражен лексемами «улыбка», «хохотать». Автор использует данные лексемы, чтобы передать эмоциональное состояние героев и обстановку, в которой они находятся.

Рассматривая «*Красный смех*», мы можем сказать, что имеем дело с синестезийной метафорой. С точки зрения современной лингвистики, тропы — это не только средства создания образности речи, но и средства передачи новых смыслов.

Синестезия взаимодействует с психическими процессами восприятия и ощущения. Человек выстраивает свою картину мира, воспринимая явления окружающей действительности через ощущения и органы чувств. Ощущения — это психический процесс, отражение состояний и свойств внешней среды, с помощью которого формируются все мысленные образы. Восприятие же — более сложный психический процесс. Он включает в себя совокупность разных ощущений, «отражение предмета или явления при его непосредственном воздействии на рецепторные поверхности органов чувств» [4].

Ощущения познаются разными органами чувств, но при этом, активно взаимодействуя друг с другом, создают целостность. Взаимосвязь ощущений в психологии проявляется в явлении синестезии.

В нашем научном исследовании «*Красный смех*» является синестезийной метафорой, потому что «красный» — это визуальное восприятие образа, а «смех» — слуховое.

По мнению Б.Г. Ананьева, зрительная система обладает «поразительной способностью превращать незримое в зримое, визуализировать любые чувственные сигналы». Возможно поэтому, большая часть синестетических переносов характеризуется переключением сигнала на зрительный канал связи (тактильно-зрительные и слухо-зрительные синестезии) [5].

Выдающийся языковед А.А. Потебня писал, что «каждому из сравниваемых чувственных качеств человек назначает известное место в ряду однородных и весь ряд представлен одною стройною системою. Природа самих восприятий содействует этому в различной мере. (...) В ряду различных по органам чувственных восприятий взрослого человека, рассматриваемых как одновременные члены системы, замечаем, что раздельность восприятий и объективность их оценки возрастает по направлению от общего чувства к так называемым высшим, то есть к зрению и слуху. (...) Бесстрастию, с каким мы воспринимаем впечатления зрения и слуха, соответствует бесконечное разнообразие доступных нам оттенков звука и цвета, которых ни по числу, ни по определенности и сравнивать нельзя ни с какими другими восприятиями» [6].

Таким образом, «Красный смех» не только представлен разными языковыми лексемами, но и является примером такого своеобразного стилистического, лингвистического и психологического явления, как синестезийная метафора.

Литература

1. Андреев Л.Н. Рассказы. Архангельск; Вологда, 1985. Далее указ. только стр.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1978–1980. Далее указ. только том и стр.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Изд. 4-е, доп. М., 1999.
4. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2011. С. 208.
5. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. М.; Воронеж, 2008. С. 112.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913. С. 90.

Воронежский государственный технический университет

«Вечно бабочкой летать...»

Уподобление образов человека и бабочки в русской поэзии

© Ю. В. ЯВИНСКАЯ,

кандидат филологических наук

В статье анализируются примеры поэтической метаморфозы, понимаемой как прием развернутого параллелизма образов (сравнений-метафор), в конструкциях с приглагольным творительным падежом. Материал поэтического корпуса в рамках Национального корпуса русского языка позволяет описать в диахроническом аспекте основные трансформации образов, представленных данной грамматической конструкцией.

Ключевые слова: тропы, сравнение, метафора, метаморфоза, параллелизм, поэтический текст, поэтический корпус.

DOI: 10.7868/S0131611718030048

The paper considers the examples of poetic metamorphose which is understood as a device of parallel images (similes-metaphors) explication in the Verb + Ablative grammar constructions. The examples of the Poetic Corpus in the National Corpus of the Russian Language let the author describe the main transformations of images in this grammar construction in a diachronic aspect.

Keywords: tropes, simile, metaphor, metamorphose, parallelism, poetic text, the Poetic Corpus.

В поэтическом корпусе русского языка в рамках Национального корпуса русского языка [2] встречаются 33 сравнения образов бабочки и человека (души) в конструкциях с творительным сказуемым. Большинство из них представлено в виде «точных метаморфоз» (сравнений-метафор), однако в 14 контекстах сравнения можно считать «полными метаморфозами», по В.П. Григорьеву [1], или видами «развернутого во времени параллелизма», по Р.О. Якобсону [3].

В текстах XVIII–XIX веков в конструкциях с творительным частотным сравнения человека с бабочкой на основе внешних признаков и действий, активно употребляется застывшая метафора «порхать бабочкой» в значении «жить (любить) легко и беззаботно»:

Если б было в нашей власти
Вечно бабочкой летать
Не дивился бы я страсти
С тем любить, чтоб разлюбить.

[Н.М. Карамзин, 1800]

Ты была, малютка, чудно разодета, —
В церковь легкокрылой бабочкой порхнула.

[Л.Н. Трефолев, 1864]

[Курсив здесь и далее наш. — Ю.Я.].

Полные метаморфозы [не человек → а бабочка] строятся на основе мифологического сюжета, ср.: «Психею — душу или мечту — древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном» [К.Н. Батюшков, 1809]. Так, в пастушеской идиллии XVIII века влюбленные, подражая бабочкам, в итоге превращаются в них:

«Ах! станем подражати,
— Сказал он, — свет мой, им;
И резвость съединяти
С гулянием своим;
И, бегая лесочком,
Чете подобясь сей,
Я буду мотыльчком,
Ты — бабочкой моей».

[М.И. Попов, 1765]

В основе обращенного параллелизма [не человек → а бабочка] может лежать «биологический» сюжет о превращении гусеницы в бабочку, ср. стихотворение А. Фета со знаковым названием «Превращение»:

Давно, в поре ребяческой твоей,
Ты червячком мне пестреньким казалась <...>
И вот теперь ты, куколка моя,
Живой души движения скрываешь <...>
Постой, постой, порвется пелена,
На божий свет с улыбкою проглянешь,
И, весела и днем упоена,
Ты яркою нам бабочкой предстанешь.

[А.А. Фет, 1859]

Метаморфоза, заданная конструкцией с творительным предикативным, может не развертываться по пути «зоологической конкретности», а, наоборот, обернуться в тексте «философской» генитивной метафорой:

Что счастливее сей доли,
Как бы бабочкою быть,
На своей всегда жить воле
И любви лишь сладость пить?
Я бы пил, — и, вновь влюбляясь,
Лишь в веселье дни провел
И, с духами сочетаясь,
Был нетления символ.

[Г.Р. Державин, 1802]

В поэзии XX века метаморфоза [не человек → а бабочка] в конструкциях с творительным развивается, как правило, на основе «биологического сюжета» (кокон → гусеница → бабочка) и в большей степени связана с темой смерти. Это, во-первых, могут быть «точечные метаморфозы», не раскрытые полностью в тексте:

те кто возвращается во снах
бабочкою об одном крыле
как перелетели этот страх
снова очутиться на земле?

[В.Б. Кривулин, 1998]

Во-вторых, это могут быть полные метаморфозы, реализованные в тексте, например образ стоящей на пороге перехода в другую жизнь «старой мамы» поэта у Д. Самойлова:

Как червячок,
Закутавшийся в кокон,
Полуслепая
И полуглая,
Она *грызет* тихонько
Домик свой,
Чтоб *маленькою бабочкой взлететь*
И, *шелк* судьбы оставив, умереть.

[Д. Самойлов, 1984]

Интересен пример отрицательного параллелизма, при котором «отвергается ряд метафорический во имя ряда реального» [3], в стихотворении О. Мандельштама, где представлена точечная метаморфоза [не бабочка → а я (тело)]:

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну —
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну:
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину.

[О.Э. Мандельштам, 1935–1936]

В данном примере неполная метаморфоза на основе отрицательного параллелизма сменяется полной метаморфозой на основе обращенного параллелизма [не я (тело) → а улица, страна].

В поэзии XX века в качестве базовых сюжетов метаморфозы в конструкциях с творительным встречаются сюжеты о бабочке, летящей на огонь, о бабочке, попадающей в эфир, ср.:

*Когда б вы были бабочкой ночной,
я б стал свечой, летающей пред вами!*

[Л.Л. Аронзон, 1969]

Кроме того, для данного периода характерно включение образа бабочки в ряды сравнений (и/или метаморфоз) с другими образами природного мира — птицей, пчелой. Это могут быть точечные метаморфозы:

Пунш — и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И — как призрак —
В полукруге арки — *птицей* —
Бабочкой ночной — Психея!

[М. Цветаева, 1920]

Это могут быть также целые ряды возможных перевоплощений [не человек → а...]:

Влекусь рекой, цвету сиреню,
Пылаю солнцем, льюсь луной,
Мечусь костром, беззвучу тенью
И вею бабочкой цветной.

[И. Северянин, 1909]

Тенденция к перечислению точечных метаморфоз у поэтов начала XX века имеет отсылку к архаике, к «первобытному», иногда об этом прямо говорится в самих текстах. Мотив оборотничества в конструкциях с творительным метаморфозы отсылает к известным образам «Слова о полку Игореве» (ср. работы А.А. Потебни). Многочисленные перевоплощения образа поэта «во всех и во все» в данном случае обусловлены особой «подражательной» природой поэтического творчества, а также могут быть связаны с мотивом «другой реальности» — сна, грезы и т.п.:

Прекрасен, *как ворон*, стою в вышине,
Выпуклы *архаически* очи.
Вот ветку прибило, вот труп принесло,
И снова тина и камни.
И важно, как царь, я спускаюсь со скал
И в очи свой клюв погружаю.
И *чудится мне*, что я пью ясный сок,
Что бабочкой переливаюсь.

[К.К. Вагинов, 1926]

Кроме того, в этот период в русскую поэзию проникает китайская притча о превращении человека в бабочку во сне, и этот сюжет становится

базовым для полной метаморфозы [не я → а бабочка] в нескольких контекстах, например:

И сон один припомнился мне вдруг:
Я бабочкой летала над цветами.
Я помню ясно: был зеленый луг,
И чашечки цветов горели словно пламя.
Смотрю теперь на мир открытыми глазами,
Но, может быть, *сама я стала сном*
Для бабочки, летящей над цветком?

[Е.И. Дмитриева, 1927]

В поэзии XX – начала XXI века в конструкциях с творительным для рассматриваемых метаморфоз характерны процессы расщепления и логизации. Так, в стихотворении Арс. Тарковского точечная метаморфоза реализуется по пути отрицательного параллелизма [не бабочка → а женщина], при этом происходит расщепление образа бабочки на отдельные характеристики человека:

Ты, что бабочкой черной и белой,
Не по-нашему *дико* и смело,
И в мое *залетела* жилье,
Не колдуй надо мною, не делай
Горше горького сердце мое.

Чернота, окрыленная *светом*,
Та же *черная* *верность* обетам
И платок, ниспадающий *с плеч*.
А еще в трепетании этом
Тот же *яд* и нерусская *речь*.

[А.А. Тарковский, 1946]

Примером логизации предполагаемого превращения «я» в бабочку может служить пример из современной поэзии:

Гусеницей стать немислимо,
бабочкою – *не резон*:
дня в разгаре шелковистого
накрывают картузóm.

Вся крылатая беснуется
ослепленная братва.
Кто же к ним, болезным, сунется
с пожеланием родства?

[М.Н. Айзенберг, 2015]

В данном случае метаморфоза [не я → а бабочка], заданная в первой строфе, остается не реализованной, поскольку далее содержатся логический и метафорический аргументы «против» подобного превращения.

Таким образом, на примере конструкций с творительным сказуемым можно увидеть пути развития параллелизма образов человека и бабочки от мифологического уподобления — до логического объяснения невозможности уподобления. Подобный анализ важен для понимания видов и способов трансформации тропов внутри поэтического текста.

Литература

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979. С. 237.
2. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>
3. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 280

Белорусский государственный университет

Продуцирующий потенциал класса прилагательных со значением цвета

© Е.А. СМЕРНОВА,

кандидат филологических наук

В статье описываются такие важные аспекты системного изучения лексики, как анализ продуцирующего потенциала класса прилагательных-цветообозначений, а также его взаимодействия — семантического и словообразовательного — с единицами других лексико-семантических множеств.

Ключевые слова: имена прилагательные, цветообозначения, Русский семантический словарь, словообразование.

DOI: 10.7868/S013161171803005X

The article deals with the crucial aspects of lexical class of color terms (adjectives), the analysis of its producing capacity, producing potential and the interaction with other lexical and semantic multitudes.

Keywords: adjectives, color terms, The Russian Semantic Dictionary, word-formation.

В продолжение темы, начатой в публикации [1], на материале прилагательных-цветообозначений будут рассмотрены некоторые релевантные для исследования типологических свойств русской лексико-семантической системы ее характеристики. Задача статьи — представить такие важные аспекты системного изучения лексики, как анализ продуцирующего потенциала функционально-семантических единиц системы и взаимодействия с единицами других лексико-семантических множеств, характеризующего эти единицы как живые, активно порождающие и воспринимающие, находящиеся в постоянном движении и развитии.

1. Порождающий потенциал.

Группа прилагательных, именующих собственно цвет, относится к семантическому классу прилагательных со значением физического признака и в РСС [2] представлена 144 единицами. 16 единиц этой группы обладают продуцирующей способностью, иными словами, способностью порождать в языке новые значения, которые относятся к другим семантическим классам прилагательных, и, что фиксируется реже, — принимать в свою группу значения из других классов. Четыре цветообозначения, именующие базовые цвета спектра (*белый, черный, красный и серый*), а также их оттенки), обладают в языке наибольшей продуцирующей способностью, еще четыре номинации (*желтый, синий, голубой, зеленый*; некоторые из них входят в образования, именующие оттеночные варианты) — немного меньшей. Остальные прилагательные, составляющие большую часть данного класса, или имеют первичное и единственное физическое значение цвета (*багряный, бежевый, кубовый* и др.), или в качестве второго значения именуют цвет, а в качестве первичного отсылают к существительному, от которого они семантически образованы (*агат* → *агатовый, абрикос* → *абрикосовый* и т.п.).

Высокая продуцирующая способность прилагательных *белый, черный, красный и серый* определяется как принадлежностью именуемых ими цветов к базовым цветам спектра, так и той ролью, которую эти цвета играют в русской культуре.

Ниже представлены прилагательные, именующие цвет, отраженные в РСС и обладающие продуцирующей способностью (см. прилагательные, выделенные курсивом): оттенки *желтого*: *ярый* (золотисто-желтый); оттенки *красного*: *жаркий* (огненный), *рыжий* (красно-желтый), *розовый, румяный* (ярко розовый, красный); оттенки *серого*: *седой* (тускло-серый), *дикий* (темно-серый); оттенки *голубого*: *небесный* (нежно-голубой); *белый, зеленый; синий; черный*.

Характеристика цвета напрямую связана с ассоциативным мышлением. Так, А. Вежбицкая пишет: «Цветовое восприятие нельзя выразить словами. Тем не менее, мы можем о нем говорить, потому что умеем связывать наши зрительные категории с определенными универсальными доступными человеку образцами (моделями). Я предлагаю включить в число таких моделей огонь, солнце, растительный мир и небо (так же, как день и ночь); и эти модели составят основные точки референции в человеческом “разговоре о цвете”» [3]. Подобное ассоциативное восприятие действительности подталкивает лексикографов к созданию «квазисодержательных определений значений цветовых и вкусовых прилагательных» [4]: *черный* «цвета сажи, угля», *белый* «цвета снега, молока, мела» и т.д. — то есть к семантическому уподоблению.

Ассоциативное восприятие окружающего мира отражается непосредственно в языке: прилагательные-цветообозначения продуцирует большое количество метафорических переносов, относящихся к другим семантическим классам. Например,

к классу прилагательных со значением **оценки** [2. С. XVII–XVIII. Здесь и далее приводится нумерация значений в соответствии с источниками, указанными в Предисловии к РСС]: 1. розовый (цвет) → 2. *перен.* То же, что радужный. *Розовые надежды.*; 1. серый (цвет) → 3. *перен.* Ничем не замечательный, посредственный, малоинтересный. *Серое существование. Серая повесть.*; 1. черный (цвет) → 6. *перен.* Безотрадный, мрачный, тяжелый. *Черные мысли. Черные дни. В черных красках изобразить что-н. Видеть все в черном свете.*;

к классу прилагательных со значением **интеллектуально-эмоционального признака**: 1. голубой (цвет) → 2. *перен.* Ничем не омраченный, идиллический. *Голубые сны. Голубая мечта* (самая заветная, несбыточная). *Голубая роль* (маловыразительная роль положительного персонажа). *Голубая характеристика* (односторонне положительная); 1. серый (цвет) → 4. *перен.* Малокультурный, необразованный (разг.). *С. человек.*;

к классу прилагательных со значением **физического признака** (здесь показано развитие значений внутри одного класса): 1. серый (цвет) → 2. *перен.* О цвете лица, кожи: болезненно бледный, землистый. *Лицо, серое от горя.*;

к классу прилагательных с **темпоральным** значением: 1. желтый (цвет) (→ желторотый – с желтизной около клюва (о птенцах)) → *желторотый птенец* – молодой, наивный и неопытный человек (разг. *пренебр.*).

Некоторые устойчивые сочетания и метафоры, продуцируемые словами данного семантического класса, характеризуются сужением сочетаемости, формированием связанных значений, чаще – сужением носителя признака. В основном, они относятся к классу прилагательных со значением социального признака: *зеленый* → Зеленые береты – в вооруженных силах США: войска специального назначения.; *серый* → Серый кардинал – лицо, обладающее властью, но не занимающее соответствующего высокого положения и остающееся в тени [по названию монаха – отца Жозефа, доверенного лица, вдохновителя и участника интриг кардинала Ришелье (во Франции XVII в.)]; *белый* → 3. В первые годы гражданской войны: относящийся к вооруженной борьбе за восстановление законной власти в России. *Б. офицер. Белое движение. Белая кость* – человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России; *черный* → 10. *полн.ф.* Принадлежащий к непривилегированным, эксплуатируемым классам общества (устар.). *Ч. народ. Черная кость; красный* → 2. Относящийся к революционной деятельности, к советскому строю. *Красные партизаны.* ♦ Красная Армия – название Советской Армии в период 1918–1946 годов. Красный флот – название Советского Военно-Морского Флота в период 1918–1937 годов. В класс со значением количественного признака попадает устойчивое словосочетание, образованное с прилагательным *красный*: Красная цена (разг.) – наивысшая, к-рую можно дать за что-н. Прилагательное *землистый*, употребляемое в качестве характеристики цвета лица (2. О цвете лица, кожи: болезненно бледный, с серым оттенком), остается внутри класса

со значением физического признака, но носитель признака сужается до единственно возможной сочетаемости: *землисто-серое лицо, землистый цвет лица*.

II. Взаимодействие классов имен прилагательных.

1. Семантическое взаимодействие классов.

Прилагательные с цветовой семантикой взаимодействуют с другими семантическими классами, продуцируя значения, относящиеся к таким классам, или – реже – продуцируемы последними. Прилагательные со значением цвета часто выступают как *воспринимающий класс*. Как видно из приводимых ниже примеров, большинство цветовых значений рассматриваемого класса продуцируется отыменными прилагательными:

4. жаркий (цвет) ← 1. Дающий сильный жар, горячий. *Жаркие лучи. Ж. день* (знойный). *Жаркие языки пламени. Жаркая баня*.

3. золотой (цвет) Блестяще-желтый, цвета золота. *Золотые кудри. Золотая осень* (осенняя пора, когда особенно ярко желтеющие листья). ←

1. см. *золото*.

2. кровавый (цвет) ← 1. *полн.ф.* Содержащий кровь, с кровью.

2. мучнистый (цвет) ← 1. Содержащий крахмал; по составу, виду похожий на муку.

3. кофейный (цвет) ← 1. см. *кофе*.

4. молочный (цвет) ← 1. см. *молоко*.

3. небесный (цвет) ← 1. см. *небо*.

4. огневой (цвет) ← 1. см. *огонь*.

2. огненный (цвет) ← 1. см. *огонь*.

2. песочный (цвет) ← 1. см. *песок*.

2. песчаный (цвет) ← 1. Содержащий песок, покрытый песком. *П. берег. Песчаная почва. Песчаная буря* (несущая массы песка).

2. пламенный (цвет) ← 1. см. *пламень*.

2. ржавый (цвет) ← 1. Покрытый ржавчиной, содержащий окислы железа. *Р. гвоздь. Ржавая крыша, подкова*.

2. румяный (цвет) ← 1. О цвете лица: ярко-розовый, с румянцем. *Румяные щеки, губы*.

2. сахарный (цвет) *перен.* Чисто белый, цвета сахара. *Сахарные зубы*. ← 1. см. *сахар*.

2. свинцовый (цвет) ← 1. см. *свинец*.

2. седой (цвет) ← 1. О волосах, реже шерсти: белый вследствие потери окраски, а также имеющий такие волосы. *Седые виски. Седая борода. Седые пряди. С. старик. С. волк. С. как лунь* (совершенно седой). *Дожить до седых волос* (состариться).

2. серебряный (цвет) Блестяще белый, цвета серебра. *С. свет луны. Серебряная борода* (серебристо-седая). ← 1. см. *серебро*.

3. смолистый (цвет) ← 1. Содержащий смолу, покрытый смолой. *Смолистое вещество. Смолистые хвойные деревья. Смолистая кора*.

2. стальной (цвет) ← 1. см. *сталь*.

4. телесный (цвет) ← 1. см. *тело*.

и т.д.

2. Словообразовательное взаимодействие классов.

Для прилагательных-цветообозначений характерна способность выступать мотивирующей основой производных единиц. Словообразовательные модели, по которым образуются глагольные формы от прилагательных, называющих основные цвета, можно назвать продуктивными, чего нельзя сказать об образовании последующих существительных с тем же значением (последнее в ряде случаев изменяется, включая дополнительные семы). Сравн.: *зеленый* → *зеленеть* → *зелень*; *белый* → *белеть* → *белизна*; *розовый* → *розоветь* → ?; *оранжевый* → *оранжеветь* (исключение – *фиолетовый* → ?). Существительные образуются с помощью различных суффиксов: *-изн-*, *-ин-*, *-от-*, *-ев-*, *-ость-*, *-о-*.

Примеры с полной цепочкой: *желтый* → *желтеть* → *желтизна*; *голубой* → *голубеть* → *голубизна*; *красный* → *краснеть* → *краснота*; *черный* → *чернеть* → *чернота*; *синий* → *синеть* → *синь*, *синева*; *серый* → *сереть* → *серость*; *рыжий* → *рыжеть* → *рыжина*.

Напротив, образования с *-оватый*, которые обозначают цвет, приближающийся к соответствующему основному, не продуцируют глаголов, но продуктивно образуют существительные: *беловатый* → *беловатость*; *желтоватый* → *желтоватость*; *сероватый* → *сероватость*; *зеленоватый* → *зеленоватость*, *синеватый* → *синеватость* и т.д. А прилагательное *фиолетовый*, при отсутствии других (глагольных и именных, дериватов), продуцирует краткую просторечную оценочную форму *фиолетово*, выступающую в функции предиката: *Мне это фиолетово!* (то есть безразлично).

В художественных текстах значение цвета может передаваться существительным, мотивирующим отыменное прилагательное-цветообозначение (сравн.: *изумруд* → *изумрудный*, *яхонт* → *яхонтовый* и т.д.). Подобное авторское употребление представлено у Н.В. Гоголя в описании летнего дня в Малороссии: «*Изумруды, топазы, яхонты* эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками» [5. Курсив наш. – Е.С.].

В заключение подчеркнем, что класс прилагательных с цветовой семантикой обладает высокой продуцирующей способностью; миграция значений из рассматриваемого класса происходит в следующие классы: со значением оценки, интенсивности, интеллектуально-эмоционального, социального признака и со значением физического признака. В последнем случае развитие значений происходит внутри одного класса и большинство из них продуцируется отыменными прилагательными. Наиболее продуктивными являются основные цвета спектра: *белый*, *черный*, *красный*, а также *серый* с многочисленными оттенками, которые также обладают продуцирующей способностью. В данном классе широко представлены слова с переносной семантикой, выраженные фразеологическими единицами, а также устойчивыми сочетаниями и метафорами, в ряде случаев характеризующимися сужением носителя признака.

Литература

1. *Смирнова Е.А.* Семантика и узус имен прилагательных со значением цвета // *Русская речь.* № 2. М., 2018.
2. *Русский семантический словарь* / Под общей ред. акад. Н.Ю. Шведовой. Т. I–IV. М., 1998–2007.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 284.
4. *Шрамм А.Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка. Л., 1979. С. 20.
5. *Гоголь Н.В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. М., 2011. С. 17.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Статья подготовлена при поддержке РФФИ.

Грант № 17-29-09131 (офи_м).

Два на́ два или два на два́?

Особенности места ударения в сочетаниях «предлог плюс числительное» в современной речи

© Е. М. АЛТАЙСКАЯ

В статье рассматриваются закономерности постановки ударения в сочетаниях «предлог плюс числительное» в современном русском литературном языке, выявляется иерархия факторов, как способствующих, так и препятствующих сохранению старшей нормы с ударением на предлоге или закреплению новой нормы с ударением на числительном.

Ключевые слова: произносительные нормы, ударение, старшие и младшие нормы ударения

DOI: 10.7868/S0131611718030061

The article discusses the regularities of the production of the stress combinations «preposition plus numeral» in the modern Russian literary language and reveals the hierarchy of factors contributing to and hindering the preservation of old standards with the stress on the preposition or the consolidation of new norms with emphasis on numerals.

Keywords: pronunciation norms, the stress, the old and the new norms of the accentuation.

В современном русском литературном языке в некоторых случаях ударение, нарушая правила, падает не на знаменательное слово, а на служебное, а знаменательное слово при этом становится безударным, объединяясь со служебным в единое фонетическое слово. Это наблюдается в произношении ряда сочетаний имен существительных, имен числительных, глагольных форм прошедшего времени с односложными служебными частями речи — предлогами и частицами, например: *за́ руку, по́ двое, кто бы́ ни́ был, не́ дан*.

Перенос ударения со знаменательного слова на служебное в определенной мере явление периферийное для современной системы акцентуации. Считается, что одна из тенденций развития звукового строя языка в настоящее время — унификация, отказ от исключений в разных языковых сферах, в первую очередь, в акцентировании. Следует предположить,

что ударение на служебных частях речи, широко распространённое ранее, у нас на глазах становится архаичным и малоупотребляемым — такое предположение сделали Л.Л. Касаткин [1] и Н. Юкая [2].

Однако в современной живой звучащей речи сохраняется множество таких «странностей». Более того, как обращает внимание Л.Л. Касаткин, в ряде случаев нормативным и литературным продолжает оставаться именно безударное произношение знаменательных частей речи — а отсутствие ударения на предлоге/частице воспринимается как неправильность, отклонение от нормы.

В чем же причина сохранения такого «архаизма» в акцентуации? Почему мы по-прежнему говорим *умножить на два* или *разделить на пять*, а не только *умножить на два* и *разделить на пять*? Какие причины препятствуют реализации в полной мере тенденции к «отказу от исключений»?

В настоящей статье рассматривается проблема места ударения в сочетаниях *предлог + числительное* на материале, полученном разными способами. Были произведены:

- анализ нормативных рекомендаций словарей 1950–2010-х годов;
- учет фактов большого корпуса данных, полученного при скрытом наблюдении за живой звучащей речью носителей языка, просмотр записей художественных фильмов и телепередач, прослушивание радиопередач.
- «наивно» составленный эксперимент, от участников которого не скрывалась цель исследования; 200-м дикторам от 16 до 85 лет было предложено без подготовки прочесть вслух текст, содержащий большое количество изучаемых сочетаний; особое внимание было обращено на случаи «самоисправления», неуверенности в произношении, колебаний между произносительными вариантами).

Поскольку одной из целей исследования было выявление динамики рассматриваемого явления и его социолингвистической обусловленности, в «наивно» составленном эксперименте дикторы были разделены на три возрастных группы: до 25 лет, 25–55 лет и старше 55 лет. Значительную часть дикторов составили студенты, аспиранты и профессорско-преподавательский состав как естественных, так и гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В процессе скрытого наблюдения фиксировался возраст носителей языка (в примерах из речи людей, незнакомых исследователю — приблизительный), а при наличии данных — образование и профессия.

Суммирование данных из перечисленных источников позволило прийти к следующим выводам о закономерностях постановки ударения в сочетаниях *предлог + числительное* в современной звучащей речи. Была выявлена система факторов разного характера, одни из которых были благоприятны для сохранения старой нормы (с ударением на предлоге), а другие увеличивали вероятность ударения на числительном по новой норме.

Начнем с тех факторов, которые **препятствуют переносу ударения на предлог** и практически не зависят от возраста носителей языка (для старшей произносительной нормы их значение иногда менее выражено).

К таким относятся:

– указание на *точное* время совершения действия или иные точные характеристики (на роль употребления именной лексемы в буквальном значении как на фактор сохранения ударения на ней указывают Н.А. Еськова [3] и Н. Юкая [2]): *Вы на два́м? Поставьте будильник на пя́ть. Хлеб стал на два́ рубля доро́же. Комната больше на три́ метра. Опоздали на три́ минуты! Поезд ушел!*;

– наличие слов-усилителей, семантическое подчеркивание количества: *Вы подаете замечания СРАЗУ на два́ протокола?*;

– наличие противопоставления: *Все-таки обзор за два́ года, а не всего подряд*;

– пропуск имени существительного, определяемого числительным: в этом случае числительное берет на себя дополнительную смысловую нагрузку, фактически заменяя собой сочетание «числительное плюс существительное». *Отучился неде́лю, а на две́ – с родителями в Испанию.*

В кассах метро: *На две́. На две́. На две́*;

– выступление числительного в роли существительного: *Знаем все, но отвечаем на два́.*

Но в отдельных случаях закономерности, определяющие место ударения на предлоге или на числительном в рассматриваемых сочетаниях, связаны с возрастом носителей языка. Например, в трехчленных сочетаниях «числительное – предлог – числительное», четко указывающих на размер/количество, в младшей норме чаще ставится ударения на двух знаменательных лексемах: *размером два́ на три́; комна́та три́ на ше́сть.*

Однако носители старшей нормы произношения в большей степени привержены классическому произношению с сохранением напредложного акцентирования, зафиксированного, в том числе, в поэтических текстах, кинофильмах и устном народном творчестве (на их роль обращает внимание и Р.Ф. Касаткина [4; 5], и И.Л. Резниченко [6]: *снимок дома у меня – два́ на́ три метра; се́мь на́ восемь; во́семь на́ семь; гемато́ма – ше́сть на́ три; разме́ром пя́ть на́ пять; два́ на́ два.*

В речи носителей младшей нормы произношения переносу ударения с числительного на предлог будет препятствовать и соседство в одной фразе нескольких лексем, обозначающих количество: *Спали по два́-три часа за два́ дня* (во втором сочетании возможно также ударение на предлоге). Ср.: *да они перед экзаменом спят по́ два- по́ три часа!*

Среди факторов, которые, напротив, **способствуют сохранению напредложного ударения** – не только лингвистическая память, фразеологичность сочетаний (значение которой подчеркивает А.А. Зализняк [7])

и акцентное выделение сочетания с сохранением ударения на предлоге: *на три человека мы делим; умножить на два; пять на шесть будет тридцать.*

К закономерностям, способствующим акцентированию служебной лексики в сочетаниях «предлог плюс числительное» в современной норме, относятся:

— малозначительность срока/количества для говорящего/слушающего, нейтральная речевая ситуация (этот фактор очень важен для «младшей» нормы): *Тут еще гарантия на два года. Да ладно — на три рубля дороже это не страшно! Да мы опоздали всего на три минуты;*

— семантика неопределенности, приблизительности (в том числе усиленная уменьшительным суффиксом имени существительного): *на часик-на два; за день- за два;*

— постпозиция числительного в сочетаниях «существительное – предлог – числительное», усиливающая семантику неопределенности: *пять на шесть будет тридцать.* Фактор, также отмеченный А.А. Зализняком [7] *года на два.*

Наличие в высказывании другого сочетания с ударением на служебном слове (как правило, имени существительном) фактор сильный, но неоднозначный. Он может как способствовать переносу ударения на служебную лексему, так и препятствовать ему: *Приезжают за день или даже за два — посмотреть.*

Пояснение, повторение, освобождающее числительное от дополнительной смысловой нагрузки, также может способствовать переносу ударения на предлог: *Мир делился на три части: Европа, Азия, Африка.*

Сравним факторы, влияющие на акцентирование сочетаний «предлог плюс числительное». Видно, что сохранению ударения на числительном способствует конкретное указание на количество, размер, временной промежуток и т.д. и важность этих количественных характеристик для говорящего.

А значение неопределенности и приблизительности, напротив, приводит к переносу ударения на служебное слово — как и указание говорящего на незначительность, неважность понятия, обозначаемого именем числительным (то, что субъективная оценка может не соответствовать действительности, в данном случае не имеет значения). *Поезд задерживается на два часа. Приеду в гости на два часика. Вес уменьшился на два килограмма. Подумаешь, на два килограмма!*

О влиянии такого социолингвистического фактора, как ситуация эмпазы, следует сказать особо. В настоящей статье под эмпазой понимается выражение сильных чувств говорящего по поводу каких-то явлений жизни. В современной внеязыковой действительности под это определение могут подойти множество ситуаций, требующих указания на размеры, цену, сроки выполнения работ и т.д. Особенно часто эмпатизируются обозначения временных рамок и денежных сумм: *Я за две недели взял*

55 интервью. На *шесть* он не согласился (о сумме, пропущена словоформа имени существительного — «тысяч»).

В речи старших носителей языка, тем не менее, возможен перенос ударения даже в разговоре о ценах и сроках (эмпзаза выражается путем акцентного выделения). Ср. примеры из речи знаменитого спортивного комментатора Николая Озерова: «удалить с поля на две минуты» и т.д.

Сегодня переносу ударения с числительного на предлог во фразеологических сочетаниях препятствует их определенная «дефразеологизация» в понимании современного носителя языка. Например, сочетание *на две минуты* сегодня часто употребляется в разговорной речи не только в приблизительном смысле (ср. «на секундошку» — ненадолго, на короткое время), но и в значении «на время, равное двум минутам». Причем употребление этого сочетания как конкретного указания на промежуток времени не ограничивается такими ситуациями, как спортивные соревнования или движения поездов. Так начинает действовать фактор буквального значения именной лексемы, отмеченный Н.А. Еськовой [3; 8], А.А. Зализняком [7] и Н. Юкая [2].

С одной стороны, процесс избавления от напредложного ударения сочетаний, «предлог + числительное» затрагивает практически все типы таких сочетаний даже в составе фразеологизма — на эту тенденцию обратили внимание Л.Л. Касаткин [1] и Р.Ф. Касаткина [5] (например, при разговоре об умножении/делении ударение нередко ставится на предлог). Но в настоящее время уже в детской речи появляется новый тип акцентирования: *умножить на два*.

И даже орфоэпические словари, начиная с изданий под редакцией Р.И. Аванесова 1980-х годов [9], рекомендуют для числительных *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сто, сорок* два равноправных варианта произношения — *на пять* и *на пять, за сто* и *за сто* и т.д.).

Но как показали наблюдения, в современной живой речи сохраняется большое количество примеров с переносом ударения с числительного на предлог. В ходе исследования также обнаружилось появление форм-энклиноменов, то есть безударных знаменательных слов, у имен числительных, в традиционном литературном произношении их не имевших — часто обусловленное общностью семантики: *Можно за один раз* (как *за два раза, за три дня*). *Снизилась на одну десятую* (ср. *на два/три пункта*).

При этом фактор возраста говорящего не стоит считать решающим для переноса ударения на служебную лексему или его сохранения на лексеме знаменательной. Определяющую роль играет не возраст, а представление говорящего о норме произношения.

В ходе «наивно» составленного эксперимента дикторы младше 25 лет делали значительное количество самоисправлений — вначале произнося интересные сочетания, как правило, с ударением на имени числительном, а затем, после секундной паузы, с ударением на предлоге.

Обратная картина наблюдалась при произнесении сочетаний, в которых акцентирование служебной лексемы является дополнительным устаревшим вариантом произношения (по данным орфоэпических словарей). Сравним такие примеры: *Ему было не больше чем за сорок. Ой, за сорок. Съездить дней на пять... на пять.*

По значительному количеству самоисправлений у молодых носителей языка и практическому отсутствию их в средней и старшей возрастных группах можно сделать вывод, что у носителей «младшей» нормы произношения представление об анализируемой норме неустойчиво и основано на внутреннем противопоставлении: традиционное, литературное, правильное ударение – это ударение напредложное, в то время как привычным и естественным уже стало акцентирование числительного (на эту особенность «младшей» произносительной нормы впервые обратили внимание авторы «Большой орфоэпический словарь русского языка» М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной).

Колебания и самоисправления, подобные приведенным выше, происходили у молодых носителей языка и в их спонтанной речи, что было зафиксировано в ходе направленного наблюдения.

Сложно предположить, что в дальнейшем полностью исчезнет явление переноса ударения на служебное слово даже в такой группе сочетаний, как «предлог плюс числительное». Стремление к избавлению от безударных знаменательных слов в определенном смысле обедняет язык. Данные исследования, приведенные в настоящей статье, подтвердили предположение А.А. Зализняка [7] и Н. Юкая [2] о том, что определенные варианты акцентирования рассматриваемых сочетаний оказываются связанными с определенными лексико-семантическими особенностями. Например, конкретное указание на размер, количество или промежуток времени способствует сохранению ударения на имени числительном. А семантика неопределенности, приблизительности, незначительности, напротив, часто приводит к акцентированию служебной лексемы.

Равноправные, по данным орфоэпических словарей, варианты произношения с ударением на служебном и на знаменательном слове зачастую приобретают дополнительную семантику, отличающую их друг от друга, то есть перестают являться дублетами. И язык вынужден сохранять оба варианта. Еще раз приведем примеры: *Приеду к вам в гости на два часика. Поезд задерживается на два часа. На три года младше... Программу материнского капитала продлят на три года.*

Таким образом, перенос ударения в сочетаниях «предлог плюс числительное» приобретает еще одну функцию – смысловоразличительную (в отношении имен существительных ее фиксируют даже толковые словари – например, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова. Так нестандартное акцентирование способствует наиболее полному раскрытию семантики высказывания – и, следовательно, необходимо языку.

Литература

1. *Касаткин Л.Л.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.
2. *Ukiah N.J.* Stress in modern Russian inflection: patterns and variation. Doctoral thesis, University of London, 1996.
3. *Еськова Н.А.* Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. Около 1200 слов. М., 1994.
4. *Касаткина Р.Ф.* Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последние десятилетия // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к семидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна / Отв. редакторы Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М., 2001.
5. *Касаткина Р.Ф.* Звучащая речь в средствах массовой информации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007.
6. *Резниченко И.Л.* Словарь ударений русского языка. М., 2008.
7. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003.
8. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Свыше 70 000 слов. Изд. 10-е, испр. и доп. / Под ред. Н.А. Еськовой. М., 2015.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Кликбейт в СМИ

© А. В. НИКОЛАЕВА,

кандидат филологических наук

Кликбейт в журналистике. Интернет меняет наше понимание о том, какими должны быть названия материалов СМИ, диктует свои законы построения текстов. Именно интернет породил такое явление, как кликбейт. Что же стоит за этим определением?

Ключевые слова: кликбейт, образные средства языка, интернет, этическая норма.

DOI: 10.7868/S0131611718030073

Clickbait-style journalism. Social media and its effect on journalism or the news industry isn't really a new phenomenon created by the internet — it's just that the internet has done what it does to almost everything, which is to make it easier to create, publish and spread than it has ever been before. The article describes the phenomenon of online text, it discusses linguistic and extralinguistic of features.

Keywords: journalism, clickbait-style, social media, linguistic.

Совершенно очевидно, что все люди, имеющие доступ в Интернет, сейчас являются свидетелями уникального явления: на наших глазах меняется язык, приспособляясь к условиям непрерывного потока информации.

СМИ, интернет воспроизводят характерные приметы современной языковой ситуации. Исследователи говорят о таких особенностях языка СМИ на современном этапе, как:

- тенденция к упрощению;
- тенденция к нелитературности;
- прецедентность;
- активное использование языковой игры;
- экспрессивный синтаксис.

Все эти особенности проявляются прежде всего в заголовках. Именно заголовок должен сразу, мгновенно привлечь внимание, так как в среднем людей, читающих на сайте только заголовки, больше, чем читающих основной текст. Читателей привлекают экспрессивные, эксцентрические заголовки, поэтому их так много в СМИ. Например: «Министерство

возвращает природе девственность. Экологические нормативы опротестовали в РСПП» (Коммерсант.ru. 10.10.17); «Пшеницу ограничили по самым помидоры» (Ведомости. 09.10.17).

Заголовки вроде «Людоеды Дима и Наташа консервировали кошек и собак» не соответствуют этической норме, являются тиражированием модели девиантного поведения.

Некоторые экспрессивные заголовки строятся по шаблону, являются пустышками, наживкой для доверчивых читателей. Содержание текстов в этих случаях не соответствует обещанному в заглавии. Например: «Шок! Посмотрите, что произносит умирающее животное» (Faktru.com); «Шок! Посмотрите, что он делает с ними!!!» (ok.ru) В этих случаях речь идет о так называемом кликбейте.

Слово «кликбейт» произошло от английских слов *Click* (кликнуть) и *Bait* (наживка), другими словами, это «кричащий заголовок». В русском языке более частотным является слитное написание этого слова, в англоязычных источниках также, хотя встречается и дефисное написание. Однако слитное, скорее всего, станет общей нормой.

Кликбейт — это заголовок, который провоцирует читателей нажать на него. В данном определении нет указания на то, что мы имеем дело с явлением, которое порицается обществом и считается недопустимым в информационном пространстве.

Однако практически во всех странах с развитыми СМИ кликбейту объявлена война. Параллели с англоязычными масс-медиа доказывают глобальность поднятых проблем: практически во всех качественных СМИ мы видим заголовки, которые только информируют читателя о событии, четко указывая на денотативное пространство текста, на ту ситуацию, которая в нем представлена.

В чем же дело? Почему привлекающий внимание заголовок оказался вне закона? Дело в том, что и читатели, и журналисты устали от дезинформирующих заголовков, которые вводят нас в заблуждение, привлекая, не дают ту информацию, которая заявлена в названии. Не в меньшей степени тревожит большой процент заголовков, нарушающих этические нормы.

Наиболее подробное объяснение того, что представляет из себя кликбейт, дает Фейсбук, определяя кликбейт как заголовки, умышленно скрывающие важную информацию, проясняющую суть поста, либо как заголовки, вводящие пользователя в заблуждение и вынуждающие перейти на целевой сайт, чтобы узнать ответ. Типичные кликбейт-заголовки в понимании Facebook: «Она заглянула под диванную подушку и обнаружила ЭТО... Я в шоке!»; «Он клал чеснок в ботинки перед сном. Ты не поверишь, что случилось потом!».

Фейсбук рекомендует всем пишущим использовать ясные заголовки, из которых пользователь сразу понимает, о чем предлагаемая публикация.

Но тут вновь мы наблюдаем недостаточное определение понятия. Что означает «ясные»? Имеется в виду информативные заголовки, относящиеся исключительно к фактологическому пространству текста? Мы видим, что большинство новостных заголовков строится именно по этому принципу, например: «Минобороны запретит военным выкладывать селфи в соц-сетях»; «Двухлетняя девочка задолжала коммунальным службам более 10 тысяч рублей».

Но в художественной литературе, в очерке, в авторском блоге действуют другие законы. Там никто не в силах отменить образ автора и индивидуальный авторский стиль. Получается, что свою пьесу «Гроза» А.Н. Островский должен был бы назвать «Женщина утопилась в Волге». Название «Гроза» имеет право присутствовать исключительно в сводках Гидрометцентра.

Являясь топовым блогером, я размещаю свои материалы на многих интернет-площадках. Одна из них, Яндекс. Дзен, прислала мне 3 октября 2017 года такое письмо: «Добрый день! На вашем канале был замечен кликбейт. Пожалуйста, поправьте публикации вашего канала, чтобы снять ограничение показов, и напишите в ответ на это письмо, что исправления сделаны. Снятие ограничения произойдет автоматически в течение двух недель после вашего письма, если система не обнаружит повторно нарушений на вашем сайте. С уважением, Яндекс Бот».

Заметим, что сообщение прислано от имени «бота», то есть письмо — это результат работы отлаженной поисковой системы. Человек не участвует в работе на этапе обнаружения кликбейтов. Автору не говорится, в каких именно материалах обнаружены нарушения.

На мой вопрос, как именно я могу найти кликбейт, редактор, уже не робот, выслала такую инструкцию.

«Кликбейт — это заголовки, в которых присутствует:

- использование указательных местоимений (“этот”, “эта”, “эти”) для создания ощущения диалога с читателем;
- обращение к читателю на “ты”;
- противоречие между обыденным и удивительным;
- немотивированное использование многоточий, вопросительных и восклицательных знаков;
- обилие ярких эпитетов;
- гиперболизация, преувеличение значимости описанного;
- включение в заголовок фразеологизмов, выражений из повседневной речи;
- неполные предложения, обычно передающие удивление или восторг;
- повелительное наклонение;
- построение заголовка таким образом, чтобы заинтриговать читателя, но не раскрывать суть информационного повода».

Сама редактор отказалась выделить те названия моих материалов, которые попали под запрет. Это тоже по инструкции: «...по нашим правилам мы не высылаем авторам конкретные ссылки на публикации с нарушениями. Это делается для того, чтобы настоящие нарушители на платформе, которые специально злоупотребляют кликбейтными заголовками, не могли подстроиться под наши правила».

Эти «правила» общие, они есть и в статье «Кликбейт», размещенной на сайте Википедии.

Как грубые нарушения обозначены заголовки, в которых есть ощущение диалога с читателем; обращение к читателю на «ты»; вопросительные знаки. Чернышевского с его «Что делать?» забанили бы не за содержание, а за простой вопросительный знак в заглавии.

Значит, если блогер хочет разместить в своем блоге пост «Как приготовить вкусный суп?», он сразу становится нарушителем порядка, так как смеет:

- использовать знак вопроса;
- напрямую обращаться к читателю;
- прямо провоцировать ситуацию диалога.

Запрещено использование ярких эпитетов.

Как же «Дикий помещик» Салтыкова-Щедрина, «Последняя жертва» Островского?

Запрещено включение в название фразеологизмов.

Простите, а куда денем пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «В чужом пиру похмелье»? Некоторые исследователи включают в словари фразеологизмов и пословицы.

Запрещается противоречие между обыденным и удивительным.

А «Царевна-лягушка», гоголевский «Нос»?

Разве возможно удалить из информационного пространства все названия, в которых присутствуют фразеологизмы, эпитеты или экспрессивный синтаксис?

Совершенно понятно, что система обнаружения кликбейта не может основываться только на механическом фиксировании каких-то языковых особенностей материала с последующим блокированием всех текстов, в заглавии которых имеются экспрессы.

Вспомним классику отечественной журналистики: «Доморощенный Треф» В. Гиляровского; «Город желтого дьявола» М. Горького; «Концентрационный лагерь нищеты» Л. Рейснер; «Войну нервов», «Василиска», «Пауков в банке», «Живые тени», «Близится час», «Руки коротки» И. Эренбурга.

Это все кликбейт: в названиях присутствуют яркие эпитеты, метафоры, фразеологизмы. Но такие тексты современных авторов отныне будут пессимизированы, их не будут показывать в строке поиска, читатели их не увидят.

Исключение из заголовков образных средств приведет и к тому, что снизится читательская компетенция в целом. Лишившись образных средств в газетах, журналах, на сайтах СМИ, читатель разучится распознавать их в художественной литературе.

Понятно, что отечественные инструкции по борьбе с кликбейтом строятся в соответствии с теми рекомендациями, которые используются для распознавания данного явления на Западе. Представляется, что русскоязычная пресса многое потеряет в результате такого бездумного подравнивания под западные стандарты.

Не рискуем ли мы выплеснуть вместе с водой младенца? Ведь публицистический стиль — это не только новостной регистр, это и очерковая проза, и авторские блоги, и журналистские расследования, интервью, наконец.

Самое любопытное, что все без исключения официальные СМИ уже научились активно использовать кликбейт, не ставя себя под удар. Например, наше государственное агентство ТАСС.

Смотрим анонс его новостей на партнерском сайте. Например: «Николая II никто не убивал!»: как на самом деле умер император?» Кликаем и на официальном сайте ТАСС видим совсем другое заглавие.

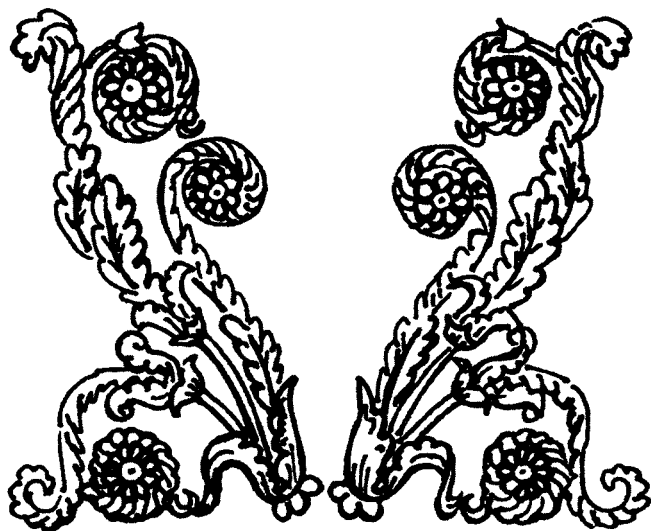
Агрегатор СМИ 2 — генератор кликбейтов, партнер всех популярных изданий — снабжает публикации с партнерских ресурсов яркими заголовками, кликнув на которые, читатель попадает на сайт известного издания, где кликбейт уже отсутствует.

Если поисковые программы будут настроены на формальный поиск экспресsem — метафор, метонимий, фразеологизмов, — мы утратим те названия материалов, в которых присутствует языковая игра, те слова и выражения, которые требуют читательской компетенции. Однако оставим вот такие заголовки: «Порошенко отказался торговаться за Крым, сказав в Пасе скандальную речь» (А. Аваков, П. Иванов); «Независимость Каталонии станет крахом Европы: отколоться могут даже Канарские острова» (Е. Сажнева).

Вывод напрашивается такой: кликбейт нельзя классифицировать просто по формальным языковым признакам. Заглавие вполне может быть образным, но удачным, уместным, относящимся именно к теме текста.

С другой стороны, название может быть выстроено как информативное и при этом являться настоящим кликбейтом.

Кликбейт можно встретить и в прессе, и на ТВ, и в онлайн-СМИ, и в рекламе. По сути, он везде, но не всегда под кричащим заголовком кроется пустышка. Яркий, творческий заголовок без дурновкусия и обмана всегда может стать хорошим способом привлечения читателей.

**Фёдор
Иванович
Буслаев
и язык Отечества**

(К 200-летию со дня рождения)

© *О. В. НИКИТИН,*
доктор филологических наук

В статье анализируется книга академика Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» с точки зрения научно-исторической традиции и ее роли в просвещении. В работе указываются важнейшие положения этого труда и дается обзор наиболее актуальных для современной филологической практики идей ученого. В статье подчеркивается уникальность творения Ф.И. Буслаева в лингвистической летописи XIX века как первого учебника по истории языка Отечества и отмечается его значение в формировании нового взгляда на педагогику словесного искусства. Мы также показываем актуальность гуманитарных воззрений Ф.И. Буслаева в воссоздании национально-языкового облика страны — носительницы величайшей мировой культуры. Ее духовным остоном всегда являлся творимый народом живой великорусский язык.

Ключевые слова: языкознание, словесная культура, лингвистическая традиция, текстология, культурология, национальная языковая политика, методика преподавания русского языка.

DOI: 10.7868/S0131611718030085

The article analyses the book by Academician Fyodor I. Buslaev «On the Teaching of the National Language» through the lens of the academic and historical tradition and its impact on the public education. This work identifies the fundamental concepts of Academician Buslaev's paper and explores his ideas most relevant to the current philological practice. The article recognises the uniqueness of Academician Buslaev's work in the linguistic chronicle of the 19th century as the first textbook on a history of the mother tongue and showcases its role in shaping a new approach to teaching the verbal art. We also show the applicability of Academician Buslaev's humanitarian beliefs to reconstruction of Russia's national language identity in the outstanding cultural heritage of the global value. The ever-evolving Great Russian language, orchestrated by the grassroots power of its people, has always been at Russia's spiritual core.

Keywords: linguistics, verbal culture, linguistic tradition, textual criticism, cultural studies, national language policy, Russian teaching methodology.

Замечательная книга Ф.И. Буслаева (1818–1897) «О преподавании отечественного языка» стала культурным событием в XIX веке и выделялась в потоке разнообразной словесности и ее талантливых творцов своими откровениями смысла педагогического ремесла. Оно, как механизм, работало четко, без сбоев до того момента, пока Буслаев не вступил спокойным, но уверенным шагом на дорогу филологии, взорвав общественное мнение и пристыдив его тем, что в системе гимназического просвещения не оставалось места творческому познанию языка Отечества. Все или почти все было заменено схоластическими руководствами, построенными на правилах средневековых логических грамматик и дававших только параграфы для заучивания и схемы. Вспомним, например, «Практическую русскую грамматику» Н.И. Греча [1] – труд, несомненно, полезный, но выдержанный в строгих рамках «полицейских правил» грамматики. Буслаев – и в этом его гениальность – пошел совсем другим путем. Он с горечью говорил о филологической моде, испортившей «врожденный нам дар русского слова»: «До сих пор обучаются у нас отечественному языку по грамматикам, составленным на образец латинской и греческой; следов(ательно), в них, с одной стороны, недостает элемента лингвистического, а с другой, много лишнего, особенно в мелочных правилах при склонении, спряжении, управлении, согласовании. Именно за эти ненужные подробности и оподозрена годность отечественной грамматики в преподавании» [2. С. 30].

Буслаев рассматривал язык как средство воспитания гармоничной личности, чувствующей не столько «механику» текста, сколько его душу. Он призывал вслушиваться в течение жизни слова, которое наполнено сокровенными смыслами исторических событий и баталий, народных преданий и религиозных представлений. Он не отделял его от божественной природы. В самом начале книги ученый так проникновенно писал об этом: «В настоящее время вопрос о преподавании отечественного языка едва ли не более всех других вопросов дидактических занимает педагогов. И действительно, после закона Божьего нет ни одного гимназического предмета, в котором бы так тесно и гармонически совокуплялось преподавание с воспитанием, как в обучении отечественному языку. Постепенное раскрытие дара слова и законов оно должно быть вместе и раскрытием всех *нравственных* (Курсив наш. — О. Н.) сил учащегося: ибо родной язык есть неистощима сокровищница всего духовного бытия человеческого» [Там же. С. 26].

Другое открытие Буслаева как педагога-мыслителя и лингвиста, находившегося на передовых позициях современной тому времени лингвистической методологии, состоит в том, что он отлично понимал важность *исторического* подхода к анализу языковых явлений как единственно верный принцип обучения детей родной словесности. И в этом отношении зародившееся в Европе новое направление, пробивавшее брешь в философских идеях Аристотелева наследия, взбудрило творческий ум Буслаева, подняло его на высоту генеалогического древа познания, вдохновило на подвиги во имя поиска истины. Ее он видел в корнеслове отечественного языка, хранившем столько интересных, неразгаданных тайн. Приобщить к этому божественному огню слова своих учеников сделалось его основной задачей. Впервые в русской филологической традиции мы видим прикладное сочинение, ориентированное на обычный гимназический курс, в котором с такой силой прозрения и воодушевлением говорится о первооснове изучения *родного* языка. Рассуждая о блестящих успехах филологии в первой трети XIX столетия, Буслаев утверждал: «Кто понял сравнительное языкознание, для того уже не существует непроходимого средостения между своим, то есть русским, и между чужеземным. Столь же недостаточно изучать только свое, не ведая чужого, как и толковать только о чужом, ни во что не ставя свое. Истинный гуманизм везде видит и уважает человека: сравнительная лингвистика и в языке народов грубых открывает великие законы творческой силы. (...) Историческая лингвистика убедит всякого в настоятельной необходимости изучения всей нашей древности для преуспевания настоящему и будущему» [Там же]. Буслаев фактически меняет направление гимназического образования в сторону, как бы сейчас сказали, гуманитаристики, обращаясь к последним достижениям в этой области. Поэтому здесь так уместны имена классиков компаративистики: Я. Гримма с его

пониманием *филологического* и *лингвистического* подходов к изучению языков [1. С. 28] и историко-грамматическими штудиями, Ф. Боппа, вечного гения философии языка В. фон Гумбольдта.

Буслаев перелагал традиционный смысл буквоедства в сторону художественности восприятия слова как откровения, а философию знака — в символ, и в этом своем очередном прозрении раскачивал неповоротливый колосс современников в сторону антропологической лингвистики: «Столь же не правы и те, кто полагает, что исследование буквы убивает в ученом всякое сочувствие к живой идее. Чем более вникаешь в малейшие подробности творения, тем разительнее и глубже созерцаешь неистощимость и многообразие творчества: а буква есть самая дробная стихия человеческого слова. Философия языка только тогда будет незыблема, когда глубоко укоренится на изучении буквы. Кто с надлежащей точки зрения смотрит на букву, тот понимает язык во всей осязательности его, изобразительности и жизненной полноте» [Там же].

Автор учебника в первой части много рассуждал о педагогических методах обучения в Западной Европе, о культурной и философской традициях, о гегелевских принципах, оказавших большое влияние на формирование основ антропологии XIX века, подробно разбирал грамматики его времени, замечая, например, что знаменитый труд К. Беккера, «думая изложить организм языка, дает только логическую систему» [Там же. С. 65].

Поражает энциклопедичность Буслаева, его осведомленность во многих аспектах герменевтики самого предмета преподавания. При чем он справедливо видел разницу между тем, как нужно обучать иностранному языку, — и шел здесь от собственного опыта проникновения в дух и плоть эстетики «варваризмов», — и как должно русскому. Его романтические догадки и духовные порывы — не просто эмоциональные всплески увлеченного своей «методой» педагога, а продуманная система, в которой должен взращиваться гражданин своего Отечества. Буслаев снова полагается на природные истоки сознательной стихии человеческой природы. Он писал: «Мы совершенно убеждены, что обучению чужому языку не должно предшествовать грамматическое преподавание (здесь и далее в цитатах разрядка Буслаева. — О. Н.) отечественного: он нам родной, не по грамматике. Именно поэтому-то и изменяется отношение следующим образом: невозможно выучиться чужому языку без того, чтобы вместе не учиться грамматически и своему. Ибо правила чужого языка ученик понимает посредством своего, постоянно соотносит формы первого с последним, и таким образом вместе с сравнительною грамматикою учится и отечественной. Родной же язык мы первоначально узнаем непосредственно, не так, как язык, но как мышление, действование, ощущение, как совокупность того, что им выражается. Поэтому чрезвычайно односторонне во главе многих грамматик стоящее определение языка, будто он есть средство

к выражению и сообщению представлений или мыслей. Скорей наоборот: так как мы наследуем от других мысли и знания с помощью языка, то язык есть средство, которым приобретаем мысль. Обучение отечественному языку есть не иное что, как развитие положенного в дитяти семени дара слова» [Там же. С. 63].

Как же Буслаев видит основные положения преподавания отечественного языка? Он изложил их предельно конкретно, по пунктам, разобрав предварительно ведущие лингвистические и методические школы Европы и пробежав по основным ступеням философии языка — от античности до XIX века. В итоге ученый предложил свою систему языкового просвещения. Она заключалась в следующем:

«1. Все грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя. Главная задача состоит в том, чтобы дети ясно понимали прочтенное и умели правильно выражаться словесно и письменно.

2. Грамматика должна быть только прибавлением к чтению, к письменным и словесным упражнениям. Она не может быть самостоятельно систематическою наукою в первоначальном обучении.

3. На первой, низшей ступени отечественная грамматика, в связи с практическими упражнениями, предполагает две цели: образование и развитие детских способностей (общая грамматика) и безошибочное употребление русского языка словесно и письменно (частная грамматика).

4. На высшей степени грамматика является наукою: здесь выступает сравнительное и историческое языкознание, в связи с чтением церковнославянской, древнерусской и новой литературы. <...>

5. Метода первоначальному преподаванию отечественного языка должна быть генетическая. Основывающаяся на постепенном развитии в дитяти врожденного дара слова: она следует за ходом самой природы, безусловно подчиняя ей предмет преподаваемый. <...> даже можно сказать, что на первой степени юношеского возраста родной язык и личность совпадают друг с другом. Из этого общего начала следуют частные положения:

а) Вместе с языком образовывать и развивать все духовное способности, разумеется, на чтении писателя.

б) Не подчинять учения искусственной системе; напр., не начинать грамматики определением этимологии, синтаксиса и т.п. Система должна быть в голове учителя и в успехах учеников, а не в учебнике.

в) От конкретного, чувственного представления, в самом языке заключающегося, восходить к отвлеченностям, а не наоборот. <...>

6. Так как язык, кроме знания, предполагает и умение, потому и отечественная грамматика не довольствуется только развитием природного дара слова, но руководствует ученика в искусстве читать, говорить и писать. <...>

7. Чтение и письмо должны идти в параллели с грамматическим обучением <...>.

8. Правописание и словопроизношение не составляют теоретической части грамматики: они суть не что иное, как применение этимологического и синтаксического учения к практике.

9. Постоянно надо отличать преподавание отечественного языка от иностранного {...}.

10. Отечественная грамматика как наука в низших классах замечает логику, а в высших становится сравнительно-исторической грамматикой. {...}

11. Как скоро изучение отечественного языка переходит в науку, тотчас должно получить систематический характер. {...}

12. Так как много потеряли мы живого сочувствия к родному языку вследствие постоянного его движения и изменения, а частию и порчи, потому и он, как бы несколько чуждый, заключает для нас много неясного, иногда даже неизвестного, не только в древней нашей литературе, но и в новой. Возведение к сознанию всего неясного и неопределенного требует науки отечественного языкознания, которая, будучи сравнительной и исторической, нисколько не противоречит основным началам гуманизма и примиряет его с реализмом.

13. Отечественный язык и на высшей степени, то есть сравнительно-исторической, где только возможно, должен преподаваться гейристически: формы устарелые сближать с теперешними, чуждые с родными и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвестное посредством известного» [1. С. 67–70].

Творение Буслаева, как «Круг чтения» Л.Н. Толстого или афоризмы В.О. Ключевского, надо бы разобрать на цитаты. В них прозрачный источник дождя словесных изумрудов и таких живых, идущих из глубины сердца мыслей, что ими должен питаться любой учитель, каждый, кто без глянца прикасается к языковому ковру звуков, легенд, стихов, — к художественным строкам неосязаемого «быта слова», который под пером замечательного ученого расцветает пышными красками и причудливыми буквами заставок средневековых книг. В них его неистощимая творческая мысль вонзается в самую суть идеи просветительства — в проповедь человеческого духа.

Но и вторая часть книги Буслаева восхитительна! Неутомимый труженик, романтик, страстно влюбленный в историю и культуру России, он построил необыкновенное по своей красоте и изяществу здание филологии как первоосновы словесного воспитания. В «Материалах для русской грамматики и стилистики» ученый говорил о таких вроде бы обычных вещах, как склонение и спряжение, род имени существительного и т.д. Но сколько в этом было возвышенного слога! Какой нравственный пафос несли помещенные автором примеры, с помощью которых он объяснял скучные лингвистические истины, проникая в самое существо генезиса слова. Так, например, когда Буслаев говорил об особенностях спряжения

в русском языке, то замечал, что «в личных окончаниях глагола содержатся корни местоимений» [1. С. 234]. А его рассказ о первом лице превращался в... эпос, где играли свои роли старославянский и готский, литовский и греческий, санскрит и латинский, примеры сопровождались формами современных польского и русского языков. Тут же ссылки на работы А.Х. Востокова и Ф. Боппа, которые имели особое мнение по ряду вопросов. Таким образом Буслаев вводил учеников в стихию научного познания, погружал их в мир пронзительных звуков и *живых* форм языка, показывал их эволюцию и движение мысли. Обычные, всем известные части речи получали почти человеческие черты: Буслаев наделял их свойствами характера, играл с ними, как с маленькими детьми, проникал в их душу. Посмотрите, как он пишет, сколько в его «схоластике» света и воображения, мудрости и любви: «В речи каждое слово, как живую душу, проникнуто личностью говорящего; потому местоимения являются спутниками имен и глаголов в склонении и спряжении» [Там же. С. 236]. Он обучал основам *исторических* знаний в языке чтением летописей и богослужебных текстов, «Древних русских стихотворений» и «Грамматики» Й. Добровского, и история русских местоимений оживала в сердцах сотворцов таланта его педагогической мысли, а неизменный спутник В. фон Гумбольдт только подогревал интерес к поиску неизвестного. На страницах в общем-то непростой для гимназиста теории грамматики целые россыпи ссылок и цитат из памятников письменности — свидетелей культурного взросления языка Отечества.

Впервые в традициях тех лет он включил в учебник такие разделы, как «Ономатика», «Народный язык», «Архаизмы», «Стихии чужеземные», «Провинциализмы». Буслаев подробно и профессионально рассуждал о такой новой отрасли филологических исследований, как стилистика, опираясь на художественный талант образцовых писателей той эпохи, говорил о необходимости расширения ее границ: «Как слово и предложение составляют существенную стихию всякого словесного произведения, так и грамматика является необходимою частью стилистики. Стилистика от отдельных слов и выражений быта общественного и религиозного доходит до построения ораторской речи, от грамматических родов до басни, от символики в отдельных словах и грамматических формах до чудесного в поэму и пр.» [Там же. С. 373]. И далее — какая прекрасная концовка книги: «Каждому языку свойствен особенный склад речи, именуемый слогом; стилистика русская от первой страницы до последней должна быть генетическим определением русского слога» [Там же].

В чем же заключается притягательная сила этого учебника сейчас? Буслаев — творец Слова, его оракул и духовный покровитель. Тончайшее чувство языка, понимание ценности истории Отечества, в которой переплелись оттенки и смыслы родной речи, глубина исследовательского и педагогического прозрения, дар филолога от Бога — все эти свойства

удивительной книги сделали ее вечной. Она, как лунный спутник Земли, открывается снова и снова разными сторонами созидательного духа слова, поворачивается к нам его естественным обликом, укореняется в сознании своими природными формами и образами и продолжает жить в бесцветную эпоху образовательных стандартов, утверждая совсем иные принципы языка Отечества. Русское слово в понимание Буслаева — не только гранит мысли, остов народной культуры и охранитель ее традиций, это наш духовный стержень, корнями уходящий в национальные истоки мифологического языкотворчества славян, где звук и значение сливались в едином Логосе познания вещественного мира — живого, неискусственного, дышащего радужными красками воображения, исполненного гармонией, — вечного. В представлении наших предков *слово* всегда было культурным мостиком между двумя орбитами бытия: неизведанный мир прошлого с его историческими, религиозными тайнами и непредсказуемая, по-философски логическая стихия нынешнего научного познания. Буслав в своих работах и прежде всего в книге «О преподавании отечественного языка» жил в сотворчестве и примирении этих двух «систем» и надеялся на то, что благодарные потомки его поймут и не осудят за дерзновенный дух человеческого прозрения и исповедной любви к Слову [см. 3].

Закончим наш очерк фрагментом из статьи В.Ф. Миллера «Памяти Фёдора Ивановича Буслаева», в начальных строках которой, как кажется, выражено не только личное отношение к «идеальному профессору» (высказывание его ученика А.И. Кирпичникова), но и всеобщая любовь и почтение к смиренному труженику Отечества:

«Есть имена общественных, научных или литературных деятелей, при произнесении которых испытывается чувство, вызываемое в нас именами любимых художников, поэтов, композиторов и вообще служителей искусства. Звук этих имен невольно поднимает нас в ту сферу духовной жизни, которая заслоняет от нас повседневную жизнь с ее вечной борьбой мелких интересов,

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы...

К таким именам принадлежит имя Буслаева. Чем-то возвышенным, благородным и вместе глубоко-симпатичным веет от того образа, который восстает в нашем воображении, когда мы вспоминаем почившего ученого. (...) Чем же объяснить тайну этого впечатления? На этот вопрос, который я часто ставил себе, я нахожу лишь один ответ: мало найдется ученых, чья личность так полно выразилась бы в слове, как отразилась в нем симпатичная личность Буслаева» [4. С. 5].

А завершилась статья В.Ф. Миллера во многом обращением к нам, потомкам великого ученого, и призывом продолжать его дело: «Русская

наука и общество так много обязаны Буслаеву потому, что природа счастливо сочетала в этом изящном духовном организме пытливый ум исследователя, тонкое понимание красоты, свойственное художнику, душу высшего идеалиста и отзывчивое сердце доброго человека» [Там же. С. 42].

В этом, наверное, и заключалась его тайна, уже разгаданная современниками. Язык Отечества в изображении Буслаева будет жить всегда!

Литература

1. [Греч Н.И.] Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Издание второе, исправленное. СПб., 1834.
2. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учеб.пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М., 1992.
3. Никитин О.В. «Филология духа». Фёдор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79–86.
4. Миллер В.Ф. Памяти Фёдора Ивановича Буслаева // Памяти Фёдора Ивановича Буслаева. Издание Учебного отдела Общества распространения технических знаний. М., 1898. С. 5–42.

Московский государственный областной университет

Идеальный женский образ в житии Евфросинии Полоцкой

© В. Е. ДЕНИСОВА

В статье рассматривается идеальный образ княгини Евфросинии Полоцкой, представленный в ее житии. Он создается благодаря композиционным приемам и поэтическим средствам: структурному канону, особенностям художественного пространства и времени, топосам, параллелизму, абстрагированию, сравнениям, эпитетам, метафорам, цитированию текстов из Священного Писания.

Ключевые слова: святая Евфросиния Полоцкая, агиография, Полоцкое княжество XII века, монашество, канон, топос, параллелизм, художественное пространство и время, абстрагирование, сравнения, эпитеты, метафоры.

DOI: 10.7868/S0131611718030097

In the article an author studies an Old Russian hagiographic record dedicated to the life of Euphrosyne of Polotsk. Special attention is paid to revealing the princess's image which is a sample of nun's sainthood. The ideal image is made mostly due to a composition and poetic means such as a structural canon, peculiarities of artistic space and time, toposes, parallelism, abstraction, simile, epithets, metaphors, quotations from the Holy Scripture.

Keywords: Saint Euphrosyne of Polotsk, hagiography, Polotsk principality of C XII, monasticism, poetics of old Russian literature, artistic means.

В начале XII века в Полоцкой земле просияла жизнь святой преподобной Евфросинии. Во время княжеских междоусобиц и феодальной раздробленности раздался призыв к духовному молитвенному единению и христианской любви — именно так, по мнению архиепископа Антония (Мельникова), представляется духовное значение преподобной. Как отмечает А.Ю. Виноградов, «для средневекового общества святой — это покровитель города, его символ, регулятор многих общественных отношений» [1]. В настоящее время Евфросиния Полоцкая является, прежде всего, примером идеального женского характера и образцом для подражания монашествующих. Для того чтобы верно представить образ святой, в первую очередь, необходимо определить дошедшие до нас источники о ней. Летописных данных о Евфросинии Полоцкой практически не сохранилось, однако сведения о ее жизни широко представлены в агиографии.

По предположению исследователей А.И. Соболевского, Е.Е. Голубинского и Филарета, «Житие Евфросинии Полоцкой» было создано в домонгольский период. Сохранилось житие более чем в 130 списках, датированных не ранее чем концом XV века, и характеризуется стилистическими особенностями, свойственными данной эпохе. Как отмечал Н.П. Барсуков, в списках жития «сохраняется значительная древняя основа, близкая времени святой». Рассматривая Житие Евфросинии Полоцкой как исторический источник, В.О. Ключевский также подчеркивал: «По составу и литературному характеру оно напоминает риторические жития XV–XVI века; но живость и обилие биографических черт вместе с остатками старинного языка заставляет предполагать у биографа какой-нибудь более древний источник» [2]. Автор памятника точно не известен, однако архиепископ Антоний (Мельников) предполагает, что создала его Звенислава Борисовна, дочь полоцкого князя Бориса Всеславича. Произведение дошло до нас, как отмечает Е.М. Воронова в Словаре книжников и книжности Древней Руси, в четырех редакциях.

Первая редакция имеет два списка: Научная библиотека МГУ, № 1311 (конец XV века) и ГПБ, собр. ОЛДП, F CLXXXV (середина XVI века). В тексте данной редакции пропущены важные эпизоды, сохранившиеся во второй редакции.

Полный список второй редакции — текст рукописи РГБ, Волоч. собр., № 632 (1-я половина XVI века). Данная редакция дополняет первую повествовательными эпизодами.

Третья редакция восходит к ВМЧ Макария. Ее текст отличается всеми стилистическими приемами макариевской агиографической школы.

Четвертая редакция, восходящая к спискам второй редакции, сохранилась в составе Степенной книги.

В ограниченном числе списков XV–XVI веков известно также проложное Житие Евфросинии Полоцкой, созданное во второй половине XV века в Западнорусской митрополии. Как отмечает А.А. Турилов, древнейший

список краткого Жития обнаружил Б.М. Клосс «в Прологе посл. четв. XV в. (БРАН. 33.19.8)» [3]. К сожалению, полноценное научное издание Жития в настоящее время не опубликовано. Поэтому образ Евфросинии Полоцкой будет рассмотрен на примере жития по списку варианта второй редакции рукописного Сборника русских житий Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века, поскольку, по мнению А. Мельникова, оно близко к гипотетическому архетипу произведения, а также содержит в себе более подробную информацию о жизни святой.

Текст «Жития Евфросинии Полоцкой» соответствует агиографическому канону и начинается с обширного названия, в котором автор указывает день памяти преподобной и традиционно испрашивает благословения Божия в написании жития святой: «Месяца мая в 24 день. Повесть жития и преставления святых и блаженных и преподобных Еуфросинии, игуменьи манастиря Святаго Спаса и Пречистыя Его Матере, ижи в Полотьске граде. Благослови, Отче!» [4. С. 206]. Далее, согласно агиографическому канону, следует риторическое вступление, которое начинается цитатой из Евангелия от Матфея: «Благословен Господь Бог Израильв, Бог Авраамов, Бог Исааков, Бог Иаковль, несть Бог мертвых, но живых» [Там же]. Автор неслучайно заимствует данный отрывок, в нем отражена идея вечности – бессмертия человеческой души. Феофилакт Болгарский так истолковывает данную цитату: «Бог не есть Бог не существующих, нет, Он – Бог живущих, продолжающих свое бытие... Бог живых, то есть таких, которые имеют бессмертную душу и некогда воскреснут, хотя теперь и мертвы по телу» [5]. Вступление абстрагирует читателя от суетной земной жизни, напоминает о вечности и призывает стать наследниками Царствия Небесного, подражая святым, в том числе взяв за образец жизнь праведницы Евфросинии Полоцкой: «Приимете семена многоспасенаго житья послушанием жены сея преподобных, святых подвиги ея и труд, и любовь, яже к Богу» [С. 208]. Такого рода абстрагирование, как отмечал Д.С. Лихачев, «вызывалось попытками увидеть во всем “временном” и “тленном”, в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, “духовного”, божественного!» [6].

Согласно каноническому трехчастному членению житий, после вступления следует основная часть, в которой представлена жизнь и духовное возрастание Евфросинии. Первоначально автор указывает на княжеское происхождение святой. Как отмечает Т.Р. Руди, большинство святых жен Древней Руси относятся к княжескому роду и чтятся соответственно как благоверные княгини или монахини. Евфросиния Полоцкая не является исключением, «она была княжной из рода святого равноапостольного князя Владимира, дочерью Полоцкого князя Святослава-Георгия, младшего сына Полоцкого владетельного князя Всеслава Брячиславича» [7].

Евфросинию автор изображает через сюжет формирования «внутреннего человека». Все события жизни святой пронизаны духовным смыслом,

например, после указания на рождение святой автор жития сразу же пишет о крещении — о рождении духовном, то есть незамедлительно переходит к самому началу ее духовного пути: «И по днех неколикох повелеста крестити ю, и крестиста ю во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [С. 208]. В житии не упоминается даже дата рождения Евфросинии, зато указывается дата кончины — как переход в вечность. Далее, повествуя о телесном развитии Евфросинии, автор вновь упоминает о ее духовном росте: «тело млеко растяше, а душа Святаго Духа наполняшеся» [Там же]. Использование автором синтаксического параллелизма в данном отрывке ставит акцент на внутренней духовной жизни преподобной.

Следующий фрагмент жития традиционен для агиографического канона: с малых лет святая отличалась удивительной одаренностью, уже в раннем возрасте она была обучена книжной грамоте. Столь ранняя мудрость преподобной является также плодом внутреннего молитвенного труда: «ум ея больма на Божию любовь подвизашеся» [С. 209]. Любовь к чтению сочеталась у нее с усердной молитвой: «Лучи же ся девици деснаго естества и молитвы плод» [С. 208]. Исследователь жития святой В.А. Орлов отмечает, что Святая Евфросиния была одной из образованнейших женщин своей эпохи: «Помимо библейских книг она читала произведения патристики, сочинения богословов, жития святых, патерики и популярные в те времена византийские хроники, произведения византийской научной мысли и т.д.» [8]. Поэтому неслучайно автор жития указывает, что «вести же разшедшейся по всем градом о мудрости ея и о блазем учении ея» [С. 208].

При описании святой автор не использует такой немаловажный элемент, как портрет, без которого мы не представляем современной литературы. У агиографов было определенное отношение к изображению человека. Главное — не внешняя красота лица и тела, а красота души. Так, на чертах внешнего облика святой автор не акцентирует внимания, упоминает лишь, что Евфросиния: «бьяше бо лепа лицом» [Там же]. О красоте ее говорится, лишь когда пришло время брака: «Красота же ея многы славныя князя на любление приведе ко отцу ея, кождо их тщаешеся, дабы пояти ю в жену сыну своему» [Там же]. Таким образом, автор в житии уделяет особое внимание духовным качествам святой, что является неотъемлемым элементом агиографического жанра.

Особое символическое значение в агиографии имеет имя святого: «и нарече имя ей Еуфросиния» [С. 210]. С древнегреческого «Εὐφροσύνη» буквально переводится как «благомыслящая, радостная». Стоит отметить, что многие святые жены Руси при постриге принимали имя Евфросиния: Анна Кашинская, Евфросиния Суздальская, Евдокия Московская, святая Феврония Муромская. Имя Евфросиния раскрывает истинную радость жизни, которая приобретается через путь подвига, страданий и лишений. Все святые жены Руси своим примером показали крепость характера, силу духа, которая сокрыта за спокойным и радостным состоянием духа.

Идеальный образ во многом строится благодаря монологам самой Евфросинии, раскрывающим ее духовный мир изнутри. Так, перед тем как уйти в монастырь преподобная размышляет о святых женах: «А иже прежняя жены, вземше мужскую крепость, поидоша в след Христа, жениха своего, предаша телеса своя на раны, и главы своя мечеви, а другия аще железу выя своя не преклониша, нъ духовным мечем отсекоша от себе плотския сласти, предавше телеса своя на пост и на бдение и коленное поклоняние и на земли легание, то тии суть памятни на земли, и имена их написана на небесех, и тамо с аггелы безпрестани славят Бога» [С. 209]. В данном отрывке еще совсем юная Предслава (имя святой, данное при рождении, до пострига) рассуждает о смысле христианской жизни и судьбе женщины княжеского рода. Ценна для нее жизнь вечная, а пример — святые жены, которые оставили земные блага и подвигом поста и молитвы достигли святости. Преподобная подробно описывает страдания святых и берет за основу своих раздумий ветхозаветную цитату, повествующую об испытаниях пророка Исайи: «Плещы мои вдах на раны и ланиты мои на заушения, лица же моего не отвратих от стыда заплеваний» [9], что делает образ страдания более ярким, выразительным и существенным. Такой непростой путь лишений является для Евфросинии идеалом — взяв на себя «мужскую крепость», подражать святым, чтобы запечатлеть свое имя в Книге Вечной. Как сообщает житие, в двенадцать лет, достигнув возраста невесты, юная княжна тайно от родителей покинула родной дом и по любви к Богу приняла монашеский постриг. По мнению В.А. Орлова, на выбор святой повлияло и желание послужить просвещению родной земли.

В тексте воплощается еще один композиционный топос преподобнических житий: игумен не сразу соглашается на пострижение. Столь юный возраст Предславы казался игуменье несовместимым с монашеством. И только мудрый ответ преподобной послужил поводом к тому, чтобы игуменья монастыря приняла ее: «Госпоже и мати! Вся видимаа мира сего красна суть и славна, но вьскоре минуют, яко сон или цвет увядает; вечнаа же и невидимая в веки пребывают, якоже Писание глаголет: око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеку взыде, еже уготова Бог любящим Его» [С. 210]. Красота и величие слова преподобной подчеркиваются использованием не только сравнений и метафор, но и цитаты из Нового Завета: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» [10], которая подтверждает мысль преподобной. Вся речь Евфросинии наполнена духовным содержанием: благочестивыми мыслями, советами и намерениями, нравственными поучениями, подтверждаемыми библейскими цитатами.

Святой Евфросинии Полоцкой свойственна необыкновенная сила и стойкость характера. Автор описывает несколько случаев, когда ее действиям и намерениям пытается противостоять сам ее отец. Много раз он

приходил к дочери «возярившимся» и «сердцем горя». Евфросиния сохраняет непоколебимое спокойствие, кротость: «Преподобная же Еуфросиния сего всего небрежаше, жалостно плачуща отца своего, но, яко доблий храбор вооружившись на супротивника своего диявола, пребываше в монастыри» [С. 211]. Преподобная предстает перед читателем как чувствительная натура и одновременно сравнивается с настоящим воином, сражающимся на поле духовной брани.

Одним из самых распространенных композиционных топосов в агиографии является описание монашеского подвига. В житии достоинства святой характеризуются следующим образом: «повинующися игумении и сестрам всем, и всех преспевающи постом и молитвами и бдении нощными. И отголе паче подвижнейши нача быти, собирающи мысли благая в сердце своем, яко пчела сот» [Там же]. Автор не только указывает на главные качества святой — упражнение в посте и молитве, смирение, послушание, но и дает яркое сравнение преподобной с трудолюбивой пчелой, собирающей плоды Святого Духа. Кроме того, Евфросиния обладала и особым даром прозорливости: «Тако бо бяше дан дар сей блаженной Еуфросинии от Бога, аще кто ея въпрошаше о коей вещи, она ему разрешаше, чему быти, и кто ея послушаше, той добро получаше» [С. 221]. Не только мудрыми советами укрепляла преподобная народ, но и многих привела ко спасению в свою обитель, так как «дан же бысть дар блаженной Еуфросинии от Бога, аще кого зряше оочима своим, то разумеаше, в коем человеце сосуд будет избран Богови» [Там же]. Когда духовные силы юной монахини в монастыре укрепились, она получила откровение оставить затвор. Трижды являлся ей ангел, открывая будущее место обители, в Сельце, которую предстояло основать: «И ту показа ей аггел Господень, глаголя: “Еуфросиние! Зде ти подобает быти”» [С. 212]. Стоит отметить, что такого рода видения довольно частое явление в агиографических памятниках, однако в данном житии слова Ангела отличаются метафоричностью и последовательным использованием сравнений: «яко достойна есть Царству Небесному, яко миро благовонно, всходит мольтва ея к Господу, и яко венец на главе царе, тако почивает Дух Святыи на ней, и яко солнце сияет по всей земли, тако житие ея просияет предо аггелы Божи» [Там же].

Преподобная Евфросиния почитается и как храмостроительница. По прибытии в Сельцо вместо ветхого деревянного храма она возвела каменный храм Спасу в своей обители, который был чудесным образом выстроен за тридцать недель. Позднее был построен еще один каменный храм в честь Пресвятой Богородицы, при нем образовался мужской монастырь. Преподобной Евфросинии удалось внести неоценимый вклад чуть ли не во все сферы жизни своей родины. Благодаря ее стараниям на Русь была привезена знаменитая эфесская икона Богородицы, по преданию написанная самим апостолом и евангелистом Лукой.

После устроения обителей Евфросиния решила совершить паломничество в Иерусалим, поклониться гробу Господню и всем святым местам. Оставив монастырь на попечение своей сестры Евдокии, преподобная вместе с Давидом и Евпраксией отправилась в далекий путь. Но жители Полоцкой земли и братия монастыря не хотели ее отпускать. Тогда святая Евфросиния Полоцкая дает мудрое наставление народу, говоря о главных добродетелях, приводящих к Царствию Небесному: «старая учаше терпению и воздержанию, уныя же учаше душевной чистоте и безстрастию телесному, говейнию образу, ступанию кротку, гласу смиренну, слову благочинну, ядению и питью безмольну; при старейшей молчати, мудрейших послушати, к старейшим покорение, к точным и меньшим любовь без лицемерия; мало вешати, а множае разумети» [С. 220]. Все эти добродетели: терпение, воздержание, сохранение душевной чистоты и телесного бесстрастия, пост, кротость, смирение, послушание, любовь нелицемерную, мудрость — воплотила в себе святая Евфросиния и представляла собой живой пример святости. В речи Евфросинии проявляется материнская любовь и забота о сестрах монастыря и о каждом ближнем человеке: «Она же их утешаше благым смыслом своим, яко мати, дети своя любящи» [С. 218]. Но больше всего ее любовь и мысли устремлены к Богу, здесь ее речь отличается живостью: «Ты, Господи, Сердцевидьче, Благодарелю, Боже богом, милостивый Господи, призри на храм Свой, яже создах во имя Твое» [С. 217], благодарением: «Слава Тобе, Боже, слава Тобе, яко сподоби мя в нынешнюю ночь видети свитое лице агельское!» [С. 211], упованием: «Рада иду, яко Бог повелит ми, тако и будет; воля Господня да будет о мне» [С. 213]. Очень часто в ее обращениях к Богу мы слышим молитвенное призывание из Псалтири: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое! И паки к Тобе привергохся от ютробы матери моея» [С. 212] (Ср. Пс. 56:8), «Господи, оружие и забрала, да не придет нань зло, ни рана не подвижится к телесем нашим» [С. 218] (Ср. Пс. 90:10).

Автор, повествуя о том, как святая начала свой путь в Иерусалим, с неподдельным восхищением говорит о ее мужестве, преподносит ее решение как подвиг. Он восклицает: «О дивное чудо! Не бывавши ни в коей стране, ни во граде, ни в селе; ныне же, взявши мужескую крепость, премину вся грады и власти и принимаше от всех князей честь велику» [С. 222]. И тут же автор пишет о встрече Евфросинии с византийским императором, шедшим в то время на венгров: «И тако пришедши в страны, и сретю царь, идый на Угры, с великою честию посла ю в Царьград». Данная встреча представляет паломничество героическим, мы видим перед собой женский характер, исполненный «мужской крепости». Наконец, цель паломничества была совершена: «И пришедши, поклонися, и целова гроб Господень и сущии с нею. И покади гроб Господень златою кадильницею и многоразличными фимияны» [С. 223]. И именно у гроба Господня преподобная Евфросиния смиренно просила еще одной — последней

милости: «Се же и еще прошу у Тебе, милостиве, да скончаю место прошения моего: прими дух мой от мене во святем граде Твоем Иерусалиме и пресели мя в вышний град Твой Иерусалим» [С. 224]. Молитва преподобной была услышана. Вскоре она занемогла и на одре страданий, призвав пресвитера, причастилась Святых Таин Христовых, предав дух свой в руке Божии: «и приемши Пречистое Тело и Честную Кровь Христову, и возлеже на одре своем, и предаст душу свою в руке Бога жива месяца мая в 24, иде в покой небесный» [С. 225]. Причастие перед смертью и просветленное приятие кончины являются неотъемлемыми топосами преподобнических житий.

Тело святой было погребено в обители святого Феодосия, близ Иерусалима. Последние слова Евфросинии также были обращены ко Господу: «Господи Сердцевидче! Се оставляю дом Твой не затворен никому; Ты же, Господи, не затвори от нас Небеснаго Ти Царствия» [Там же].

В Похвале, завершающей житие, автор называет Евфросинию достохвальной, преблаженной невестой Христовой, помощницей обидимым, утешительницей скорбящих, одеянием для нагих, посетительницей больных и в конце прибавляет: «и спроста реши, всем всяка бысть» [С. 226]. Все наименования и характеристики святой крайне обобщены, характерны для молитв. Последняя из приведенных фраз, «была для всех всем», в наивысшей степени абстрагирует образ Евфросинии. Заметной становится роль эпитетов и сравнений, посредством которых автор выстраивает целую цепочку образов, называя святую: неувядающим цветком райского сада, в небесах парящим орлом, пролетевшим с запада до востока; будто солнечный луч, просветившей всю Полоцкую землю. Похвалы удостаиваются и родители Евфросинии, ее рождение, жизнь, воспитание, труд и подвиги, монастыри и люди, живущие в монастырях, — и все это характеризуется эпитетом «блаженный»: «Блажен труд твой и подвизи, яже к Богу. Блажен и монастырь твой, блажени и живущии в монастыри Святаго Спаса и Святыя Богородица. Блажени людие, послужившей тебе» [Там же]. И в заключение сказанного, автор обращается к святой с просьбой о молитве: «Но, о преблаженная невеста Христа Бога нашего, молися к Богу о стаде своем, еже еси сокупила о Христе, яко Тому подобает всяка слава, честь и поклонание с Отцем и со Святым Духом ныне и присно и в веки веком. Аминь» [Там же].

К началу XVI века Евфросиния Полоцкая была причислена к лику святых. Сама канонизация была совершена в Киевской митрополии, по мнению Б.М. Клосса, во второй половине XV века, так как в это время списки жития Евфросинии уже существовали.

Таким образом, проанализировав житие преподобной Евфросинии Полоцкой, можно выделить основные поэтические элементы, с помощью которых создается идеальный женский образ. Житие Евфросинии Полоцкой — типичное преподобническое житие, рассказ о благочестивой,

кроткой, трудолюбивой праведнице, вся жизнь которой — непрерывный подвиг. Текст памятника построен согласно канонам средневековой житийной литературы. Ключевым принципом построения житийного произведения является его трехчленная композиция (вступление, главная часть, заключение), а также, с одной стороны, использование стандартных композиционных топосов, которые могут содержать стилистические формулы (топос пострига, монашеского подвига, просветленное принятие кончины), и с другой стороны, введение структурообразующих элементов, подчеркивающих уникальность образа святой. Стоит обратить внимание на художественное время и пространство жития: хронотоп имеет свое начало и конец — замкнут в себе самом и однонаправлен, что соответствует закону цельности изображения.

Большое значение в тексте приобретает абстрагирование: стремление описать частное через общее и вечное, акцент на внутреннем мире героя, неразрывная связь с Богом, представленная в молитвенных обращениях, использовании библейских цитат и образов. Житие дает нам предельно обобщенное представление о герое, сосредоточивая главное внимание на прославлении его духовных, нравственных качеств. Процесс внутреннего преобразования души преподобной реализуется в житийном тексте через следующие этапы: размышления святой о земном и небесном мире, поучения сестер монастыря, воздвижение храмов и церквей в Полоцке, достижение Небесного Иерусалима.

На стилистическом уровне агиограф использует соответствующий содержанию высокий стиль, отражающийся в усложненном синтаксисе, разнообразных художественно-выразительных средствах: различных эпитетах, повторах, сравнениях, художественном параллелизме, которые создают особую торжественность. Такого рода эмоциональность вместе с абстрагированием и отвлеченностью богословской мысли формируются в житии благодаря новому литературному стилю «плетения словес», который сформировался в русской литературе на рубеже XIV и XV веков.

Стоит отметить и широкое использование в житии цитат Священного Писания. Риккардо Пиккио так объяснял их использование: «словесное искусство, в которое входит как создание текстов, так и чтение, может исполнить свою задачу — сообщение истины — только при участии Божественного вдохновения: высшую лингвистическую модель при этом составляет язык священных книг» [11]. Цитаты из Священного Писания в агиографии считаются явлением постоянным и закономерным, они обусловлены спецификой средневекового мировоззрения и концепцией истории. С их помощью автор пишет житие как «словесную» икону для того, чтобы дать наглядный пример пути человека к святости.

В Житии Евфросиния Полоцкая предстает как неутомимая созидательница храмов, просветительница и молитвенная подвижница, является матерью женского монашества и всех жен русских, избравших путь

духовного совершенствования и аскетизма. Она первой из святых русских жен воплотила и раскрыла для других русских женщин путь святости преподобных как главный в делании Святой Руси.

Литература

1. *Виноградов А.Ю.* Мы отделили житие от сказок // Культура. Духовное пространство русской Евразии. № 9. С. 7.
2. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 262.
3. *Клосс Б.М., Турилов А.А.* Евфросиния Полоцкая // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVII. С. 507.
4. Жития святых, с некоторыми прибавлениями, из многих рукописей. Рукописный Сборник русских житий. Иосифо-Волоколамский монастырь, XVI век. Житие Евфросинии Полоцкой. РГБ. Ф. 113. № 632. Л. 206–226. Далее указ. только стр.
5. Толкование на Святое Евангелие блаженного Феофилакта Болгарского. В 2 т. Толкования на Евангелия от Матфея и от Марка. М., 2010. Т. I. С. 148.
6. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 84.
7. *Дубровский М.* Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. СПб., 1910. С. 4.
8. *Орлов В.А.* Евфросиния, или «яко луча солнечная». Из тьмы веков светлеющие лики. Минск, 1994. С. 7–8.
9. Священное Писание Ветхого Завета. М., 2008. С. 682.
10. Новый Завет. М., 2010. С. 65.
11. *Picchio R.* The Impact of ecclesiastical culture on Old Russian Literary Technique // Medieval Russian Culture / Ed. by Birnbaum H. und Flier M.S. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 261.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Князь Владимир в Степенной книге

© Н. В. СТОЛЯРОВА

Статья посвящена анализу основных средств и приемов создания образа князя Владимира в житии, помещенном в 1 грани Степенной книги. Автор использовал ранее написанные тексты о князе, поэтому задачей статьи было выявить особенности образа князя в Степенной книге. При сравнении произведений выявлены общие приемы и основные различия. Владимир представлен князем-праведником, родоначальником христианского рода, биографические факты сопровождаются комментариями, книжник XVI века возвеличивает деяния князя с помощью экспрессивного стиля, раскрывает его психологическое состояние, вводя молитвы. Выбор средств средневековыми книжниками определяется задачами, стоящими перед ними.

Ключевые слова: Степенная книга царского родословия, степень, житие, экспрессивный стиль, молитва, равноапостольный, блаженный, благоверный, святой, идеализация.

The article is devoted to analysis of the main poetic techniques of creation the image of Prince Vladimir in the life of I face in the Power book. The author of the Power book used previously written texts about the Prince, so the article compares the sources and the specified part of the Power book. The comparison revealed General methods and the main differences. The tools and techniques of creating the image of Prince Vladimir were analyzed: he is represented by Prince — righteous who is inseparable link in the dynasty biographical facts are accompanied by reviews of the Christian persuasion, scribe exalts the deeds of the Prince with the help of expressive style, he shows his psychological state with prayers. The choice of means of medieval scribes is determined by the tasks which are faced by the author.

Keywords: The power book of Degrees of Royal genealogy, degree, face, life, expressive style, prayer, apostles, blessed, pious, Holy, idealization.

«Степенная книга царского родословия» — памятник литературы 60-х годов XVI века, представляющий русскую историю через биографии русских князей. Источниками произведения стали разнообразные тексты, в первую очередь летописи и жития. Предисловием к ней послужило житие княгини Ольги, а первая степень содержит жизнеописание князя Владимира, включающее 75 глав. Как и в других степенях, здесь повествуется не только о жизни святого равноапостольного князя, но и об основных событиях времени его правления, о чем сообщает уже заглавие степени: «Мѣсяца июлія в 15 день. Повѣсть извѣстна вмале явлена о велицей Рустей земли и о начале царствующих в ней. и житие и похвала блаженнаго и достохвалнаго и равноапостольнаго царя и великого князя святого и праведнаго Владимира, нареченнаго во святом крещении Василия, всеа Руския земли самодержца: како взыска правовѣрныя вѣры и како взял Корсунь град, в нем же и получи святое крещение, имже и всю Рускую землю просвѣти, и како правовѣрно поживе, и всю державу свою благочестно упасе, и вѣру православленную непоколеблемо утверди, и о прочих праведницех святого сродствия его» [1. С. 149].

Создавая житие Владимира, автор использовал предшествующие произведения, собирая и перерабатывая сведения из разных источников, о чем сам упомянул в первой главе: «О нем же прежде сего обрѣтаеми суть многія повѣсти, глаголемы и пишемы, и похвалами довольно украшены, — но обаче не в едином мѣсте» [С. 219]. Такими источниками послужили «Окружное послание патриарха Фотия», «Слово о законе и благодати» Илариона, «Чудеса Димитрия Солунского», «Поучение на память Владимира», «Память и похвала князю Владимиру» Иакова Мниха, «Повесть временных лет», Хронограф 1512 года [2].

Задача данной статьи — показать, как автор жития в Степенной книге использовал средства и приемы изображения князя, уже применявшиеся

его предшественниками, и какие новые возможности характеристики им найдены.

В первой главе автор рассматривает значение обоих имен князя. Имя «Владимир» толкуется как «владеющий миром», причем автор утверждает, что князь был первым его носителем, и по этому поводу произносит, созданную с помощью метафорических эпитетов похвалу, эмоциональность которой подчеркивается синтаксически параллельными конструкциями, дополненными анафорой: «Сий Владимир – добляя благочестия вѣтъв! Сий Владимир – апостольский ревнитель! Сий Владимир – церковное утверждение! Сий Владимир – идольский раздрушитель! Сий Владимир – благовѣрия проповѣдник! Сий Владимир – царская похвала! Вся того правовѣрная исправления дивна! Того вся благочестивая проповѣдания красна!» [С. 221]. Крестильное имя Василий книжник переводит как «царь» и объясняет, что это «божественное именование» [С. 221]. Мысль о царственном величии крестителя Руси и прародителя московских князей была актуальна для XVI столетия, когда московские великие князья принимают царский титул.

В продолжение этой мысли во второй главе автор обращается в глубь истории, упоминая, что род Владимира восходит к римскому кесарю Августу, жившему во времена пришествия Иисуса Христа. Подчеркивают величие рода главы с третьей по пятую, повествующие о подвигах предков Владимира, достойным преемником которых он стал.

Важнейшим средством изображения князя были рассказы о его поступках, восходящие к различным источникам. При этом в повествованиях о ранней языческой биографии Владимира заметна тенденция к смягчению смысла событий. В девятнадцатой главе, повествуя о братоубийстве, автор сдержанно перечисляет факты, судя по которым, Владимир стал лишь невольным участником замысла «лукавого раба Ярополка» [С. 236], а его женитьба на вдове брата представлена добродетелью.

Книжник так подает исторические события, что Владимир становится лишь свидетелем каких-либо «поганств» или злодеяний, но при этом не принимает участия в них. Например, автор, рассказывая об убийстве первых христианских мучеников, отстраняет Владимира от злых действий его подданных, упоминает лишь в связи с возведением уже после крещения церкви Пречистой Богородицы Десятинной: «преславно же Богъ прослави домъ ихъ, идеже жительствоваху и мучениемъ скончавшаяся; сего же дому прьвие освяти Богъ пролитиемъ честныя ихъ крове; нынѣ же на томъ мѣстѣ бѣше премянитая святая церкви Пречистыя Богородица Десятинная, юже въздвиже сеи прьвыи самодержецъ Владимиръ» [С. 240].

Свидетельством силы «единого самодержца» князя Владимира становится покорение им многих народов: «и тако велики князь Владимиръ самодержьствуя, и вездѣмногымъ съпротивнымъ одолѣвая, и ляхи обладая и приа грады ихъ, Перемышль и Чръвень и прочая грады, тако же

и вяттичи, и радимичи, и нижнии блъгар и влъжскіа и камьскіа поко-ри подься, иже тако тогда тии блъгари мирныи завѣтъдающе самодръжцю Владимиру и сице глаголаша: “Когда иметь хмель грязнути, а камень пла-вати, и тогда не будетъ мира межу нами”» [С. 237]. И сведения о победах князя, иречь волжских булгар заимствованы из «Повести временных лет».

Значительное место в повествовании занимает рассказ о крещении Владимира, в который широко вводятся речи князя, раскрывающие его облик. В двадцать второй главе книжник рассказывает о воплощении Божьего замысла крещения Руси, который проходит несколько этапов. Бог отправляет апостола Андрея Первозванного благословить земли, в том числе и русскую. Первой на русской земле христианство принимает княгиня Ольга — бабушка Владимира, затем его избирает сам князь, который святым крещением «надеется приобщиться к жизни вечной», о чем он сообщает византийским правителям: «Разумно да будетъ царем вашимъ, яко ничтоже възбраняетъ ми креститися въ имя истинного Бога, в него же и вы вѣруете, но обаче с надежею ожидаю вящаго благосло-вления, дондеже ваши презвитери, иже будутъ вами послани к намъ съ ца-ревною, сестрою вашею, и тии, пришедше, и вкупѣ с курсунскимъ епи-скопомъ да крестятъ мя, его же ради надѣюся многымъ моимъ грѣхомъ очи-шеномъ быти и в будущемъ вѣцѣ безсмъртныи животъ получитьи» [С. 275]. Затем следует рассказ о выборе веры. Князь назван «богомудрымъ», из чего следует, что его поступки мотивированы Божиимъ помыслом.

Немаловажное значение для дополнения образа князя имеет «Обеща-ние Владимирово», которое носит исповедальный характер: «Истинно вѣрую, яко вся възможна Богу. Мошен же есть и мене недостойнаго по-миловати, и вся моя бесчисленная прегрѣшения презрѣти, и всяку сквер-ну души и тѣла моего очистити, и отъвсякиамоея злобы и безсловесныхъ моихъ студодѣянии избави ти мя. И егда же на мнѣне потребнѣмъ явить Своея безмѣрныя милости челвѣколюбную благодать, еще же паки и отъ настоящая нынѣшняа болѣзни сквернаго моего тѣлеси исцѣление дар-ствуетъ ми, и лукавымъ моимъ ослѣпленнымъ очесе мѣмысленѣ и чювственѣ прозрѣние сътворити, и к разумнѣию Своему божественному наставить мя...» [С. 277]. Он кается в своих грехах, отрекаясь от прошлой жизни и просит об исцелении души и тела.

Духовный рост Владимира происходит под влиянием священнослужи-телей. Епископ дает наставление князю, поучает, благословляет его, рас-сказывает о Божіихъ заповѣдяхъ, о вселенскихъ соборахъ. О кротости и сми-рении князя говорит тот факт, что он все наставления принимает и одари-вает епископа за них, обещая отныне жить по заповѣдямъ: «Боголюбивыи же самодръжець Владимиръ вся сиа учения радостнѣ приять отъ епископа Курсунскаго, и велми любезно благочествоваше его и цѣловаше о Го-сподѣ, и многими дарми любо честно одари его. Обѣщания же, иже на святѣмъ крещении, вседушно тѣшашеся хранити и вся заповѣди Христовы

и вся подобающая православию крѣпко общася съблюдати, яко же Богу помогающе ему, и бысть радость велиа в людехъ, и слово Божие растяше и множася» [С. 286]. Князь не только дает обещание жить во Христе, но и следует ему. Автор характеризует князя эпитетом «христолубивый», рассказывая о его благотворительности: «...и сътвори чрежение велиеу богымъ, и нищимъ, и странным, и сиротамъ, и вдовицамъ, и по улицамъ многы съсуды повелѣ поставляти, всякого брашна исполнены, и много предложение хлѣбомъ и мяса и рыбъ, такоже и питиа множество отъ меду и вина и олуя еже есть пиво, и отъ всякаго овощи» [С. 287]. Здесь мы можем отметить, что, по замыслу автора, князь действует согласно закону Божьему, ибо сказано в Евангелии: «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: „придите, благословенные отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня, был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне”» (Матфей 25:34). Князь выступает мудрым правителем, так как не ограничивается собственными познаниями и малым опытом, он понимает, что в законах православия ему нужен учитель, поэтому и отправляет посла в Царьград за митрополитом для Руси, при этом просит благословения и молитву патриарха Фотия. Такие действия князя вызывают радость патриарха, тот немедленно отправляет к нему будущего митрополита Руси.

Князь показан как заботливый правитель: он призывает креститься своих вельмож и весь народ, приглашает для них митрополита, священников, привозит мощи святого Климента, строит церкви, радуется за всех крестившихся, возносит Богу молитву о заступничестве: «Блаженныи же Владимиръ, яко видѣ крещены вся люди града его, възрадовася душою и тѣломъ, яко позна Сушчаго Бога не токмо самъ, но и люди его» [С. 295]. Заботится князь и о книжном просвещении народа, повелевает детей учить грамоте, для этого организуются училища: «И бысть множество училищъ книжныхъ» [С. 297]. Он считает, что именно таким путем может спастись русский народ.

В распространении православной веры князь не ограничивается Киевской землей, идет с епископами по другим городам, о чем говорят названия глав: «Глава 42. Крещение Суждальстѣи земли и начало граду Владимиру», «Глава 43. В Новѣградѣ идоломъ съкрушение, и люди крестися, и святымъ церквамъ поставление» [С. 299]. При этом всякое дело князя сопровождается молитвой: перед началом он просит помощи у Бога и благословения, по окончании — благодарит, а в честь значимых событий строит церкви, согласуя все деяния с митрополитом. Автор изображает Владимира как ревностного христианина, сильного правителя, который, следуя христианским заповедям, наводит порядок в своей державе: «непоколѣблемо дръжаше исправляху» [С. 313]. Князь

подает пример и ближайшему окружению: «христолюбивыя ихъ царици благовѣрныя княгини» жертвуют церкви драгоценности и святые иконы ради помощи сиротам и нищим. Такой пример князя автор называет великим подвигом.

В 62 главе рассказывается о разбойниках, которые творили злодеяния на русской земле. Епископы, земские старейшины просят князя судить злодеев (ситуация трактуется как испытание веры, в начале главы автор говорит о том, что дьявол искушает богомудростную кротость Владимира, усиливая в людях лукавство и зло). Но правитель не торопится никого казнить, дает возможность исправиться, чем проявляет свою мудрость и учит окружающих его людей терпению, при этом ссылается на Священное Писание. Владимир показан книжником как милующий и кроткий правитель, следующий Божиим законам.

Но не только совершенным правителем представлен князь в Степенной книге, автор рассказывает о нем как о мудром и благочестивом отце, вырастившем православных сыновей: «Въ всеи же Русьѣи земли Божиимъ благоволениемъ тако непоколѣблемо утвердися благочестие, яко не токмо самъ блаженный самодръжець Владимиръ богоугодно и праведно житие свое препровожающе, но и благородныя сынове его тако духовною ревностию послѣдоваху стопамъ отеческаго его правовѣриа и житиа богоугоднаго» [С. 326].

Средством изображения Владимира и оценки его деятельности уже в «Памяти и похвале» Иакова Мниха служила ретроспективная историческая аналогия, последовательно представленная и в рассматриваемом тексте. Автор в двадцать девятой главе сравнивает князя с апостолом Павлом и царем Константином, указывая на то, что все трое равно получили благодать Божию, исцелились от недуга и прозрели душой. Выражая эту мысль, книжник вновь прибегает к синтаксическому параллелизму: «Тако и блаженный самодръжець Владимиръ сподобися отъ Бога обоимъ подобьствовати, Павлу апостолу и Коньстантину царю, вси бо триє равно чюдно получиша благодать Божию всѣмъ чловѣкомъ... Православныи же Владимиръ наипаче своима очима тако же въ святѣи купѣли съ небеси руку прикоснувшюся ему видѣ, отънея же сугубо и трегубо исцѣление получи: ослѣпшима очима незапное прозрѣние и тѣлеси скорое исцѣление, наипаче же и душевное спасение» [С. 280].

Еще одно сравнение, с Моисеем, содержится в 35 главе: «Яко же древле Моисеи изведе Израиля отъ работы изъ Египта, взять с собою и кости Иосифа Прекрасного, тако и Владимиръ, идыйиис Хирсоня, хотя извести новаго Израиля, дръжаву царствиа своего, отъ работъ кумиро бѣсиа, тако же взятъсь собою и много чюдесныя мощы святаго и великаго священномученика Климента...» [С. 289].

Сравнение приведено и в 60 главе: «Рече бо Господь пророкомъ: «Изводя и нечестиваго отъ нечестивавъ благочестие, яко уста Моя

есть сии» [Пс. 70:8]. «Тако и блаженны Владимиръ бысть яко уста Божиа» [С. 317].

Сравнение с царем Давидом использовано автором в 65 главе. Аналогию книжник видит в наличии у обоих персонажей сильных, храбрых, смелых воинов. Именно такие мужи делают правителя сильным, а государство крепким, благодаря такой поддержке князь одерживает победы над врагами.

За все князь неустанно благодарит Бога, ибо понимает это не иначе, как небесное покровительство на верно выбранном пути истинного христианина: «Боголюбивыи же Владимиръ о всѣхъ Божиихъ благодѣяниихъ сугубо радовашеся и веселяшеся душею, купно же и тѣломъ в пространствии сердца съ всѣми людми и творяше празднование свѣтло, въ молитвахъ, и въ благодарениихъ, и въ псалмѣхъ, и в пѣснехъ духовныхъ выну хвалящее и славяще Бога и Пречистую Богородицю и всѣхъ святыхъ...» [С. 324].

По словам книжника, Владимир соединяет в себе качества предшествующих библейских и христианских подвижников: «Въвсемъ ревнуа и подобяся древнихъ святыхъ мужъ житию и благымъ дѣломъ, и тако възлюбиа Авраамово страннлюбие и Иаковлю истину, Моисеову кротость, Давидово беззлобие и прочихъ блаженныхъ и святыхъ царе и добродѣтелемъ послѣдуа: царю Иезекию, и треблаженному Иосию, и святому и великому Коньстантину, и симъ подобнымъ, иже избраша и възлюбиша Божии законъ паче всего, и послуживша Богу. И угодная Ему сътвориша и благодать и милость отъ Него получивша, и почиаша всѣми святыми, с ними же и раинаслѣдовавша и приаша Царство Небесное» [С. 317].

В похвале, включенной в главу 71, проводится параллель между благочестивыми делами Владимира и деяниями его бабки Ольги и великого Константина (ранее признанного святым) с матерью Еленой. Князь ничем не уступает в праведных делах своему предшественнику. В похвале говорится о том, что Владимир, находясь на небесах, становится народным заступником, молится о благополучии русского рода, именно благодаря ему Бог возлюбил Русь: «Сего же блаженнаго Владимира благословенное сѣмя тако възлюбиа Богъ, яко вси и донынѣ истинное благочестие непорочно съхраняху, ревнующее добродѣтельному началу правыя вѣры святаго Владимира, его же молитвами вси родове русьстии и до днесь Богомъ наставляеми, ревнители добродѣтели его тѣхася быти» [С. 333].

Поводом для сравнения князя с Авраамом и Исааком является начало благочестивого рода: как и библейские персонажи, князь стал первым в праведном роде. Автор перечисляет те подвиги, которыми прославились потомки крестителя Руси: «иночествомъ, супружествомъ, безсупружествомъ, мучениемъ, на бранехъ, въплєненіихъ, в междусобицахъ, в темницахъ, ослѣплениемъ, в нуждахъ...» [С. 335]. Никто, по его словам, не отступил от православной веры. Далее книжник обращается с молитвой

к Богу, прося позволения праздновать святую память Владимира и заступничества за род людской.

Широко применяется для изображения князя оценка его другими персонажами. Когда князь принимает христианство, его решение оценивает весь народ: «...о них же вси людие радовахуся, и слава Божия превосхожаше» [С. 288]. Книжник подчеркивает, что не только русский народ одобряет действия князя, но и другие народы признают его величие, и подтверждает свою мысль сообщением о дарах, присланных Владимиру, и быстро распространяющейся повсеместной славе: «По сихъ же приидоша многы послы из Грекъ отъ царейсѣ многою честию и з дары и с любовию. Та же приидоша послы из Рима отъ папы и мощы святыхъ принесоша Владимиру. Тогда же прииде къ святому Владимиру печенѣжский князь Метигаи, и тои, вѣровавъ, крестисявъ имя Отца и сына и Святаго Духа» [С. 288].

В конце 64 главы автор помещает похвалу князю, в которой перечисляет его достоинства от лица подданных, используя анафору, сложные эпитеты, морфологическую рифму: «Радовахуся вси людие и славляху и благодаряху Христа Бога, даровавшего имъ такова не постыдна благовѣрию предстателя, Богомъ избраннаго в земныхъ скипетродръжателей достохвалнаго самодръжца Владимира, яко же преудобрена величества возрастомъ, тако же преудобрена и исполнена и благаго разума и чудесныя премудрости, и благодатными добродѣтелями сияюща, и крѣпостию тѣлесною преимуша, и въ храбрости пресловуша» [С. 322].

После кончины князя люди молятся о нем, просят Бога приравнять его к апостолам: «О Владыко Христе Боже нашъ, Божие Слово и Сыне и Агньче Пречистый и Телецъ Непорочный, Иже премногиа ради благостыня Архирѣи нашъ бытии изволивъ, Иже различными лики украсивъ святую си церковь, юже честно си кровию искупилъ еси, даруй намъ присно святаго Твоего и равнаго апостоломъ Владимира память духовно праздновати и преподобиемъ воспоминати его и всѣхъ святыхъ православныхъ царей и князей и пастырей...» [С. 338].

Образ князя-отца предстает в плаче Бориса. Он сокрушается о великой потере, об отсутствии земного заступника. Речь Бориса эмоциональна, образна, в ней используются красочные эпитеты, развернутые метафоры, сравнения, риторические обращения, анафора: «Увы мнѣ, преблаженныи отче мои Василие, свѣтеочию моею, сиание и заре лица моего, бодрое наказание юности моя и неразумия моего! Увы мнѣ, отче господине мои! Къ кому прибѣгну и къ кому възрю? Гдѣ ли насыщюся таковаго благаго учения и наказания разума твоего? Увы мнѣ, како заидесвѣте мои, не бывшю ми ту, да быхъ честное тѣло твое самъ своимъ рукама спряталъ и гробу предать, и не сподобленъ быхъ понести красоты мужественнаго тѣла твоего, ни целовати добродѣпотныхъ сѣдинъ твоихъ!» [С. 344]. В этом плаче использованы литературные приемы, характерные для церковной

ораторской прозы и в то же время образность народного плача, что позволяет ярче выразить душевную скорбь по умершему отцу. Вместе с Борисом печалится и все войско, выражая при этом преданность Владимиру и любимому его сыну.

Использована и форма авторской похвалы. В главе 70 «Пришествие из Ростова святого Бориса, и о преставлении святого Владимира, и о погребении его» книжником подводится итог жизни князя. Он отправляет сыновей на защиту русской земли от кочевников, так как сам уже не в силах воевать. Окружение его, видя немощь князя, плачет о его скорой смерти, только он сам спокоен и, забыв о болезни, утешает опечалившихся людей, просит укрепиться в православной вере. Автор пишет о том, что князь в благочестивой вере прожил 28 лет, за это время он много сотворил благих дел, жил по заповедям. Отличался Владимир светлым мужеством, храбростью, острым умом, мудростью, милостью и человеколюбием: «Иже бысть мужествомъ свѣтелъ и въ всемъ храборъ, наипаче же душевною добродѣтелию сияя, остръ умомъ, мудростию слова глубоко, въ правосудии истиненъ, в подаянии готовъ, въ бранехъ мужественъ, в междоусобныхъ непобѣдимъ, въ вѣре православной крѣпокъ и непоколеблемъ, въ видѣнии красен же и благовидѣнь, радостенъ лицемъ, кротокъ, благоприступенъ, тихъ зѣло, милостивъ и человеколюбивъ къ всѣмъ и въ всяческихъ сладко учителенъ» [С. 330]. В указанной цитате автор использует множество эпитетов, в том числе сложных.

При погребении люди разных сословий плачут о своем князе: для каждого он покровитель и защитник. Похвалу продолжает 71 глава. Используя развернутую метафору, книжник изображает небесное пространство, куда переселяется князь. Но и с небес он наблюдает за своим народом: «...тѣм же и въ премирныя вселися чины, въ грѣнии Иерусалимъ, въ Сионъ гору небесную, въ градъ живаго Бога, въ тмы аггельскихъ съборовъ, въ церковь пръвенецъ, написанныхъ на небесѣхъ...» [С. 331].

Далее автор в качестве «свидетельства» цитирует апостола Иакова, известного подвижнической жизнью. Иаков распространил и утвердил святую веру в Иерусалиме и во всей Палестине. Многие из евреев обращались к церкви по одному доверию к слову праведника. Смысл высказывания апостола (Иак. 5:20) в том, что обратившему грешника в святую веру прощаются многие грехи. Владимир же, по утверждению автора, привел к правильному пути множество народа, целую державу. Рассуждения автора продолжают риторическими вопросами: «Кто не удивится великимъ преславнымъ Божиимъ чудесемъ? Кто не прославить благодсть Его, яко дарованамъ, руськимъ людемъ, такова пръваго правовѣрна руководителя, благочестиваго царя и великаго князя Владимира!» [С. 332]. Такого правителя для русского государства автор считаем Божьи чудом.

Из монологов Бориса и Глеба и авторского повествования следует, что Владимир признается сыновьями и ближайшим окружением святым.

В грани первой описывается не только жизнь князя Владимира, но и короткая жизнь его святых сыновей. Они живут по заветам отца праведной жизнью. После их смерти на могилах происходят чудеса — свидетельства их святости. Автор упоминает седьмого сына Владимира — Мстислава как православного боголюбивого юношу, славит дела другого сына — Ярослава. Таким образом, история благословенного рода русских князей продолжается.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Повествование о князе ведется в расширенном историческом контексте. Авторы более ранних произведений о Владимире упоминали только его бабушку Ольгу, в Степенной же книге рассказывается и о бабке, и о братьях, и о сыновьях, таким образом фиксируются деяния рода Владимира, представители которого преуспели в праведных делах.

В летописи и хронографе лишь перечисляются события жизни князя. В Степенной книге выявляется христианский смысл биографических фактов и при этом смягчается смысл событий языческого периода.

Автор подчеркивает, что Владимир силой личного примера, убеждением утверждал христианство на Руси. В предшествующих произведениях эта мысль не была выделена.

Для рассматриваемого жития характерен экспрессивный стиль, призванный, с одной стороны, возвеличить деяния святого, с другой стороны, воздействовать на чувства читателя. С этой целью автор включает в повествования молитвы-обращения, молитвы-обещания, плачи. Они помогают показать психологическое состояние персонажей. С этой же целью автором используются множество синонимичных эпитетов, развернутых метафор, синтаксический параллелизм, риторические приемы. Художественные тропы и фигуры применялись и в источниках Степенной книги, но не в таком изобилии.

Похвалы и молитвы проходят через всю степень, посвященную Владимиру, способствуя раскрытию мыслей и чувств героев. В предшествующих памятниках молитва по традиции только завершала повествование.

Литература

1. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Под ред. Н.Н. Покровского, Г.Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1. Далее цит. по этому изданию. В скобках указ. только стр.
2. Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII веков. М.—СПб., 2010. С. 86.

*Московский педагогический
государственный университет*

Требование Н.В. Гоголя на полях Библии

© В. А. ВОРОПАЕВ,

доктор филологических наук

В статье разъясняется церковнославянская семантика слова «требование» на полях принадлежавшей Гоголю Библии против слов св. апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1: 23).

Ключевые слова: Гоголь, Священное Писание, послание св. апостола Павла к Филиппийцам, церковнославяно-русские паронимы, праведная кончина.

DOI: 10.7868/S0131611718030115

The article clarifies the Church Slavonic semantics of the word «requirement» in the margin of Gogol's Bible opposite to Saint Apostle Paul's words «I am ... having a desire to depart, and to be with Christ» (Phil. 1, 23).

Keywords: Gogol, Holy Bible, Epistle of Paul to the Philippians, Church Slavonic and Russian paronyms, righteous death.

Праведная христианская кончина Н.В. Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь. Перед смертью он дважды исповедался и приобщился Святых Таин, а также соборовался елеем. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!». За этим ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1: 23). На церковнославянском языке эти слова читаются так: «...желание имый разрешитися и со Христом быти». В принадлежавшей Гоголю славянской Библии 1820 года издания, хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, против данного стиха – неясная помета: «Требование(?)» [1. Т. 9. С. 155].

Можно предположить, что слово «требование» употреблено здесь Гоголем как церковнославянское в значении нужда, потребность, необходимость. В предисловии к «Словарю трудных слов из богослужения» О.А. Седакова приводит глагол *требовати* (русское значение: «настоятельно просить», церковнославянское: «сильно нуждаться») в качестве образца церковнославяно-русских паронимов [2. С. 7] (*Паронимы* – слова, близкие по звучанию или морфемному составу, но имеющие разное значение). В словаре даются многочисленные примеры такого словоупотребления в Священном Писании и богослужебных книгах.

Вот несколько подобных случаев.

«Рех Господеви: Господь ми еси Ты, яко благих моих не требуеши» (Пс. 15: 2) (русский перевод: «Я сказал Господу: Ты Господь мой, не имеешь нужды в моих благах»).

«И той глаголаше им: несте ли николиже читали, что сотвори Давид, егда требование име и взалка сам и иже с ним» (Мк. 2: 25) (русский перевод: «Он сказал им: неужели вы никогда не читали, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?»).

«Народи же разумеюще, по нем идоша: и прием их, глаголаше им о Царствии Божии, и требующия исцеления целяше» (Лк. 9: 11) (русский перевод: «Но народ, узнав, пошел за Ним; и Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божием и требовавших исцеления исцелял»).

В данном случае синодальный перевод 1876 года, по которому печатается Новый Завет и в современных изданиях Московской Патриархии, представляется не совсем удачным. Более точен в переводе этого места В.А. Жуковский: «Народ же о том узнав, последовал за Ним; и Он их принял, и говорил им о Царствии Божием, и исцелял искавших исцеления» [3. С. 122].

Работа Жуковского над переводом Нового Завета в 1845 году протекала в период интенсивного духовного общения с Гоголем, который был едва ли не единственным, кого поэт посвятил в свой замысел. От Гоголя об этом переводе узнавали и другие. Так, П.А. Плетнев извещал Я.К. Грота: 22 сентября 1848 года из Санкт-Петербурга «Сюда приехал Гоголь (...)

Он рассказывал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из евангелистов [4. Т. 1. С. 699] или Апостолов и перекладывал ее на такой русский язык, в котором, при сохранении всей силы славянского и целых иногда выражений подлинника, период выходил бы ясным, звучным...». Гоголь высоко оценил переводческий труд Жуковского. В письме от 28 февраля 1850 года он советовал ему сделать с Библией (имеется в виду Ветхий Завет) то же, что с Евангелием, то есть всякий день переводить из нее по главе [См.: 1. Т. 15. С. 307].

Гоголь свободно читал богослужебные книги, и ему хорошо известно было церковнославянское слово «требование» (в значении нужда, потребность, необходимость). Многочисленные случаи подобного словоупотребления встречаются в выписках Гоголя из служебных Миней. Например, тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Все сердце мое и помышление простираю к тебе и душу, твоя, страстотерпче, помощи тебе» [Там же. Т. 9. С. 294].

Впрочем, это слово без перевода понятно любому православному христианину, который ежедневно читает в молитвах на сон грядущим: «Богородице Дево, не презри мене грешнаго, требующа Твоя помощи и Твоего заступления, на Тя бо упова душа моя, и помилуй мя» («требующа Твоя помощи» означает здесь «нуждающегося в Твоей помощи», «просящего Твоей помощи»).

Святой апостол Павел не печалился при мысли о смерти, но радовался; не боялся смерти, но желал ее: «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше...». По учению святых отцов, подобным образом должны мыслить все христиане, потому что Христос победил смерть (ср. «Смерти празднуем умерщвление, а до во разрушение, иного жития вечнаго начало» (Канон Пасхи, песнь 7-я); «...побеждена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15: 54–55)), и теперь она для них не зло, а *приобретение* (Флп. 1: 21). Святитель Феофан Затворник пишет: «Имею желание *разрешиться от тела* посредством смерти, какую угодно будет Богу послать мне. И это было бы *гораздо лучше*, потому что чрез это я тотчас стал бы со Христом быть и в Нем блаженствовать. Такова прямая надежда и всех христиан, пребывших верными вере, а тем паче апостолов» [5].

Известный духовный писатель епископ Варнава (Беляев) в книге «Основы искусства святости», обобщая аскетический опыт святых отцов, говорит о христианской кончине: «Физический страх смерти переходит в духовное радование, и мрачные мысли заменяются светлыми. Подвижник начинает уже созерцать Царствие Небесное, блаженство, уготованное святым, поучается в любви к Богу. Тогда приходит *благодать* и человека осеняет *сила* Святого Духа. Представления его собственные заменяются видениями, посылаемыми от Бога. Такой уже перестанет

любопытствовать о мире, не привязан более к своему телу и не *ожидает*, а *желает* уже смерти, на всякий час (Флп. 1: 23)» [6. С. 116].

И далее: «Говоря вообще, “боязнь смерти есть свойство человеческого естества” (слова преподобного Иоанна Лествичника. — В. В.) и произошла в нас от преслушания прародителей. В ней (боязни) ничего предосудительного и ненормального нет, и Христос боялся, по человечеству, смерти, хотя в отличие от святых людей и добровольно (принял ее), по Своему желанию. Но страшиться умереть от сознания пагубности содеянных грехов недостойно истинного христианина, такой трепет ненормален, и от человека требуется, чтобы его не было. Для новонаначального и только что начавшего подвизаться он конечно терпим и даже похвален, но мы должны знать, что Господь, в конечном счете, призывает нас не в качестве рабов, не к трепету перед Ним, а призывает нас к любви как свободных сынов. И с этой точки зрения, со стороны совершенства и святости, боязнь смерти ненормальна, и в раю до грехопадения страха смерти не было» [Там же. С. 116–117].

Умирал Гоголь в состоянии духовного просветления: без страха, с радостью. Он ушел в вечность с верой в Сладчайшего Иисуса, Который сильнее смерти. В его словах «Как сладко умирать!» с несомненностью угадывается хорошо знакомое православным христианам речение: «Иисусе пресладостный, преподобных радование...» (Акафист Иисусу Сладчайшему). Господь даровал Своему подвижнику вкусить божественную радость и утешение.

Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм) говорил, что, размышляя о смерти Гоголя, он всегда мысленно повторял слова: «Узрят кончину праведника и не уразумеют, что усоветова о нем Господь» [7]. Изречение это, взятое из Книги Премудрости Соломона (4: 17), в полном виде выглядит так: «Узрят бо кончину премудрого и не уразумеют, что усоветова о нем и во что утверди его Господь». Оно высечено на надгробии Ивана Васильевича Киреевского, погребенного в Оптиной Пустыни. Судьбы его и Гоголя во многом схожи.

Литература

1. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.—Киев, 2009–2010.
2. *Седакова О.А.* Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008.
3. *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 11 (второй полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского / Сост., вступ. статья, примеч. Д.В. Долгушина; подгот. текста Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, Д.В. Долгушина; ред. Д.В. Долгушин, А.С. Янушкевич. М., 2016.

-
4. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М., 2011–2013.
 5. <Феофан Затворник, святитель.> Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Послания к Колоссаем и к Филиппийцам. М., 1998 / Репринтное издание 1892 г. С. 329–330.
 6. Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики: В 4 т. Т. 4. Нижний Новгород, 1998. С. 116.
 7. Матвеев П. Гоголь в Оптиной Пустыни // Русская Старина. 1903. № 2. С. 301–304.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 16-04-00523а

ОНИМЫ
в романе Н.С. Лескова
«Некуда»

© В. В. ВЯЗОВСКАЯ,
кандидат филологических наук

Статья посвящена рассмотрению имен собственных, участвующих в формировании «провинциального текста» в романе Н.С. Лескова «Некуда».

Ключевые слова: ономастика, Н.С. Лесков, провинциальный текст, хроно-
топ, орловский текст, ономастическое комментирование.

DOI: 10.7868/S0131611718030127

The article deals with onomastic units participating in the formation of space-time links in the «provincial text» in novel «Nowhere» by N.N. Leskov.

Keywords: onomastics, N.S. Leskov, provincial text, the writer's language, chronotope, Orel text, onomastic analyses.

Все обрывалось, некуда было деться.

Н.С. Лесков

Н.С. Лесков — великий художник слова, отличавшийся, по верному замечанию Л.Н. Толстого, «знанием языка до фокусов» [1]. «Позднейшая эпоха признала в нем “мастера”, но все же с склонностью к языковой “чрезмерности” и даже к “шутовству” или “юродству”. Так он и остался вне системы — как что-то оригинальное, но слишком причудливое» [Там же].

Первым крупным произведением Лескова является роман-памфлет «Некуда» (1864), о котором он так напишет в письме к И.С. Аксакову: «“Некуда” частью есть исторический памфлет. Это его недостаток, но и его достоинство» [2. XI. С. 256]. Структурно роман делится на три книги, именующиеся «В провинции», «В Москве» и «На Невских берегах», в которых повествуется о судьбе героев, каждый из которых проходит свой, только ему одному предназначенный путь.

Название первой книги романа «В провинции» определяет основное место действия: тихий уездный городок, семейное гнездо, в которое возвращаются главные героини романа. В самих названиях глав этой книги отражены пространственно-временные характеристики провинциального мира, целенаправленно выведенные автором в сильную позицию: «Тополь да березка», «Приют безмятежный», «Родные липы», «Крещенский вечерок», «Глава некоторым образом топографически-историческая», «Колыбельный уголок», «Семейная картинка в Мереве» и ряд других. М. Бахтин так писал о провинциальном городе: «Такой городок — место циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”. Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь» [3].

Главных героинь романа — *Лизвету Егоровну Бахареву* и *Евгению Петровну Гловацкую* мы застаем в пути: девушки возвращаются с учебы в Москве и по пути домой останавливаются на ночь в трактовом селе Отрада. Название села *Отрада*, если обратиться к этимологии этого слова, означает «утешенье», «успокоенье» [4. Т. 2. С. 749]. Прилагательное «трактовый» происходит от слова «тракт», «большая дорога» [Там же. С. 425]. Таким образом, топоним *Отрада* в комбинации с прилагательным «трактовый» обозначает вектор движения персонажей — они возвращаются домой, в патриархальный мир — мир детства и спокойствия.

Немаловажным является упоминание божеств римской мифологии *лар* в портретной характеристике Лизы Бахаревой: «Глаз ее теперь нельзя видеть, потому что они закрыты длинными ресницами, но в институте, из которого она возвращается к *домашним ларам*, всегда говорили, что ни у кого нет таких прелестных глаз, как у Лизы Бахаревой» [11. С. 10]. Лиза

возвращается к домашним ларам. *Лары* — это римские божества, покровительствующие дому и семье [Там же. С. 726]. В связи с этим мимолетное указание на древнеримских божеств позволяет передать состояние внутреннего мира героини: она готовится к встрече со своей семьей, с миром детства и юности.

Названия праздников наряду с топонимами выступают в качестве маркеров провинциального времени. Девушки покидают село накануне *Петрова дня*: «Завтра, вон, люди говорят, Петров день» [Там же. С. 8]. *Петров день* — народно-христианский праздник в честь святых апостолов Петра и Павла, который отмечается 12 июля (29 июня) и знаменует собой конец Петровского поста. Также этот день — условная граница, ведь именно с этого времени начинались изменения в природе, символизировавшие приход осени. К тому же 12 июля «ходят в гости, принимают у себя гостей, приезжают родственники даже из дальних деревень» [5. С. 264]. Именно в Петров день героини попадают в монастырь к тетке Лизы, Агнии Николаевны Бахаревой. Не случайно нянька торопит девушек к сборам: «Завтра, вон, люди говорят, *Петров день*; добрые люди к вечерням пойдут; Агнии Николаевне и сустреть вас некогда будет» [II. С. 8]. Праздник обозначает дату отъезда персонажей: перед нами века христианского времени, столь характерного для провинциального мира. Л.И. Сизинцева указывает, что «для людей, погруженных в христианское время, календарное обозначение месяцев и чисел не столь важно, как для чиновника: “К концу поста я уже читал, а на святой мог бегло прочитать Псалтырь”, — совсем другие координаты. (...) Важность христианского времени для провинциала объясняется его погруженностью в природную цикличность» [6. С. 35].

Жители губернского города и села *Мерева* живут по системе координат христианского времени. Топоним *Мерево* восходит к глаголу *мерить*: жизнь в селе течет плавно, размеренно — от одного праздника до другого: «Прошли святки, и время уже подходило к масленице» [II. С. 217]; «Пост кончался, была страстная неделя» [Там же. С. 190]; «В понедельник на четвертой неделе великого поста, когда во всех церквях города зазвонили к часам» [Там же. С. 173]; «И так жила Лиза до осени, до Покрова, а на Покров у них был прощальный деревенский вечер, за которым следовал отъезд в губернский город на целую зиму» [Там же. С. 112]; «двунадесятый праздник с разрешением рыбы, елса, вина и прочих житейских льгот» [Там же. С. 184]. Для Женни Гловацкой этот мир понятен, она всецело принимает его. Эта размеренность, однообразность провинциальной жизни близка и понятна: «Гловацкая никогда не скучала и не тяготилась тихим однообразием своей жизни. Напротив, она полюбила ее всем сердцем, и все ей было мило и понятно в этой жизни» [Там же. С. 143].

Лесков акцентирует внимание читателя на пространственных характеристиках. Так, он вводит в роман главу, под названием «Глава, некоторым образом топографически-историческая», в которой дает квинтэссенцию

провинциального города: «город имеет пять каменных приходских церквей и собор» [Там же. С. 133]; «больница, в которой несчастный Розанов бился с непреодолимыми препятствиями создать из нее что-нибудь похожее на лечебное заведение» [Там же]; «гусарский выездной манеж» [Т. 2. С. 134]. Достаточно хлестко звучит авторское резюме относительно уездного города: «Более в целом городе не было ничего достопримечательного в топографическом отношении, а его этнографическою стороною нам нет нужды обременять внимание наших читателей, поелику эта сторона не представляет собою никаких замечательных особенностей и не выясняет положения действующих лиц в романе» [Там же].

Несмотря на то что город, в который въезжают девушки, не назван, здесь угадывается типичный провинциальный город России XIX века. Как раз отсутствие названия в данном случае актуализирует эту типичность. При этом обобщенность образа провинциального города создают названия реальных объектов: *Московская улица*, *Курская*, *Кромская площадь*, *Стрелецкая слобода*, *Курская застава*. Однако наравне с точными координатами местоположения персонажей автор воссоздает и внутреннее состояние персонажей. Девушки понимают, что въехали в город не только по изменившимся вокруг реалиям, но оттого что просыпаются от передвижения по типично разбитой русской дороге:

«— Город! Женни, город, приехали, — щебетала Лизавета Егоровна, толкая уже проснувшуюся Гловацкую.

— Слышу, Лиза, или, лучше сказать, чувствую, — отвечала та, охая от получаемых толчков, но все-таки еще придерживаясь подушки.

— Тоже мостовую зовется, — заметила Лиза» [II. С. 12].

Лесков дает весьма экспрессивные характеристики улиц уездного города: «Потом в городе была еще замечательная улица *Крупчатная*, на которой приказчики и носильщики, таская кули, сбивали прохожих с ног или, шутки ради, подбеливали их мучкой самой первой руки; да была еще улица *Главная*. Бог уж знает, почему она так называлась. Рассказывали в городе, что на ней когда-то стоял дом самого батюшки Степана Тимофеевича Разина, который крепко засел здесь и зимовал со своими рыцарями почти целую зиму. Теперь Главная улица была знаменита только тем, что по ней при малейшем дожде становилось море и после целый месяц не было ни прохода, ни проезда» [II. С. 132]. Как мы видим, этимология данных урбанонимов поддерживается авторским комментарием — «подбеливали их мучкой самой первой руки»: *крупчатная* — это название пшеничной муки высокого качества. В.И. Даль в своем словаре приводит такой пример: «В нашей торговле отличают пять рук пшеничной муки: 1. Крупчатная, конфетная, крупчатка первой руки» [Т. 2. С. 358]. А вот *Главная* была так названа, вероятно, из-за того, что когда-то на здесь останавливался сам атаман Степан Разин, однако сейчас она известна лишь благодаря тому, что представляет собой главное море города!

Весьма «колоритными» в языковом отношении являются и вывески, привлекающие уездных горожан. Например, одна из них, вывешенная на улице Рядской: «*Рядская*, на которой были десятка два лавок, два трактирных заведения и цирюльня с надписью, буквально гласившей: “Сдесь кров пускают и стригут и бреют Козлов”. Знаков препинания на этой вывеске не было, и местные зоилы находили, что так оно выходит гораздо лучше» [II. С. 131]. Внимательный читатель, узнав, что находится на улице *Рядской*, легко разгадает ее этимологию: *рядский* означает «торговец», «купец» [4. С. 125], то есть на улице *Рядской* шла торговля, здесь располагались торговые лавки. Любопытна и тонкая ономастическая игра с антропонимом *Козлов* в названии вывески: кого все-таки стригут в цирюльне — людей или козлов?

В описании губернского города можно узнать черты старого Орла, который неоднократно становился источником сюжетов произведений Лескова. Таковыми являются упомянутые *Московская* и *Курская* улицы, традиция именования которых была общеизвестна: по направлению к тому или иному месту, в данном случае одноименным городам. А вот *Кромская площадь* — одна из площадей Орла, возникших еще при планировке города как губернского центра [7]. В Орловской губернии существует река Крома и селение Кромы. «Орел да Кромы — первые воры, да и Карачев на поддачу» — одна из известных русских пословиц. Г.П. Смолицкая связывает историю этого выражения с тем, что «эти города в XVIII веке были пограничными, окраиной русского государства. Сюда сбегались бедные, преследуемые законом люди. А все, кто нарушал закон, назывались в то время ворами. Не случайно именно здесь вспыхивали антиправительственные мятежи и смута» [8].

Тема Орла возникает неоднократно в романе, например, не случайно сравнение Юстина Помады за его стремительность с орловским рысаком: «Помада уже преодолел самую большую крутизну горы, настоящим орловским рысаком неся по более отлогой косине верхней части спуска» [II. С. 47]. Орловский мотив имплицитно реализуется и в рассуждении доктора Розанова об особенностях русского национального характера, в частности о драматической борьбе, которая происходит в душе каждого человека. Так, он противопоставляет немецкую сдержанность русскому пессимизму: «Вы вот говорите, что у необразованных людей драматической борьбы нет. А я вам доложу, что она есть, и есть она у каждого такого народа своя, с своим складом, хоть ее на театре представлять, эту борьбу, и неловко. Возьмите, например, *орловскую* *мещаночку* *Матрешу* или *Гашу* в том положении, когда на их сестру шляпу надевают, и возьмите Мину, Иду или Берту из Митавы в соответственном же положении. Миночка сейчас свою комнатку уберет, распятие повесит и Гете в золотообрезном переплете на полку поставит, да станет опускать деньги в бронзовую копилочку. И воровством или другими мастерствами она пренебрегает, а ее положение ей не претит» [Там же].

Лиза Бахарева — одна из главных героинь романа. Андрей Лесков, сын писателя, указывал, что прототипом для героини послужила Мария Николаевна Коптева — переводчица, участница «Знаменской коммуны» писателя В.А. Слепцова [9. С. 249]. Корней Чуковский, обращаясь к истории Слепцовой коммуны, так описывает Коптеву, одну из участниц этой коммуны: «Маша Коптева, избалованная, изящная московская барышня, дочь богатых родителей (...) только что из института благородных девиц, приставшая к нигилизму случайно. (...) Лесков, сильно приукрасив ее, изобразил в романе “Некуда”, под именем Лизы Бахаревой» [10. С. 244]. Действительно, в тексте мы находим некоторые черты прототипа: Лиза появляется перед читателем в момент возвращения ее из института в отеческий дом, она принадлежит к дворянскому роду, входит она и в коммуну.

Имя *Лиза* является одним из сквозных поэтонимов русской литературы XVIII — начала XIX века, формируя так называемый «Лизин текст» (термин В.Н. Топорова), в центре которого стоит Н.М. Карамзин и его «Бедная Лиза». Героиня Лескова также наследует и черты Лизы эпохи сентиментализма, однако принося свою жизнь не в жертву любовному чувству, а новому тренду эпохи новых людей — нигилизму. Сближает двух Лиз и мотив воды — если героиня Карамзина топится в пруду, то лесковская Лиза, сильно промокнув под дождем, заболевает и умирает вследствие воспаления легких.

В основе фамилии этой героини — *Бахарева* — лежит аппелятив *бахорь* «внезапный порыв ветра», «буран» [Т. 1. С. 56]. Семантика фамилии реализуется в характере Лизы — ее путь — это метания ее души, она не может найти себя в мире, все происходящее для нее чуждо, мертво: «Не было мира в этой душе. Рвалась она на волю, томилась предчувствиями, изнывала в темных шарадах своего и чужого разума» [II. С. 171]. Лизе претит «простенький мирок» [Там же. С. 173] уездного города, который она покидает в стремлении найти новую, достойную ее жизнь с высокими идеалами нигилизма.

Лиза Бахарева по характеру близка своей родной тетке Анне Бахаревой, в молодости ушедшей в монастырь и теперь являющейся его настоятельницей — инокиней Агнией. Сама инокиня Агния так определяет причину, приведшую людей в ее монастырь: «От неспособности сжиться с этим миром-то; от неумения отстоять себя; от недостатка сил бороться с тем, что не всякий поборет. Есть люди, которым нужно, просто необходимо такое безмятежное пристанище, и пристанище это существует» [Там же. С. 26]. Молодая Анна Бахарева уходит в монастырь наперекор своим родителям из-за несчастной любви и становится матушкой Агнией. Она себя приносит в жертву Богу, о чем свидетельствует ее имя, которое «имплицитно реализует значение агнец» [11. С. 45]. Как известно, в христианстве пасхальный агнец — очень емкий образ: он символизирует собой жертву Иисуса Христа, отдавшего свою жизнь во имя спасения

людей [Там же]. Так и Анна Бахарева уходит в монастырь, посвятив свою жизнь Богу [II. С. 45]. Только матушка Агния понимает мятущуюся душу Лизы: «Никакого насилия, никаких резкостей против тебя употреблено не будет, только не бунтуйся ты сама, бога ради» [Там же. С. 156]. Она словно оберегает свою племянницу от повторения своего пути — ухода в монастырь. Не случайно Агния, защищая Лизу от нападков матери и сестер, предупреждает брата: «...если увижу, что вы не хотите дать ей жить сообразно ее натуре, честное слово даю, что к себе увезу» [Там же. С. 108]. Показательна портретная характеристика Лизы, в частности, сравнение ее с теткой Агнией, в одном из разговоров с Розановым о предназначении в жизни. Не сумев убедить доктора, Лиза произносит: «Ну, значит, и говорить не о чем, — вспльщиво сказала Лиза, и на ее эффектно освещенном луною молодом личике по местам наметились черты матери Агнии» [Там же. С. 236].

Для Лизы, вернувшийся в отчий дом, мир пуст: «Мертва казалась ей книга природы; на ее вопросы не давали ей ответа темные люди темного царства» [Там же. С. 171]. Бахаревская птичница своими словами точно подмечает атмосферу, царящую в селе Мереве: «А у нас-то теперь, — говорила бахаревская птичница, — у нас скука призрашенная... Прямо сказать, настоящая *Сибирь*, как есть *Сибирь*. Мы словно как в гробу живем. Окна в доме заперты, сугробов нанесло, что и не вылезешь: живем старые да кволые. Все-то наши в городе, и таково-то нам часом бывает скучно-скучно, а тут как еще псы-то ночью завоют, так инда даже будто как и жутко станет» [Там же. С. 116]. Как известно, хороним Сибирь в сознании русского человека воплощает в себе семантику наказания и отдаленности, а в начале XIX века «существовало противопоставление Сибири и России, как ее “метрополии”» [12. С. 309]. Лесков назвал этот регион «страной изгнания», написав в 1872 году рецензию на одноименную книгу беллетриста и драматурга С. Турбина.

Вторит птичнице учитель Юстин Помада, попав в дом к Бахаревым: «Фу, как тут скверно! — подумал Помада, пожимаясь от холода. — Ни следа жизни нет. Это хуже могилы». В голове у Помады почему-то вдруг пробежали детские сказки о заколдованных замках, о *Громвале*, о *Кикиморе*. (...) Только один неуклюжий, запыленный чехол, окутывавший огромную люстру с хрустальными подвесками, невозможно выделялся из густого мрака, и из одной шелки этого чехла на Помаду смотрел крошечный огненный глазок. Точно *Кикимора* подслушала Помадины думы и затеяла пошутить с ним: «Вот, мол, где я сижу-то: у меня здесь отлично, в этом пыльном шалашике» [II. С. 125]. Упомянутые мифологические персонажи — *Громвал*, герой первой русской баллады Г.П. Каменева, *кикимора* — домовая в женском обличье, приносящий домочадцам мелкие неприятности, все это создает атмосферу страха и неблагополучия, царящего в семействе Бахаревых. Символичным в этом плане является начало одной из

глав романа: «Говорят, что человеческое жилище всегда более или менее точно выражает собою характер людей, которые в нем обитают. Едва ли нужно доказывать, что до известной степени можно допустить справедливость этого замечания. Наблюдательный и чуткий человек, осмотревшись в жилье людей, мало ему знакомых или даже совсем незнакомых, по самым неуловимым мелочам в обстановке, размещении и содержании этого жилья чувствует, что здесь преобладает любовь или вражда, согласие или ссора, радушие или скупость, домовитость или расточительность» [Там же. С. 130]. Итак, все мертво для Лизы, кругом одна пустота.

Для институтской подруги Лизы Бахаревой — *Евгении Гловацкой* — уездный мир «гадок», однако она не противостоит ему, не вступает во внутреннюю борьбу из-за неспособности принять происходящее подобно Лизе, она выбирает свою формулу отношения к жизни: «Жить каждому в своем домике» [Там же. С. 170]. Имя Евгения происходит от греческого *эвгеиус* «благородный», «знатный» [13. С. 172], что еще раз указывает на ее дворянские корни. Имя *Евгения* было распространено в дворянской среде XIX века. Дома девушку зовут на французский манер — *Женни*.

Рационализм воплощен в этимологии фамилии Женни — *Гловацкая* — польской фамилия, которая восходит к *Głowa* «голова». Женни много думает над тем, как ей стоит жить после возвращения домой к отцу, и находит решение: жить своей тихой семейной жизнью с отцом: «Все другое на втором месте» [II. С. 167]. Недаром ее институтское прозвище *ледышка*, «аккумулирующее» холодность и спокойствие характера: «Я *ледышка*, как вы называли меня в институте, ну и что ж мне делать, что я такая *ледышка*» [Там же. С. 92]. При этом Евгения Гловацкая словно предчувствует трагический исход Лизы, определяя ее неспособность принять происходящее: «Эта жизнь ничем ее не удовлетворила бы и ни от чего ее не избавила бы» [Там же. С. 167].

Провинциальный мир уездного города обыден, замкнут на себе, даже новости, порой парадоксальные, воспринимаются как данность и не вызывают никакого удивления со стороны слушателей: «Когда доктор заходил посидеть вечером у Гловацких, тогда уж обыкновенно не читали, потому что у доктора всегда было что вытащить на свет из грязной, но не безынтересной ямы, именуемой провинциальной жизнью» [Там же. С. 140]. Так, доктор Розанов рассказывает об исправнике, который «*двести раков съел*», а также о том, что «*в Хилкове бешеный волк человек пятнадцать на лугу искусал*» [Там же. С. 75].

Одним из атрибутов провинциального мира являются разного рода слухи и сплетни. По возвращении домой к Евгении Гловацкой был представлен «шпион» — восемнадцатилетняя полногрудая *Лурля*, дочь учителя Ольга Саренко: «С тех пор Лурля начала часто навещать Женни и разносить о ней по городу всякие дразги» [Там же. С. 138]. В портретной характеристике героини Лесков использует выражение из стихотворения

реакционного писателя В.И. Аскоченского (1813–1879) «Лурлеин утес», которое было написано в подражание «Лорелее» Гейне и опубликовано в 1846 году. Выражение стало широко известным в 60-е годы, после появления в «Искре» (1861, № 45) сатирического стихотворения В.С. Курочкина «Печальный рыцарь тьмы крошечной...» [Т. 2. С. 732]. Само имя *Лурлея* восходит к немецкому слову *Лорелей* — названию скалы на берегу Рейна, недалеко от города Санкт-Гоарсхаузен. Существует несколько версий происхождения данного онима. Согласно одной из них — Лорелей восходит к нем. *Lureln* «шептание» + *ley* «скала», *Лорелей* — это «шепчущая скала» [14]. Впоследствии название было переосмыслено как «скала коварства», из-за девушки-сирены, жившей на этой скале и обольстительно певшей свои песни, из-за которых погибло много путешественников [15]. Героиня Лескова, называемая *Лурлеей*, — сплетница. Здесь можно увидеть ассоциативную связь между *сплетнями* / *шептанием* и намеком на трагический конец после общения с *Лурлей* / *Лорелеей*. Таким образом, Лесков, выбрав данное имя для героини-«шпионки», усиливает негативные черты ее образа. При этом писатель дает ответ устами Женни Гловацкой на вопрос о ее безразличии к сплетням: «Умные и честные люди, — отвечала она, — таким вздорам не поверят и поймут, что это сплетня, а о мнении глупых и дурных людей я никогда не намерена заботиться» [II. С. 139].

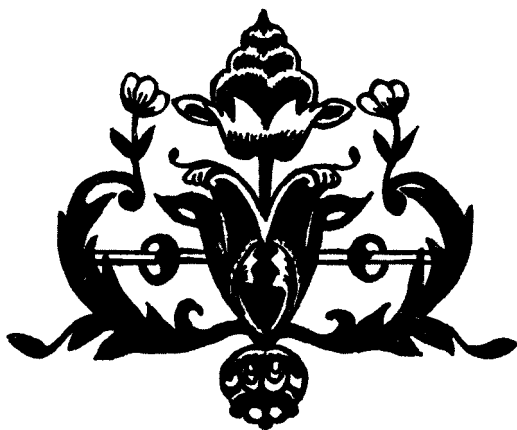
Итак, рассмотренные имена собственные играют роль пространственно-временных координат провинциального мира, создавая плавность и размеренность хода его жизни, а вместе с тем его однообразность и безысходность бытия его жителей. Главным героиням романа Женни Гловацкой и Лизе Бахаревой этот мир чужд, так как они «вовсе не принадлежали к прошлому и не имели с ним никакой связи» [Там же. С. 138], он пуст и мертв, поэтому они так стремятся в Москву, куда впоследствии и уезжают.

Литература

1. Эйхенбаум Б. К 100-летию Н. Лескова. URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=134641&pg=1> (дата обращения — 09.09.2017).
2. Лесков Н.С. Собр. соч. В 11 т. М., 1958. Далее указ. только том (римскими цифрами) и стр. (арабскими цифрами).
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS-/bakhtin_hronotop/hronotop10.html (дата обращения — 09.09.2017).
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2006. Далее указ. только том и стр.
5. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1989.
6. Сизинцева Л.И. Хронотоп провинциала // Русская провинция: Культура XVIII–XX веков. М., 1993. С. 32–36.

7. Кирсанов С. Оре́л знакомый и незнакомый. URL: http://www.orel-story.ru/land_ulici.php (дата обращения – 09.09.2017).
8. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь центральной России // Русская речь. 1996. № 4. С. 89.
9. Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2 т. М., 1984. Т. 1.
10. Чуковский К.И. История слепцовской коммуны // Чуковский К.И. Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1960.
11. Вязовская В.В. «Приют безмятежный»: к семантике имен жителей монастыря в романе Н.С. Лескова «Некуда» // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 12–3 (54). С. 44–46.
12. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.
13. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 2003.
14. Легенда о Лорелей. Подборка живописи. URL: <http://acupaduka.ru/chto/genrh-geyne-loreleya-kto-eto/> (дата обращения – 09.09.2017).
15. Энциклопедия мифов. Лорелей. URL: <https://mythology.org.ua/> (дата обращения – 27.09.2017).

Воронежский государственный университет

Вымышленные топонимы у Ф.М. Достоевского

© С. А. СКУРИДИНА,

кандидат филологических наук

Вымышленные топонимы *Скотопригоньевск* и *Скворешники* рассматриваются в статье с точки зрения выражения пространственно-временных отношений в художественном тексте Ф.М. Достоевского. Топонимы, реализующие в романах великого писателя свой образно-ассоциативный потенциал, являются свернутым текстом и не только определяют, но и выстраивают в художественном произведении взаимосвязанную ономастическую систему, которая усиливает их символическое звучание.

Ключевые слова: ономастика, топоним, антропоним, Ф.М. Достоевский, «Бесы», «Братья Карамазовы», *Скотопригоньевск*, *Скворешники*.

DOI: 10.7868/S0131611718030139

Fictitious toponyms *Skotoprignyevsk* and *Skvoreshniki* are considered from the point of view of expression of spatial-temporal relations in a text of Dostoevsky. Toponyms that implement own figurative and associative capacities are acting as a minimized text and not only determine, but also build up an interrelated onomastic system, which enhances their symbolic meaning.

Keywords: onomastics, toponym, anthroponym, Dostoevsky, «Demons», «Karamazov Brothers», *Skotoprignyevsk*, *Skvoreshniki*.

Романы «великого пятикнижия» Ф.М. Достоевского относятся к зрелому периоду творчества писателя, пережившему годы каторги и вернушемуся к литературной деятельности после духовного потрясения и пересмотра жизненных ценностей.

В творческой лаборатории писателя появляются новые герои. Все они населяют пространство романов Достоевского, и это пространство обозначается разными топонимами. События трех романов разворачиваются в Петербурге и его окрестностях («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток»), становясь частью «петербургского» текста. Романы «Бесы» и «Братья Карамазовы» предлагают читателям задуматься о судьбе провинциальных городков, являющихся квинтэссенцией происходящего в стране и мире.

«В провинции никуда не спрячешься», — сообщает Достоевский из Твери своему брату [1. XXVIII. Кн. I. С. 341]. По мнению писателя, вынужденного находиться в Твери, провинция — безжизненное пространство, сопоставимое лишь с острогом: «Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движения, никаких интересов, — даже библиотеки нет порядочной. Настоящая тюрьма! Намереваюсь как можно скорее выбраться отсюда...» [Там же. С. 337].

П.Н. Милюков, современник Достоевского, вспоминая свой «первый выезд из Москвы в настоящую русскую провинциальную глушь», отмечал, что там по одному только взгляду на человека можно определить его род деятельности: «Мы сидели на берегу реки в каком-то кафе; за соседним столиком беседовала компания местных обывателей солидного типа. Дядя сказал мне: вот этот — в чуйке — скупщик хлеба, а тот, сбоку, трактирщик; его сосед слева — торгует скотом. Хочешь, проверим? Он подозвал полового и спросил его, кто эти люди. Половой буквально подтвердил показания дяди, и я получил наглядный урок закономерного влияния профессии на лицо, ею занимающееся» [2].

Интересны размышления исследователей о хронотопе русской провинции: «Это и пространство, расположенное на тысячи верст вокруг Москвы или Петербурга; это и время, которое нужно затратить человеку не столько на путь по городам и весям, сколько на преодоление духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами; это и настроение, отмеченное мечтательностью и тоской, охватывающее на нешироких улицах, на проселочных дорогах, среди полуоблупившихся простеньких или претенциозных домов» [3].

Относительно романов Достоевского можно говорить об амбивалентной сущности провинции: во-первых, это пространство настоящего, где максимально сконцентрировано зло, ведущее к неминуемой смерти или наказанию, воспринимаемому как смерть; во-вторых, это пространство будущего, где духовная смерть оборачивается возрождением для избранных.

Понятие *хронотоп* в сферу литературной ономастики было введено основателем Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалевым. По мнению исследователя, «в литературной ономастике хронотоп следует понимать (...) как определенный и образный показатель времени и места, зачастую как бы случайно, а иногда нарочито, выраженный онимами, характерными для эпохи, отраженной в произведении. Системность имен обуславливается временем, отраженным в произведении с одной стороны, не так явно – временем, в котором автор писал данное произведение, даже если автор пишет о другой эпохе» [4].

В первую очередь, с точки зрения выражения пространственно-временного континуума следует рассматривать топонимы – названия географических объектов. По мнению Д.С. Лихачева, «читатель многое теряет, если он не знает тех мест, где происходит действие произведений Достоевского, ибо Достоевскому важна обстановка действия, но он не столько описывает ее, сколько на нее ссылается как на “знакомую” – ему самому и его читателям» [5]. Как верно замечает О.А. Вартанова, «топоним в поэтическом тексте лаконично (одним словом) передает большой объем информации, онтологически, исторически или лингвистически заложенной в нем, т.к. обладает способностью к номинализации – свертыванию полной семантической структуры до одного ее компонента» [6].

Топонимы, введенные в художественный текст, реализуют свой образно-ассоциативный потенциал. Топоним – это сжатый, свернутый текст: например, при упоминании названия городка в романе Достоевского «Братья Карамазовы» *Скотопригоньевск* у читателя возникает образ небольшого грязного провинциального города в связи с тем, что топоним разворачивается в предложение «*город, куда пригоняют скот*».

Многие исследователи (М.С. Альтман, Л.М. Рейнус, Г.И. Смирнов) считают, что за вымышленным топонимом *Скотопригоньевск* скрывается город Старая Русса, где Достоевский проживал с семейством в последние годы своей жизни [7, 8, 9]. Л.М. Рейнус провел глубокий топографический анализ, сравнив географические реалии Старой Руссы и Скотопригоньевска [10]. Как указывает Л.М. Рейнус, «на берегу узкой речушки Малашки, полукругом огибающей район, где живут Достоевские (так называемый Егорьевский остров), расположился Скотопригонный рынок. До прокладки в 1879 году железной дороги через Старую Руссу проходил скотопригонный тракт, по которому гнали скот с юга, из Белоруссии через Лугу к Петербургу или на Новгород и Чудово, и в Старой Руссе много скота попадало в руки перекупщиков» [8].

По мнению В.Н. Захарова, на выбор топонима повлияло название реально существующего города – Козельска: «В романе произошла их контаминация: Старая Русса дала страстную историю Карамазовых, Козельск в лице Оптинских старцев – духовное упование. И всё сошлось в названии романного города – Скотопригоньевск, в котором обыгрываются

и существование в Старой Руссе скотопригонной бойни, и внутренняя форма слова “Козельск”» [11].

Но скотопригонный двор, конечно же, был не только в Старой Руссе. Вероятнее, что более глубокие и нестираемые впечатления Достоевский вынес со Скотопригонного двора в Санкт-Петербурге, желтое («любимый» цвет писателя!) здание которого, являющееся образцом промышленной архитектуры первой трети XIX века, располагалось на углу Обводного канала и нынешнего Московского проспекта (1821–1825, архитектор И. Шарлемань): «В XIX веке это было самое кровавое место столицы: кровь здесь действительно лилась реками, уши резал оглушительный пороссячий визг, по двору сновали собаки, а над ними кружили стаи ворон. Тысячи быков, свиней и телят, доставленных в Петербург с Днепра, Дона, из калмыцких и киргизских степей, ежедневно превращались здесь в туши, чтобы утолить голод миллионной столицы — чудища обла, огромна, стозевна» [12]. Подробное описание масштабов происходящего на скотопригонном дворе нашло свое отражение в книге историка А. Бахтиярова «Брюхо Петербурга» (1887). Неслучайной видится в связи с упомянутыми фактами фамилия купца — героя вставного рассказа Макара Долгорукого — *Скотобойников* [XIII. С. 313]. По мнению Л.Я. Лурье, «Достоевский — быть может, первый в русской литературе петербургский писатель по преимуществу. Он приехал в столицу пятнадцатилетним юношей и, исключая десятилетний период каторги и солдатчины, провел здесь почти всю жизнь (34 года)» [13]. За 34 года своего пребывания в Петербурге Достоевский мог побывать (и неоднократно) в районе Скотопригонного двора на углу Обводного канала, который в то время назывался «Быками». По указанию исследователей, «“Живу у Быков”, “Извозчик, к Быкам!” — нередко можно было услышать в Петербурге в конце XIX в.» [14].

На наш взгляд, топоним *Скотопригоньевск* можно рассматривать как хронотоп: мастерски придуманное Достоевским название стало обозначением не только пространства, но и времени. Вторая часть названия города восходит к глаголу несовершенного вида *пригонять*, который указывает на незавершенность действия: скот пригоняли в город как в прошлом, так и продолжают пригонять в настоящее время.

Вероятно, название города *Скотопригоньевск* является не только отсылкой к прототопониму *Старая Русса*, через которую проходил скотопригонный тракт, но и указанием на обитателей вымышленного пространства: при внимательном прочтении оказывается, что роман густо населен людьми, воспринимаемыми друг другом через соотнесение с образами животных. Зооморфные мотивы буквально пронизывают текст: например, помещик Максимов выплывает под песенку: «Свинюшка хрю-хрю, хрю-хрю, Телочка му-му, му-му, Уточка ква-ква, ква-ква, Гусынька га-га, га-га. Курочка по сенюгакам похаживала, Тюрю-рю, рю-рю, выговаривала, Ай, ай, выговаривала!» [XIV. С. 395].

По наблюдениям А.К. Жолковского, «в Смердякове настойчиво подчеркивается его “звериность”. Уже само его рождение является последствием ответа Федора Павловича на “совершенно эксцентрический вопрос (одного барчонка) на невозможную тему: “Можно ли, дескать, хотя кому бы то ни было, счесть такого зверя (т.е. Лизавету Смердящую) за женщину (...)”»; в дальнейшем Смердяков систематически характеризуется в “животных” терминах: Федором Павловичем — как “(валаамова) ослица” (на протяжении всей гл. “Контроверза”), им самим — как “вол” (“с одного вола двух шкур не дерут”, “для чего же я (...) кожу с себя дам содрать?”), Иваном — как “передовое мясо”, а Митей — как “болезненная курица»» [XIV. С. 91, 119, 121, 122, 428] [15].

Семейство Карамазовых — это семейство поросят: Черт сравнивает Ивана с отцом и подытоживает: «Но ведь ты поросенок, как Федор Павлович» [XIV. С. 88], да и сам глава семьи с этим согласен, что нашло отражение в его ласковом обращении к сыновьям: «Эх вы, ребята! Деточки, поросяточки вы мои маленькие...» [Там же. С. 125]. Свиной видится Мите Карамазову и Ракитин: «Не пьянствую я, а лишь “лакомствую”, как говорит твой свинья Ракитин, который будет статским советником и всё будет говорить “лакомствую”» [Там же. С. 96].

«Братья Карамазовы» — это один из романов Достоевского о случайном семействе, признаками которого является внутренний разлад между членами семьи, разрушение старых нравственных норм, отсутствие духовных связей, цинизм и распушенность. В черновиках к роману старец Зосима говорит, «что Бог дал родных, чтоб учиться на них любви» [XV. С. 205]. По мнению Достоевского, многие семьи современной ему России изменились: «Да и никогда семейство русское не было более расшатано, разложено, более нерассортировано и неоформлено, как теперь (...)». Современное русское семейство становится все более случайным семейством. Именно случайное семейство — вот определение современной русской семьи. (...) Спросят: что такое эта случайность и что я под этим словом подразумеваю? Отвечаю: случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь» [XXV. С. 173, 178–179]. Как верно отмечает Т.В. Глазкова, «семья представлялась Достоевскому как неотъемлемая часть гармонии, которая несет собою красоту в мир» [16]. И если предположить, что свиноподобные семьи, такие как Карамазовы, преобладают в современном Достоевскому обществе, то эмблематичны слова Мити: «А Россия свинство. Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию... то есть не Россию, а все эти пороки... а пожалуй что и Россию. Tout cela c'est de la cochonnerie» [XIV. С. 122].

Более того, превращение человека в свинью — явление глобальное, охватившее не только Россию, но и весь мир, поэтому не случайно в черновиках Достоевского, в главе «Исповедь старца», возникает пословица «Посади свинью за стол, она и ноги на стол», которая является ответом на вопрос старца самому себе: «Что в мире?» [XV. С. 247].

Как видим, Скотопригоньевск — это пространство, где собираются скотоподобные существа. Как указывает Н.А. Азаренко, «топоним Скотопригоньевск, безусловно, метафора эксплицитная: значение слова диктуется его внутренней формой, причем первый корень следует расшифровывать только в контексте языковой картины мира писателя, где скот отнюдь не сельскохозяйственные млекопитающие животные, и не тот, кого заставляю тяжело трудиться, и даже не грубый, подлый человек. В языке Достоевского скот — это прежде всего зверь, а зверь у Достоевского, в соответствии с текстами Священного Писания, — одно из имен дьявола» [17]. Достоевский постепенно, применив прием градации в использовании зооморфной символики, погружает читателя в мир бесчеловечных отношений и наконец озвучивает название города: «Из Скотопригоньевска (увы, так называется наш городок, я долго скрывал его имя), к процессу Карамазова» [XV. С. 15]. Немаловажной деталью является название газеты, где помещено сообщение якобы о деле Мити, — «Слухи» [Там же]. Во времена Достоевского новости в виде слухов распространялись не только в провинциальных городах. По мнению Ю.М. Лотмана, при изучении жизни в Петербурге «сразу же бросается в глаза огромная роль слухов, устных рассказов о необычайных происшествиях, специфическом городском фольклоре, играющем исключительную роль в жизни “Северной Пальмиры” с самого момента ее основания» [18]. Н.А. Добролюбовым в реальном Петербурге издавалась газета с таким же названием, как и в вымышленном Скотопригоньевске, — «Слухи». В реально существующем издании отмечалось, что содержание газеты — это «не мертвые числа и буквы, не архивная справка, не надгробная надпись умершему, — нет, это сама жизнь с ее волнениями, страданиями, наслаждениями, разочарованиями, обманами, страстями, — во всей красоте и истине» [19].

Не менее интересным с точки зрения репрезентации хронотопа является топоним *Скворешники*. Если наименование *Скотопригоньевск* можно отнести к зооморфным топонимам, то *Скворешники* — название орнитоморфное, в связи с чем и персонажи романа наделяются Достоевским птичьими чертами. В XIX веке *скворешниками* называли не домики для скворцов (для этого существовали лексемы *скворечня*, *скворечница*), а любителей певчих птиц, скворцов [20. С. 195].

На наш взгляд, *Скворешники* — это топоним, вызывающий в сознании читателя разнообразные ассоциации, что позволяет раздвинуть границы топографического значения данной лексемы.

Во-первых, несомненно важно, что скворец — птица особенная: его песня носит подражательный характер. Скворцы считаются великолепными пересмешниками, а факт обучаемости скворцов человеческой речи, подобно попугаям, был известен Достоевскому: о говорящем скворце упоминается в повести «Ползунков», а также в повести «Село Степанчиково и его обитатели» в печальном ответе Гаврилы: «Учат, батюшка, на старости лет, как скворца» [II. С. 15; V. С. 31]. Возможность обучаемости скворцов подражательной речи закрепились в поговорке «скворечным напевом петь» «подделываться, поддакивать» [20. С. 195]. Легковнушаемы и легкообучаемы обитатели Скворешников: все новомодные столичные веяния перенимаются здесь без выяснения их истинного смысла.

Во-вторых, как известно, скворцы любят жить высоко, для чего выбирают в качестве гнезда дупло большого дерева. Таким образом, Скворешники должны восприниматься читателем как бесовское гнездо. В подтверждение этого лексема *гнездо* употребляется в романе «Бесы» неоднократно: например о Шатове говорится, что он «с год тому назад вернулся к нам в родное гнездо и поселился со старухой теткой, которую и схоронил через месяц» [X. С. 27], о «наших» Петр Верховенский сообщает Ставрогину: «Они так и ждут, разиня рты, как галчаты в гнезде, какого мы им привезли гостинцу?» [Там же. С. 177], и далее: «Если хотите какого-нибудь результата — не шевелите их еще шесть дней, и я вам их в один узел свяжу; а пошевелите раньше — гнездо разлетится...» [Там же. С. 277]. Птенцами в романе называются и Николай Ставрогин («хорошо было, что птенца и наставника, хоть и поздно, а развели в разные стороны»), и Петр Верховенский («Птенца еще с самого начала переслали в Россию, где он и воспитывался все время на руках каких-то отдаленных теток, где-то в глуши») [Там же. С. 35, 11]. С образами обоих «птенцов» вводится в текст романа мотив подмены — место родного сына, отправленного к тетке, занимает воспитанник.

В-третьих, нужно помнить, что скворцы — птицы перелетные, а птенцам из Скворешников также не сидится на одном месте — они всегда в полете: летает Липутин: «ввернул вдруг Липутин, совсем уже выходя из комнаты и, так сказать, налету» [Там же. С. 78]; летает Лиза Тушина-Дроздова: «о, как мила она, Елизавета Тушина, когда с родственником на дамском седле летает» [Там же. С. 106], «на лету повернулась Лиза» [Там же. С. 124], «Лиза летела как птица, не зная куда» [Там же. С. 410]; летает, правда, спотыкаясь капитан Лебядкин: «он было разлетелся в гостиную, но вдруг споткнулся в дверях о ковер» [Там же. С. 137]; летает, но неудачно его сестра: «должно быть, она неосторожно как-нибудь повернулась и ступила на свою больную, короткую ногу, — словом, она упала всем боком на кресло и, не будь этих кресел, полетела бы на пол» [Там же. С. 147]; летает Шатов: «и сломя голову полетел вниз по своей крутой лестнице отворять калитку» [Там же. С. 432–433]; летает Лембке: «он прилетел на тройке во

весь опор и еще с дрожek будто бы начал драться. Он у нас действительно летал и любил летать в своих дрожках с желтым задком [Там же. С. 336]; летает Николай Всеволодович Ставрогин: «Его все знали как человека даже тихого, но он вдруг как бы срывался и куда-то летел, если что-нибудь известным образом поражало его» [Там же. С. 413]; конечно же, летает Петр Степанович Верховенский: «и вдруг влетел в гостиную — совсем не Николай Всеволодович, а совершенно не знакомый никому молодой человек» [Там же. С. 143], «я летел заявить тебе» [Там же. С. 161], «через две минуты уже летел по дороге вслед за ушедшими» [Там же. С. 319].

В-четвертых, немаловажным для понимания топонима *Скворешники* является тот факт, что скворцы прилетают многочисленными стаями, что нашло отражение в русской загадке: «Двенадцать орлов, пятьдесят две галки, 365 скворцов — одно яйцо снесли» [21]. Несомненно, что одновременный прилет множества птиц сопровождается гвалтом. Интересно, что существительное *скворец* звукоподражательное, «поскольку крик *скворца* передается как *skvāg*»: «праслав. *skvorġьь связано чередованием гласных со *skvġr- в блг. *скверцїся*, *скверуся* “пронзительно кричать”, *скверет* “крик”, укр. *скверещати* “пронзительно кричать”, *сквересть* “птичий крик”» [22]. Вот почему пространство романа «Бесы» — это пространство без тишины: «шум поднялся ужаснейший», когда Ставрогин протянул за нос Гаганова [X. С. 38], «поднялся шум» при появлении Петра Степановича Верховенского в гостиной Варвары Петровны [Там же. С. 163], даже в природе постоянный шум: «ветер шумел и качал вершинами полуобнаженных деревьев» [Там же. С. 183], «деревья густо и перекатно шумели вершинами и скрипели на корнях своих» [Там же. С. 223].

Можно предположить, что Достоевскому было известно, что лексема *скворец* родственна существительному *шквара* (производное от глагола *шкварить*), переносное значение которого — «народ выжига, шваль, сволочь негодяев» и глаголу *шквериться* пск. «тайком, тихонько шалить» [20. С. 637].

Знаменательно, что емкий топоним поддерживается и на антропонимическом уровне: в романе «Бесы» немало персонажей с «птичьими» фамилиями — *Лебядкин*, *Дроздов*, *Гаганов*. Герои, получившие подобные фамилии, наделяются признаками в соответствии с той семантикой, которую несет апеллятив, ставший производящей основой для антропонима: например, у Марьи Тимофеевны Лебядкиной «длинная и сухая шея» [X. С. 215]. Указанная деталь способствует формированию у читателя образа белой лебедушки — невесты из русских сказок [23].

В связи с птичьей символикой интересно обратиться к художественному времени в романе «Бесы»: оно намеренно искажено — скворцы прилетают в свои домики весной, а герои романа слетаются в Скворешники осенью. Неверный ход событий отражает неестественность происходящего в романе. Как видим, топоним *Скворешники*, удачно выбранный

Достоевским для имени Ставрогиных, становится обозначением хронотопа — это внеземное и вневременное пространство, где царит постоянный шум, возникающий от перемещения «летающих» героев. Это пространство бесов — внеземных существ, способных перевоплощаться и в зверей, и в птиц.

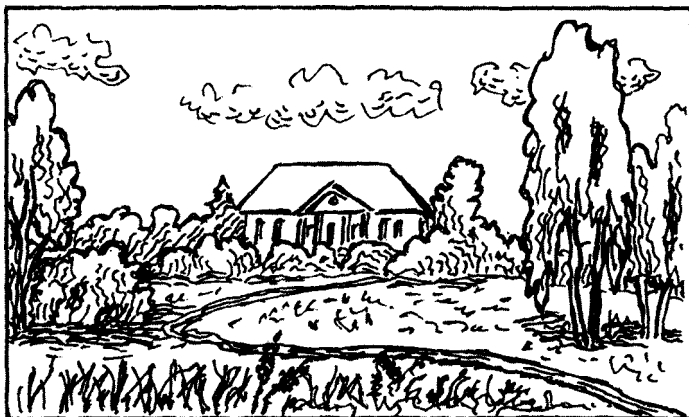
Подводя итоги, следует сказать, что в творчестве Достоевского топонимы, одновременно реализуя реальное и ассоциативное значения (а чаще — множество ассоциативных значений), являются средством пространственно-временной организации художественного текста. Топонимы *Скотопригоньевск* и *Скворешники* предопределяют и выстраивают в структуре текста взаимосвязанную ономастическую систему, которая усиливает символическое звучание романов.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Далее указ. только тома (римскими цифрами) и стр. (арабскими цифрами).
2. Милуков П.Н. Воспоминания. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 91.
3. Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Киященко Л.П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // Вопросы философии, 2014. № 11. С. 126–137.
4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 11.
5. Лихачев Д.С. Достоевский в поисках реального и достоверного // Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 53–72.
6. Вартанова О.А. Англоязычные топонимы и их стилистический потенциал в поэзии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
7. Альтман М.С. Топонимика Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 51–56.
8. Рейнус Л.М. Три адреса Ф.М. Достоевского. Л., 1985.
9. Смирнов Г.И. Скотопригоньевск и Старая Русса. К 180-летию Ф.М. Достоевского. М., 2001.
10. Рейнус Л.М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971. С. 53–63.
11. Захаров В.Н. Осанна в горниле сомнений // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 18 т. М., 2004. Т. 14. С. 33.
12. Петрова А. Скотопригонный двор // Квартальный надзиратель, 2006. № 40.
13. Лурье Л.Я. Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. СПб., 2012. С. 6.
14. Глезеров С.Е. Исторические районы Петербурга от А до Я. М., 2013. С. 8.
15. Жолковский А.К. О Смердякове (К проблеме «Булгаков и Достоевский») // Лотмановский сборник. М., 1995. Т. 1. С. 570.

16. *Глазкова Т.В.* «Случайное семейство» как отражение состояния русской семьи второй половины XIX века // Социально-психологические проблемы и исследования детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников. Мат-лы II межд. научн.-практ. конф. 20–21 января 2013 г. Прага, 2013. С. 28–41.
17. *Азаренко Н.А.* Особенности метафоризации художественного пространства в романах Ф.М. Достоевского // Социально-экономические явления и процессы, 2012. № 5–6 (039–040). С. 188.
18. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 326.
19. *Добролюбов Н.А.* Собр. соч. В 9 т. М.–Л., 1961–1964. Т. 1. С. 109.
20. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1995. Т. IV.
21. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 530.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб., 1996. Т. III. С. 637.
23. *Скуридина С.А.* Отражение свадебной обрядности в некоторых антропонимах у Ф.М. Достоевского // Болгарская русистика, 2016. № 2. С. 61–70.

Воронежский государственный технический университет

Рублевка в русской лингвокультуре

© И. В. КРЮКОВА,

доктор филологических наук

В статье рассматривается семантическая эволюция топонима Рублевка. На основе анализа употребления данного топонима в современных российских СМИ и интернет-коммуникации выявляются его переносные значения и делается вывод о способности широко известного географического названия выполнять социально-разграничительную функцию.

Ключевые слова: топоним, языковое сознание, социальная оценка, социально-разграничительная функция, переносное значение.

DOI: 10.7868/S0131611718030140

The present article observes the semantic evolution of the toponym Rublyovka. Figurative meanings of this toponym have been identified on the basis of the analysis of its usage in Russian media and Internet communication acts, which enables us to draw a conclusion that a commonly known geographical name may perform the function of social separation.

Keywords: toponym, linguistic consciousness, social evaluation, function of social separation, figurative meaning.

Имена географических объектов (топонимы) проживают несколько этапов, и на каждом этапе у топонима своя семантика и свои функции. В связи с известностью именуемого объекта на определенном этапе своего

существования топоним развивает дополнительные оценочные значения. Одна из экстралингвистических причин появления данных значений — формирование новых явлений в образе жизни на определенной территории. Такие топонимы могут обозначать не только место, отмеченное на географической карте, но и место человека по отношению к другим членам общества, т.е. выполнять социально-разграничительную функцию.

Проиллюстрируем социально-разграничительные возможности географических названий на примере активно функционирующего в современном русском языке топонима *Рублевка*, который за последние три десятилетия приобрел целый комплекс переносных оценочных значений.

На карте России и Украины зафиксировано несколько населенных пунктов с названиями, образованными от основы *-рублев-* (сёла *Рублево* есть в Архангельской, Ленинградской, Псковской, Амурской областях; сёла с названием «Рублевка» в Башкортостане и Черкасской области Украины; украинские сёла «Малая Рублевка» и «Великая Рублевка» в Полтавской области). Согласно наиболее распространенной версии, такие названия в глубокой древности давались «поселениям крестьян, вырубивших себе в густом лесном массиве участки для пашни, сенокоса, для домов и проезжей дороги» [2]. Однако топоним «Рублевка» в своем прямом значении (указание на единичный географический объект) ассоциируется в коллективном языковом сознании носителей русского языка только с одним вполне определенным местом — подмосковным поселком, ныне входящим в Западный административный округ Москвы.

До 1930-х годов это было неофициальное название московского предместья, дачного места на Рублево-Успенском шоссе. Топоним имел локальную известность и входил в тематический ряд «загородное жилье», «дача», «лесные массивы», «чистый воздух», «туристические походы», «рыбалка». В 1930-е годы здесь появились государственные дачи высших чиновников и представителей советской культурной элиты, пансионаты для их отдыха (например, «Барвиха»), а в начале 1950-х годов специальным правительственным постановлением на Рублевке запретили давать землю случайным гражданам и признали близлежащую местность заповедной. С того времени, еще оставаясь в рамках обозначенного тематического ряда, топоним *Рублевка* постепенно начал развивать дополнительные оценочные значения, употребляться за пределами региона, ассоциироваться с закрытым загородным местом, в котором живут люди, добившиеся больших успехов на государственном уровне. «В тесном двухполосном асфальтовом клубе под названием Рублевка в дикие времена тоталитаризма можно было отличиться разве что занимаемой в государстве должностью» (Столица 13. 05. 1997).

В постсоветское время земля на Рублевке была быстро раскуплена представителями новой элиты — звездами шоу-бизнеса, политиками, олигархами и т.п. Коллективное языковое сознание чутко реагирует на

происходящие изменения, это находит отражение в средствах массовой информации: «Рублевка — это отдельный мир, город в городе, государство в государстве» (Комсомольская правда. 28.08.2009). «В сознании рядовых граждан Рублевка — особый мир “богатых, знаменитых”, а также примкнувших к ним госчиновников» (Известия. 22.04.2012). «Рублевка — это не географическое понятие. Это матрица» (Комсомольская правда. 02.08.2013). «В сознании простых граждан со средним достатком Рублевка уже давно стала именем нарицательным — другой мир, где счастливо живут российские бизнесмены и чиновники» (РБК Дейли. 14.10.2013).

Так в начале нынешнего столетия топоним «Рублевка», часто упоминающийся в прессе, на телевидении и в художественной литературе, окончательно покидает прежний тематический ряд и семантически сближается со словами «богатство», «роскошь», «власть», «престиж», «успех», «элитарность», «обособленность». При этом у топонима развиваются признаки прецедентного имени, т.е. способность использоваться не только для номинации единичного географического объекта, но и для образной характеристики жизненного уклада современной российской элиты. Как известно, «при переходе имени в разряд прецедентных происходит генерализация характеристик того «культурного предмета», на который оно указывает; последний начинает восприниматься как типичный, выступает как эталон, образец свойств, присущих целой группе объектов, но не теряет при этом своей индивидуальности» [3, с. 77].

Следствие таких кардинальных семантических преобразований — использование данного топонима в составе ярких образных средств метафорической группы. Причем наблюдается практически одновременное развитие сразу нескольких переносных значений. Рассмотрим их в порядке частотной представленности в российских средствах массовой информации.

Прежде всего следует отметить, что топоним Рублевка часто употребляется для характеристики других единичных географических объектов, находящихся довольно далеко от Москвы, в значении «дорогой престижный загородный поселок, в котором обособленно живет местная элита». При этом он сочетается с определителями «своя», «наша», «местная», «вторая», а также с оттопонимическими прилагательными «курганская», «луганская», «ростовская», «заполяная», «уральская» и др. Например: «Цена не смутила покупателей, решивших поселиться в одном из самых дорогих пригородов Ростова-на-Дону — станице Старочеркасской, известной также под названием “ростовская Рублевка”» (РБК Daily. 2009. 02. 05). Практически своя Рублевка есть в каждом регионе России. Это не только неофициальное название дорогих пригородных поселков, но и, по данным Р.В. Разумова, бытующее в речи горожан ироничное название внутригородских территорий, застроенных элитным жильем [4].

Номинация конкретного места зачастую сочетается с характеристикой местной элиты провинциального российского города: «Это – местная Рублевка, которую здесь, как и в большинстве провинциальных городов, называют “Долина нищих” или “Поле чудес”». Здесь живут губернатор, депутаты, крупные предприниматели – домашний союз чиновничества и купечества (Русский репортер. 12–19. 11. 2009). В данном случае очевидна негативная оценка места, в котором ощущается социальное неравенство, обособленность местной элиты.

Кроме того, топоним Рублевка употребляется в метафорическом значении «дорогой земельный участок»: «Самая дорогая земля – это Южный берег Крыма. Цены запредельные, практически Рублевка» (РБК Дейли. 31.03.2014). Используется этот топоним и для характеристики жилья, при строительстве которого применялись прогрессивные современные технологии: «В Полярных Звездах появилась местная “рублевка”. (...) К новинкам современной застройки относятся двухуровневые квартиры, а также возможность расширить их путем присоединения соседней квартиры по желанию покупателя» (Полярные зори. 01.11.2006).

Последний пример демонстрирует возможность позитивной социальной оценки Рублевки как места, комфортного для жизни, привлекательного для многих покупателей жилья и потребителей дорогостоящих услуг. Не случайно во многих городах России появляются объекты с официально зарегистрированным названием «Рублевка». Так называется, к примеру, база отдыха в Волгоградской области, центр отдыха в Йошкар-Оле, кафе и автосервис в Ульяновске и даже клининговая компания в Тюмени.

Весьма характерны, с точки зрения социально-разграничительной функции, ироническое переосмысление топонима Рублевка, использование его для характеристики места с противоположными свойствами – низкий социальный статус обитателей, торговля дешевыми товарами: «Перед павильоном Винзавода VIP-гостей встречала вывеска “Рублевка-эконом”, под которой гуляли гадалки-вымогательницы, торговли семечками и шашлыками» (Труд-7. 01. 04. 2009).

Следует отметить, что наличие социально-разграничительной функции у известных в масштабах страны топонимов подтверждается не только расширением семантического объема названия. Лексико-грамматическими маркерами данной функции служат деривационная активность и расширение синтагматических связей имени. Так, у оттопонимического прилагательного «рублевский» информативный компонент значения «относящийся к определенному месту» отступает на задний план, более значимыми оказываются коннотативные компоненты престижности, элитарности. Не утрачивая своей относительности (например, в словосочетании «рублевский особняк», «рублевские жители»), в ряде случаев данное прилагательное приобретает качественность («рублевские нравы», «рублевский образ жизни»). Аналогичные значения встречаем и у качественного

наречия «по-рублевски» («одеваться по-рублевски», «развод по-рублевски»). Многие авторы публицистических и художественных произведений используют рекламную привлекательность прилагательного «рублевский» и наречия «по-рублевски» в заголовках популярных книг, пропагандирующих рублевский образ жизни: «Рублевская кухня», «Красота по-рублевски», «Косметология по-рублевски», «Интерьер по-рублевски» и т.п.

Однако, как это часто бывает в рекламном дискурсе, происходит оживление внутренней формы имени, совершенно не значимой при обычном употреблении топонима в функции локализации. Показательна реакция на приведенные выше заголовки книг: «Авторы бесстыдно оперируют броским словом Рублевка... Их задача – просто собрать со слова Рублевка урожай своих рублей...» (Комсомольская правда. 29. 09. 2007).

Одной из особенностей употребления топонима «Рублевка» в социально-разграничительной функции стало его контекстуальное сближение с другими топонимами, как близкими по социальной оценочности, так и противоположными. Многочисленные примеры такого употребления в интернет-коммуникации последних десяти лет – на форумах, в блогах, живом журнале (ЖЖ). Так, примером употребления названий, близких по социальной оценочности, может служить использование в минимальном контексте топонимов «Рублевка» и «Санта-Барбара» в «Рублевка наша еще далека до Санта-Барбары. Не по ценам, конечно, а по менталитету» (ЖЖ).

Если в данном случае мы наблюдаем понижение социальной оценки у топонима Рублевка, то в минимальных контекстах с топонимом «Урюпинск», входящим в тематический ряд «отдаленное от центра место», «захолустье», «низкий уровень жизни», «наивность», «отсталость», очевидно ее повышение. Вполне закономерен вопрос, предложенный для обсуждения на сайте официального интернет-сообщества «Мой мир» в рубрике «Ответы@mail.ru»: «Почему скромный участок на Рублевке престижнее роскошной дачи под Урюпинском?» В результате сближения двух топонимов формируется контекстуальная антонимия, не свойственная именам собственным в их обычном употреблении. Например, они могут служить целям эмоционального и выразительного сопоставления отдельных понятий в составе антитезы: «Он один сидел дома, только не в Урюпинске, а на Рублевке, попивал что-то очень дорогое и прекрасно себя чувствовал (ЖЖ). «Сделал навесные потолки, купил новую мебель, но квартира осталась квартирой, причем в Урюпинске, а не особняком на Рублевке» (блог). Или использоваться в качестве членов сравнения: «Это как Рублевка и Урюпинск – разные вещи и судить обо всей России по Рублевке смешно» (форум).

Употребление этих топонимов в одном минимальном контексте не случайно: несмотря на противоположную социальную оценочность в их коннотативном значении, они прошли похожий путь семантического

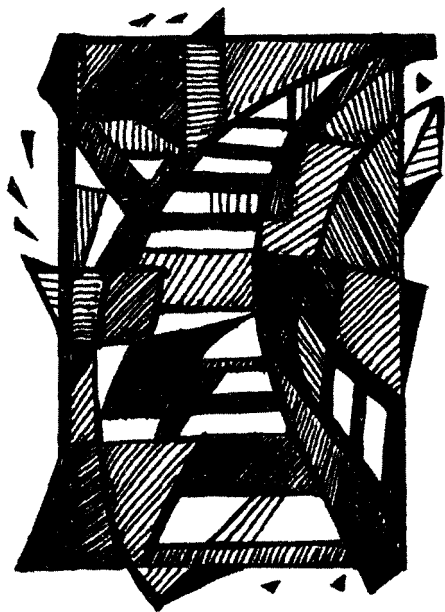
развития от простой номинации до ярко выраженной социальной символизации.

Одним из возможных направлений дальнейшего изучения топонимов в социально-разграничительной функции считаем их лексикографическое описание в рамках словаря коннотативных собственных имен постсоветского периода, работа над которым ведется нами в настоящее время.

Литература

1. *Крюкова И.В.* Концептуализация топонима в русском языковом сознании // Грани познания, 2010. № 5 (10). С. 24.
2. *Суворов К.И.* Рублево: Краткий исторический очерк. М., 1979.
3. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
4. *Разумов Р.В.* Коннотативная микроурбанонимия российских городов // InNōminumSpatio: Материалы I Междунар. ономастических чтений им. Е.С. Отина. Донецк, 2016. С. 94–102.

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

Столетие
революции
или
переворота?

© И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ,
доктор филологических наук

В статье обсуждается вопрос о том, что у многих слов план содержания состоит из «объективной» части, отражающей стоящую за словом действительность, и части «субъективной», выражающей отношение автора к этой действительности, нравится ли она ему или не нравится. В русской коммуникативной традиции это различие, равно как и точное осмысление характеристик стоящей за словом действительности, не всегда занимает достойное место.

Ключевые слова: значение слова, компонентный анализ, оценка, действительность, смысл.

DOI: 10.7868/S0131611718030152

Dealing with the meaning of words *революция* и *переворот* in Russian discourse which are so popular because of century of October events in Russia the author rises some important linguistic questions.

Content of words can have objective part (What is the matter) and subjunctive one («good or bad» and different connotations). All these parts should be shown as a bundle of distinctive features, having in mind changeability of these features, particularly subjunctive ones. The author thinks that Russian communicative tradition is much more careful to formal demands, than to semantic accuracy.

Keywords: Russian discourse, reality, semantics, component analysis, estimation, connotation.

1

Отмечая столетие тех событий, которые происходили в России в 1917 году, современный дискурс, причем не только политический, использует для их обозначения слова *революция* и *переворот*. Нетрудно видеть, что слово *переворот* как обозначение соответствующих событий, представляет собой отрицательную оценку этих событий. Слово *революция* по отношению к этим событиям в современном дискурсе обладает еще некоторым пафосным положительным компонентом, который в нем присутствовал в русском языке XX веке, хотя и в меньшей степени.

Помня, что историю всегда пишут победители, обратимся к стихам С.Я. Маршака: «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». *Мятежом*, как известно из истории КПСС, именовали *кронштадтский мятеж* по отношению к событиям на Балтике 1921 года, заставившим власть изменить экономическую политику, или *чехословацкий мятеж* по отношению к выступлениям чехов и словаков, оказавшимся в русском плену и отправленных на родину через Дальний Восток в 1918 году. Зато выступления против царской власти принято было называть *восстаниями*: *под водительством Емельяна Пугачева* (ср. у А.С. Пушкина *бунт*), *московское 1905 года, декабристов*, на броненосце «*Потемкин*» ... Иными словами, *восстание, революция* это «хорошо», а *переворот, мятеж, бунт* — это «плохо». Наивно (или небескорыстно?) забывая, что любая *оценка* вещь субъективная, коммуниканты часто не учитывают, что обычно в слове содержится еще и некоторая сущностная сторона, и именно она получает соответствующую оценку, добавляя таким образом к сути дела авторское «и это мне нравится» или «и это мне не нравится». Слов, представляющих собой только оценку, очень мало: *хорошо/плохо* с разнообразными модификациями по шкале, чаще в сторону увеличения: *отлично, замечательно, превосходно, чудесно, великолепно, блестяще* и т.п. vs *отвратительно, гнусно, мерзко, гадко* и т.п. Их употребление, как

правило, не сопровождается указанием на источник (обладатель) соответствующего мнения и тем самым более невнятно, чем *Мне (sic!) нравится (не нравится)*. Обычно же оценка представлена «в одном флаконе» с обозначением некоей сущности: «стремящийся избегать неприятностей» — *осторожный* (и это, видимо, «хорошо») и *трусливый* (и это, конечно же, «плохо»); «легко отдающий то, что имеет» — *щедрый* (и это «хорошо») и *расточительный, мот, разбазаривает* (и во всех этих словах разных частей речи представлено еще и «это плохо»); «человек, занимающийся выведыванием чужих секретов» — *разведчик* (и это «хорошо», поскольку он действует против наших врагов) и *шпион* (и это «плохо», поскольку он действует в интересах наших врагов (Модное сейчас словосочетание *иностранный агент* предполагает не исключительно выведывание секретов, но любые действия в иностранных интересах); «неизменное состояние» — *стабильность* (и это «хорошо») и *застой* (и это «плохо») и т.д. и т.п.

В дискурсе советского времени слова *революция* (и *восстание*) обрастали разнообразными «положительными» контекстами от названий улиц и площадей до популярных шлягеров и кинобоевиков. А между тем у слова *революция* есть не только меняющийся оценочный и ассоциативный компоненты, но и некоторое сущностное содержание, суть которого сводится к «коренному изменению сложившегося порядка вещей». Это «коренное изменение», что крайне важно, не выступает в слове *революция* как изолированный феномен, но относится ко **всему**, растущему из такого «корня». Напомню слова А.С. Грибоедова о восстании (sic!) декабристов: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». При этом такое коренное изменение может относиться не только к социальному устройству общества, т.е. к тому базису, на котором стоит общество, но и к самым различным сторонам жизни этого общества. Например, *сексуальная революция* как коренное изменение представления об отношениях полов и все вытекающие отсюда следствия, *зеленая революция* как коренное изменение способов получения самых разнообразных продуктов питания, *революция в быту* как коренное изменение домашней работы, связанное с внедрением бытовой техники, химии, способов приготовления пищи и т.п., *революция в науке*, связанная с коренным изменением представлений об объекте науки (коперниковская — в астрономии, эйнштейновская — в физике, открытия в области генетики — в биологии и т.п.), а также о месте, задачах и методах такой науки.

При этом *революция* обозначает изменения не только коренные и последовательные, но и неконтролируемые, осуществляемые как бы сами по себе, похожие на камень, катящийся с горы, на явление природы (гроза, ураган, метель и т.п.), на действия толпы (паника, утрата чувства опасности и ответственности и т.п.). Даже для революций в сельском хозяйстве, науке или быту не требуется ни «исторических решений» директивных

органов, ни административного ресурса, они действуют самостоятельно и неумолимо.

Итак, *революция* это «изменение 1) коренное, 2) всеобъемлющее и 3) неконтролируемое».

Параметр «контролируемость» — «неконтролируемость» широко представлен в русском языке: *намеренно, специально, нарочно — случайно, лег — упал, сказал — проговорился, вылечить — выздороветь, самоубийство, убийство — несчастный случай* и т.д. В то же время во многих контекстах невозможно определить, было ли некоторое действие целенаправленным или случайным: *Я встретил ее на вокзале, Гусар загремел шпорами* и, например, у А.С. Грибоедова *«Шел в комнату, попал в другую. — Попал или хотел попасть?»* Противопоставленным *революции* по параметру «контролируемость» выступает слово *реформа/реформы*. Однако последнее в дискурсе конца прошлого — начале нынешнего века потеряло значение «коренное», обозначая всякие, любые изменения обычно в какой-нибудь достаточно узкой сфере, хотя на фоне *реформа в образовании (ЖКХ, атомной промышленности* и т.п.) существуют и *экономические реформы, реформы в управлении*. Подобное же «повышение в ранге» без достаточных на то оснований мы часто встречаем в оценке тех или иных деятелей, групп лиц, созданных ими объектов: *гениальный ученый, эпохальные достижения, величайшие произведения* и т.д. и т.п.

Очевидно, что события столетней давности в России оказались возможными именно потому, что тогдашняя власть своевременно не провела (не смогла, не захотела?) необходимые реформы, потеряла рычаги управления и в конце концов бесславно погибла, за что потребовалось заплатить колоссальными человеческими жертвами, причем результаты оказались вовсе не оптимальными.

В то же время и слово *переворот* по отношению к событиям 1917 года в России никак не адекватно этим событиям потому, что оно обозначает отнюдь не «коренные всеобъемлющие изменения», а лишь верхушечную смену власти. Такую смену, которая приводит одних людей вместо других. А это может быть и началом *реформ*, и возможностью *революции*. Вспомним хотя бы изменения в структуре и персональном составе власти в период февраля — октября 1917 года да и позже. Близким по значению к *переворот* выступают слова *путч* и *заговор*, в последнем акцентируются компоненты «тайно» и «с участием отдельных представителей самой власти».

Впрочем, *переворот* и *заговор* еще и акцентируют нелегитимность совершающихся изменений, что в силу принципиальной «неконтролируемости» *революции* к последней вообще не имеет отношения. Как кажется, противопоставление слов *революция* и *переворот* состоит в том, что у последнего ослаблен компонент «коренной» и отсутствует компонент «всеобъемлющий» при сохранении базовой с *революция* общности

«изменение». Именно такая трактовка делает осмысленными и словосочетания *переворот в быту, переворот в науке*, где «коренной характер изменений», если и сохраняется, то вопрос о последствиях и глубине таких изменений не ставится вообще (см. выше) (Обсуждение сомнительности *сексуальный переворот или *зеленый переворот лишь переводит в другую плоскость вопрос о несоответствии между сочетаемостью смыслов и сочетаемостью слов).

Столетие, прошедшее после 1917 года, убеждает говорящих по-русски, по крайней мере, в двух вещах. Во-первых, называть события столетней давности *переворотом* совершенно невозможно потому, что изменения, которые последовали, были не только коренными, но и всеобъемлющими, а сам процесс был явно неподконтрольным. Слово *переворот*, обозначающее коренное изменение, не указывает на его всеобъемлющий и неконтролируемый характер, хотя и подчеркивает нелегитимность произошедшего. Во-вторых, слово *революция*, точно отражая суть дела, абсолютно несправедливо и неразумно получило в русском языке XX века положительную пафосную окраску. Называемые таким словом события следует оценивать нейтрально, понимая, что в них присутствуют как положительные, так и отрицательные моменты, а постановка вопроса об их возможном балансе уже снимает сам вопрос о безоговорочной положительной оценке. Тем более пафосной. Добавлю, что революция и даже подготовка к ней — свидетельство «плохой» власти, ее неспособности разумно ответить на те процессы, которые происходят в обществе, неумение найти другие, более эффективные и менее разрушительные и кровавые ответы на возникающие вопросы.

2

Осмелюсь предположить, что обсуждавшиеся выше вопросы именования существенны не только для событий столетней давности. В предложенном обсуждении просвечивают общие и важные вопросы состояния русского дискурса XXI века. Назову эти вопросы.

1. Оценка как проявление субъективности.

Очевидно, что слова могут называть самые разные сущности, как объективно «хорошие» (*здоровье, богатство*, например), так и «плохие» (*болезнь, бедность*). Многие именованья бесстрастны (*дерево, зеленый, спать* и мн. др.). Но однако есть и такие, которые сообщают не только о «положении дел», но и вносят в эту информацию собственную субъективную оценку, положительную или отрицательную (см. выше). К сожалению, оценочный аспект, присутствующий в значении многих слов, не воспринимается именно как таковой многими говорящими по-русски. Этот аспект, будучи не всегда внятно мотивированным, способен затемнять в сознании читателя, слушателя / пишущего,

говорящего самое суть дела. Отмечу, что в последние десятилетия оценочный компонент во многих важных словах изменился. Так, например, утратилась отрицательная оценка называемого в словах *бизнесмен* и *карьера*, появилась положительная в словах *волонтер* и *благотворительность*. Однако принципиальное различие между сущностью называемого и оценочной позицией участника коммуникации не стало незыблемым условием речевого общения. Этим совсем не занимаются в школьном преподавании, очень мало говорят в разнообразных научно-популярных выступлениях о русском языке.

2. *Умение разложить содержательную сторону слов на составляющие ее элементы.*

Существование объективных и субъективных аспектов в содержательной стороне слова лишь подчеркивает относительную простоту оценочного компонента («хорошо» — «плохо») и исключительно сложную и разнообразную по составу элементов структуру объективного компонента. Определения, составляющие правую часть статей в толковых словарях русского языка, далеко не всегда объясняют заглавное слово словарной статьи через более простое, но предлагают в качестве объяснения либо еще более сложное, либо столь же сложное, выступающее как синонимический ряд. В школе не объясняют, что слова *сын* и *дочь* различаются по признаку «пол» точно таким же образом, как *студент* и *студентка*, *англичанин* — *англичанка*, *москвич* — *москвичка*. И отличаются от противопоставления *учитель* — *учительница*, *поэт* — *поэтесса*, *кондуктор* — *кондукторша*, где вторые члены пар обозначают лиц женского пола (как *дочь*), а первые — ничего не сообщают о поле лица (в отличие от *сын*!). Не объясняют также, что *летать* отличается от *лететь* по параметру «направление»: «в определенную сторону» в последнем случае и «в самых разных направлениях» — в первом. А *летать* отличается от *плавать* по параметру «среда перемещения» («воздух» vs «жидкость»), а по параметру «направление» они ничем не отличаются и т.д. и т.п. И те, кто работает со словом (профессионально, как журналисты и писатели, и непрофессионально), при выборе того или иного слова апеллируют не к строгим процедурам, а полагаются на собственный вкус. Иначе, не разлагают план содержания слова на различные аспекты, не представляют каждый из них в форме набора организованных простых элементов, а следовательно, не могут точно определить, на какой же именно элемент (элементы) отличаются друг от друга возникающие в сознании слова. Не затрудняют себя подобным «разложением на части» и читатели/слушатели.

3. *Умение соотносить слово с обозначаемой им реальностью.*

Совершенно очевидно, что событие, определившее вектор (sic!) существования и развития общества на семь десятилетий, не может называться *переворотом*. *Переворотом* можно назвать убийство Павла I или отстранение от власти Н.С. Хрущева, события, разумеется, не оставшиеся без

последствий, но не обозначавшие коренных, всеобъемлющих изменений в жизни страны.

Точно так же нельзя совмещать с пафосным восторгом обозначение событий, приведших к страданиям и гибели миллионов людей в результате голода, болезней и тем более братоубийства. Еще труднее разделить такой восторг, объективно оценивая все последствия, вызванные движением в избранном направлении. Так что 1917 год в России — это *революция*, однако без всякой положительной оценки, как всякое неконтролируемое событие, изначально вызванное действиями одних сознательными или случайными, и/или бездействием других, как *пожар (поджог?)*, *несчастный случай (убийство?)*, *обрушение (разрушение?)*.

В русском языке по отношению к *революция* (без оценки!) нет слов, содержащих какую-либо оценку. Оценка может быть достигнута за счет более или менее удачных оценочных определений: *справедливая, долгожданная, неизбежная vs кровавая, трагическая, безумная*.

3

На нежелание соотнести слова с реальной действительностью указывал в своей лекции «О русском уме», прочитанной 20 мая 1918 года в Петрограде, наш великий соотечественник, Нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов. Он говорил: «Русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует... Русская мысль... нисколько не проверяет смысла слов, не идет за кулисы слова, не любит смотреть на подлинную действительность... Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни» (Цитирую по изданию Иван Павлов «Рефлекс свободы». СПб., 2001. С. 107—125). За прошедшие 100 лет едва ли эти мысли потеряли свою актуальность. Предметом внимания и для специалистов по русскому языку, и для широкой общественности почти исключительно остается формальная сторона языковых знаков. Правила орфографии и пунктуации, место ударения, правила произношения — вот что занимает нас прежде всего. *Барсетка* или *борсетка*, *КислОвский* переулок или *КИсловский*, *прецедент* или *прецендент*? Весь круг таких вопросов вполне правомерен, поскольку разноречивое оформление речи мешает коммуникантам сосредоточиться на главном в любом речевом акте, на **смысле**, а, следовательно, такой разноречивой как возможная помеха должен быть минимизирован. Ради чего? Повторюсь, ради смысла. Но устранение помех для восприятия еще не гарантирует точности самого этого восприятия. Для этого существуют свои принципы (многоаспектность смысловой стороны слова) и методы (разложение разных аспектов этой смысловой стороны на элементарные составляющие).

Кто виноват в том, что болезнь, диагноз которой был поставлен И.П. Павловым 100 лет назад, остается неизлеченной? Власть, заинтересованная

в возможности манипулирования общественным мнением? Общество, не осознавшее важности обсуждаемого вопроса? Затрудняясь исчерпывающе ответить на этот вопрос, утверждаю, однако, что тяжелая ответственность лежит на всем нашем профессиональном сообществе.

Конечно же, вопрос «кто виноват?» ценен лишь в той мере, в какой он приближает нас к ответу на вопрос «что делать?» В качестве небольшого шага к ответу на этот вопрос выступает понимание языка как далеко не идеального средства для обозначения как самой реальной действительности, так и субъективного отношения к ней. В любом языке существуют и дублетные, ничем не различающиеся по смыслу обозначения (*бегемот — гиппопотам*), и лакуны (1 лицо от будущего времени от *победить*). Логически неоправданные словосочетания (*несколько раз крикнул*), и необъяснимые запреты («высокая степень» — *уважение большое* или *глубокое*, но *тьма кромешная* или *египетская*). При этом не подлежит сомнению ни то, что кроме языка у нас нет никакой другой возможности внятно воплотить свою мысль, ни то, что русский язык обладает весьма высокой способностью к такому воплощению. Однако естественное стремление любого разумного человека к тому, «чтобы слово так облекало мысль, будто бы это одно и то же», наталкивается не только на несовершенство нашего владения родным языком, но и на объективные асимметричные отношения между языком и действительностью. Об этом тоже предупреждал И.П. Павлов в том же выступлении: «Мы не знаем действительности... Если я действительности не вижу, как же я могу ей соответствовать?... Нам надо отчетливо сознавать, что мы такое... Если я родился с сердечным пороком и этого не знаю, то я начну вести себя как здоровый человек и это вскоре даст себя знать. Я окончу свою жизнь очень рано и трагически. Если же я буду испытан врачом, который скажет, что вот у вас порок сердца, но если вы будете к этому приспособляться, то вы сможете прожить и до 50 лет. Значит, всегда полезно знать, кто я такой».

МГУ им. М.В. Ломоносова

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 17-04-00053.

Когда родился *профессор кислых щей*

© А. А. ШУНЕЙКО,

доктор филологических наук

В статье рассмотрены значение, употребление и история возникновения выражения *профессор кислых щей*. Оно устойчиво используется в современном русском языке, но датировка его возникновения не прояснена. Сопоставление различных словарных материалов позволяет сделать вывод о том, что активное употребление оно получило только во второй половине XX века. Такая датировка позволяет иначе взглянуть на исходную семантику его компонентов.

Ключевые слова: история слов и выражений, современный русский язык, *профессор кислых щей*, фразеология.

DOI: 10.7868/S0131611718030164

The article discusses the meaning, use and history of the expression «the professor of sour cabbage soup». It is steadily used in the modern Russian language, but the dating of its origin is not clarified. The comparison of various vocabulary materials allows drawing a conclusion that it became actively used only in the second half of the twentieth century. This dating makes it possible to take a different view of the initial semantics of its components.

Keywords: history of words and expressions, modern Russian language, professor of sour cabbage soup, phraseology.

Справедливости ради нужно сразу сказать, что «кислых щей» бывают не только профессора, но и доктора, изобретатели, сочинители: «Ну-ка ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть» (В. Шукшин «Микроскоп», 1969); «Сколько ненужной волокиты вносят в аппарат вот такие изобретатели кислых щей {...}» (В. Дудинцев «Не хлебом единым», 1956); «Пуше прежнего все возненавидели меня; ученики из других классов оставляли меня на улицах, в коридорах и требовали, чтобы я прочитал им

что-нибудь вдруг из своего ума, и, когда я не мог этого сделать, они били меня и говорили: “Эх ты, сочинитель кислых шей!”» (А.И. Левитов «Петербургский случай», 1869) [1].

У всех этих названий общий знаменатель — специалист кислых шей или по кислым шам, тот, кто разбирается только в кислых щах. По выражению К. Пруtkова «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». В данном же случае односторонность усугубляется тем, что сама область специализации является предельно узкой и подчеркнутой бытовой. Так охарактеризовать специалиста — все равно что сказать: он мастер по вбиванию гвоздей в дерево или он виртуоз в обращении с пластиковыми пакетами.

Наиболее часто из числа таких специалистов упоминается профессор. Именно он стал основой комической ситуации в рассказе В. Драгунского «Профессор кислых шей», где отец называет Дениску этим именем, мама успокаивает сына, что оно не обидное, а затем наивный мальчик называет так настоящего профессора, чем вызывает замешательство и неловкость: «А может быть, “кислых шей” — это все-таки обидное, а?» Именно он главный герой популярной песенки Артема Колпакова из мультфильма «Синий трактор»: «Как сказал профессор кислых шей, надо кушать больше овощей».

Имя используется и в сокращенном варианте. Л.К. Чуковская воспроизводит спорное мнение острого на язык Л. Ландау: «“А, кислощецкие профессора!” — говорил он с издевкой. (Все гуманитарии были, на его взгляд, “профессора кислых шей”, то есть “кислощецкие”» (Л.К. Чуковская. «Прочерк», 1980—1994; эта же цитата воспроизводится в Г. Горелик «...никогда не поссорятся» Лев Ландау и Матвей Бронштейн // Знание — сила, 2008). Великий физик не придумывает нового слова, он использует прилагательное, которое существовало ранее в исходном значении: «Тот мужичок хотел тоже наладить тут какое-то заведение, кажется, кислощейное, для продажи на базарах квасу и кислых шей, вместе с ореховой “збоиной” и пареной грушей» (П.Д. Боборыкин «Василий Теркин», 1892).

Последние пятьдесят лет профессор кислых шей постоянно мелькает в публицистике, разговорной речи и художественной литературе. Оно устойчиво используется как прямое обращение к конкретному лицу в различных ситуациях: «Ну-с, профессор кислых шей, что скажешь?» (В. Валеева «Скорая помощь», 2002). Им дразнят: «Улицу Антон любил, но она была к нему сурова: дразнила профессором кислых шей, била» (А. Чудakov «Ложится мгла на старые ступени», 1987—2000 // «Знамя». 2000). Оно используется для подтрунивания над человеком: «Я носила очки в круглой железной оправе, и он называл меня “профессор кислых шей”» (Д. Рубина «На солнечной стороне улицы», 1980—2006). Оно выступает в качестве негативной характеристики: «...сидящий рядом писатель на чистом русском языке заметил: “Профессор кислых шей”» (А. Генис «Довлатов

и окрестности», 1998). Оно обычный способ опосредованной характеристики: «Не вахтер с “Самоточки”, а чистый профессор кислых щей. Все про людей понимает» (В. Драгунский «Он упал на траву», 1961); «Советчиков расплодилось... Тоже выискался профессор кислых щей, — криво усмехнулся кавалерист» (А.И. Алдан-Семенов «Красные и белые», 1966—1973).

Оно всегда оценочно, суммирует внешние особенности человека или его внутренние качества, характер поведения и отношения к окружающим, манеру разговора и одежды. Передает самые разные эмоциональные характеристики. Может выступать как мимолетная отметка и как прочное клеймо.

Одна из основ для иронически-саркастического использования — известно еще с начала XIX века переосмысление слова «профессор». А.С. Пушкин явно иронически характеризует Александра I: «Зато был фрунтовой профессор!» Посмотрим, при чем тут кислые щи, как они добавляют иронии. Отечественная гастрономическая традиция знает два типа кислых щей, очень непохожих друг на друга по функции и характеру изготовления: первое блюдо и напиток.

Кислые щи-1. Жидкое кушанье, сваренное из капусты с различными добавками. «Первое в русском огороде и наиболее других уважаемое растение есть капуста, ибо она составляет основание ежедневной пищи русского народа, щей или штей» (А.Н. Радищев «Описание моего владения»). Такие щи бывают густые, вчерашние, жидкие, зеленые (из листьев шпината, щавеля или молодой крапивы), кислые (из квашеной капусты), крапивные, ленивые (приготовленные быстрым способом), пустые (без мяса и жиров), свежие (из свежей капусты), с грибами, серые (из верхних зеленых листов капусты), с мясом, с наваром (крытые жиром), с рыбой, суточные (кислые, которые сутки держали в русской печи). Такие щи упоминаются во многих пословицах и поговорках: «Лаптем щи хлебать»; «Попасть как кур во щи»; «Постные щи — хоть порты полощи»; «Тех же щей, да пожже влей»; «Щей горшок, да сам большой»; «Щи хоть кнутом хлещи — пузырь не вскочит».

Кислые щи-2. Особым образом приготовленный прохладительный слабоалкогольный шипучий напиток, похожий на квас. Такие щи бывают только кислыми. В старину на Руси напиток был очень популярен, производился в промышленных масштабах, продавался в бутылках до начала XX века. Современному читателю его попробовать не удалось, а вот предшествующие жители России не менее, а то и более 400 лет регулярно и с удовольствием утоляли им жажду. Не удивительно, что за такой внушительный срок употребления напиток прочно вошел в быт, приобрел множество характеристик, закрепленных за ним оценок, и сам стал базой для разнообразных сравнений. Например, с ним часто сравнивали пустых людей с шумным, взрывным, импульсивным характером: «Что за

несносное создание! Вечно закипает и шипит, ни дать ни взять бутылка дрянных кислых щей... Половой на бегу заткнул ее пальцем вместо пробки, в горлышке застрял пухлый изюм — она все брызжет и свистит, а как вылетит из нее вся пена — на дне остается всего несколько капель прескверной жидкости, которая не только не утоляет ничьей жажды, но причиняет одну лишь боль» (И.С. Тургенев «Новь», 1877); «Романист назвал бы ее женщиной, состоящей из одних только нервов, я же нисколько не ошибался, когда называл ее телом, состоящим из равных частей соды и кислоты. Это была бутылка добрых кислых щей в момент откупоривания» (А.П. Чехов «Мои жены», 1885—1886).

Очевидно, что профессор прямо связан с кислыми щами в первом или во втором значении. В оценочном плане между ними много общего. Специалист, который разбирается только в кислых щах. Ирония и даже пренебрежение основаны на очевидном соображении: чтобы разбираться в привычном и очевидном не нужно быть специалистом.

Для выяснения времени возникновения *профессора кислых щей* обратимся к самым авторитетным словарям русского языка второй половины XIX — первой половины XX веков. Это «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и выражений» М.И. Михельсона, «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах (БАС). Все эти словари очень широко и последовательно фиксируют разговорную речь, литературный язык и язык художественной литературы, то есть речевую стихию и норму. Различные по своим задачам и характеру в своей совокупности, они хотя и не безусловный, но очень надежный свидетель реального существования языка.

Если эти словари расположить в последовательности их издания, они охватят ровно сто лет непрерывной отечественной лексикографической традиции: 1863—1866, 1904, 1935—1940, 1950—1965. Ни В.И. Даль, ни М.И. Михельсон, ни Д.Н. Ушаков, ни БАС *профессора кислых щей* не упоминают. Маловероятно, что больше десятка (над словарями Ушакова и БАС работали коллективы) квалифицированных исследователей, составляющих славу отечественной филологии, за сто лет не заметили известное и широко употребляемое теперь выражение. Скорее всего, его тогда просто не было.

Между тем напиток кислые щи были известен на Руси издревле, как минимум с XVI века: «Кислощи (кислошчи), мн. Прохладительный напиток типа кваса. И он де Федот сказал, у меня де браги нет, есть де кислошчи, и он де молвил, дай де кислошчи напиться, и он де ему вынес» [2]. Не один век этот напиток утолял жажду русского человека и дарил ему радость легкого похмелья. Прямой показатель немалой популярности и потребности в напитке то, что его имя менялось, служило базой для

образования новых слов и постоянно упоминалось. Тот же источник указывает, что кроме кислых щей, были еще и другие подобные, сделанные на закваске или на дрожжах напитки кислый квас, кислый мед. Кислошником или кислышником называли человека, который варит и продает напиток: «Кислышнику Якунке Исаеву рубль». Кислошным или кислоштяным именовали то, что относится к кислым щам: «А квас им квасить кислошную гущею».

Отражением популярности и прочной укорененности в русском быту напитка является то, что Словарь Академии Российской содержит подробный рецепт его приготовления: «Берут муки ржаной полтора пуда, солоду ржанова мелкаго полпуда, муки пшеничной четверть пуда, муки грешневой четверть пуда, отрубей пшеничных полчетверика, в все сие затирают на кипятке, чтобы было негусто и не жидко. Потом означенными разборами муки посыпают и дают солодеть часа с два; после того разводят пожиже кипятком и чрез несколько времени наливают капятком же раза по три по ведру и каждой раз разбивают: потом сливают вдруг кипятку ведер с пять и дают преть часов пять. После сего положивши несколько льду, наливают холодной воды, и как устоится, сливают в бочку положа в оную мяты, и наконец заквашивают гущею. Сделать кислые щи. Употреблять в питье кислые щи» [3].

В XVIII веке использование словосочетания не ограничивалось рецептурой напитка. Словарь русского языка XVIII века приводит пример из текста А.П. Сумарокова: «*Прохладительный напиток*. Не пила ни кислых щей ни квасу. Сум. Притчи. 73» [4].

В XIX веке о нем не раз упоминает Пушкин: «А кто виноват, — сказал Гаврила Афанасьевич, напняя кружку кислых щей» («Арап Петра Великого»); «...гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита, а принял за кислые щи» («Рославлев»); «У них орехи подают Да кислы щи в театре пьют» («Черновики»). «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» в 4-х томах (СПб., 1847) помещает толкование дважды: во 2-м томе на странице 173: «напиток прохладительный, род кваса», и в 4-м томе на странице 469: «квас, особенным образом приготовленный, шипучий». Не удивительно, что его можно увидеть почти во всех авторитетных словарях. В.И. Даль его тоже упоминает дважды.

В случае с Пушкиным отчетливо видно противопоставление сфер использования кислых щей. Со второй цитатой Пушкина интересно перекликаются слова Петрова-Водкина, который пишет о самом конце XIX века: «Кто-то вскрыл бутылку кислых щей, хлопнув пробкой. Очень все это мне показалось не театральным» (К.С. Петров-Водкин «Моя повесть». Ч. 2. «Пространство Эвклида», 1932).

Если суммировать упоминания о кислых щах и *профессоре кислых щей*, получается довольно примечательная картина. С одной стороны, самые разные источники, как минимум с XVI века без остановок и перерывов, дополняя друг друга и варьируя толкования, говорят о напитке и кушанные кислые щи. С другой стороны — о *профессоре кислых щей* до середины XX века ни слова.

Молчание словарей о *профессоре кислых щей*, так явно диссонирующее с их же многоголосым хором, на разные лады живописующим сами кислые щи позволяет предположить, что имя возникло или стало активно распространяться ближе к середине XX века. Традиция связывает появление этого имени с напитком, рецепт которого Словарь Академии Российской посчитал нужным поместить на своих страницах. Но тут возникает неувязка. Уже Гиляровский в очерках «Москва и москвичи» посчитал необходимым пояснить, что такое *кислые щи*-2. То есть к середине XX века этот напиток практически перестали массово производить и употреблять. Получается, что выражение появилось тогда, когда сам напиток из активного употребления вышел. Но такое вряд ли возможно.

В конце XX века самые разные словари буквально запестрели упоминаниями о *профессоре кислых щей*, соперничая друг с другом в передаче оттенков значения этого выражения. «присл. Специалист в каком-либо деле» [5]. «Профессор кислых щей (и составитель ваксы) 1) о несведущем человеке; 2) иронично о профессоре» [6]. «В шутку о чьем-либо научном статусе, знаниях, умении, навыках» [7]. «Ирон. Обращение; недоучившийся, глупый человек с претензией на образованность.» [8]. «Ученый, чей вклад в науку не вызывает сомнения в высоком предназначении особой ценности и служит на благо всего прогрессивного человечества в его лице. Профессор кислых щей защитил докторскую диссертацию на тему “Роль Коммунистической партии в победе Александра Невского на Чудском озере”. Кандидат наук Бакланурский создал архинужный труд “Песни и пляски народов Аляски” и стал профессором. Кислых щей» [9]. «Кол-во синонимов 3: болтун, пустомеля, ученый» [10]. «Ирон. О самоуверенном глупце, выскочке» [11].

Логично предположить, что выражение *профессор кислых щей* возникло и стало широко распространяться не ранее середины XX века. Возможно, оно стало косвенным следствием культивируемого властью пренебрежительного отношения к ученому сословию; вспомним в этой связи знаменитого *тупого доцента*. Так или иначе, оно прочно вошло в обиход и пополнило синонимический ряд фразеологизмов, которые обозначают людей недалекого ума, «специалистов наоборот»: изобретатель велосипеда, Америки не откроет, звезд с неба не хватает. Симптоматично, что с течением времени в русском языке этот ряд не сокращается, а увеличивается.

Литература

1. Национальный корпус русского языка. Далее указ. только годы издания.
2. *Словарь русского языка XI – XVII веков*. М., 1980. Вып. 7. С. 138–139.
3. *Словарь Академии Российской*. СПб., 1792. Ч. III. С. 539–540.
4. *Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Ю.С. Сорокин*. Л., 1984–1991. Вып. 1–6.
5. *Белянин В.П., Бутенко И.А. Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий*. М., 1993.
6. *Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений*. М., 1994.
7. *Кузьмич В. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии*. М., 2000.
8. *Елистратов В.С. Словарь русского арго*. М., 2000.
9. *Смирнов В.П. Большой полутолковый словарь одесского языка*. М., 2003.
10. *Тришин В.Н. Словарь синонимов ASIS*. 2013.
11. *Справочник по фразеологии*. 2013. Электронный ресурс без указания авторства.

Комсомольский-на-Амуре государственный университет

Отечественные лингвисты XX века

История отечественного языкознания XX века — одна из самых интересных, сложных и в то же время актуальных тем современной лингвистики, которая характеризует события, дискуссии и персоналии ученых не такого далекого прошлого. Но именно XX век во многом дал импульс формированию новых идей и перспективных направлений, получивших развитие позднее или же законсервированных на некоторое время в ту эпоху в силу идеологических, культурно-исторических и иных проблем. Републикации, архивные документы, мемуары и материалы последних лет (см. [1–8] и др.) дают представление об обстоятельствах развития и эволюции лингвистической мысли, раскрывают творческие замыслы ученых, сообщают о неизвестных фактах из жизни выдающихся языковедов, реабилитируют забытое наследие эпохи XX века в контексте филологической культуры XXI столетия.

В этом отношении книга «Отечественные лингвисты XX века» (М., 2017) удачно вписывается в традицию изучения историко-биографической литературы по языкознанию. Она включила справочно-аналитические статьи об ученых Московской и Петербургской школ, начиная с представителей дореволюционной филологии, работавших и в советское время — Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинского, М.Н. Петерсона, А.М. Пешковского, А.М. Селищева, Д.Н. Ушакова, Л.В. Щербы и др., и завершая

персоналиями наших современников — известных языковедов второй половины XX века — А.И. Домашнева, В.К. Журавлева, А.Е. Кибрика, А.А. Леонтьева, М.В. Панова, А.А. Реформатского, Б.А. Серебrenникова, С.А. Старостина, Ю.С. Степанова, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, Д.Н. Шмелева и др.

Объемное содержание книги (808 с.) позволило включить пестрый калейдоскоп имен, во многом определявших стратегию научного пути в этой отрасли в XX веке. Здесь представлены несколько поколений лингвистов, причем многие очерки так или иначе раскрывают не только биографические подробности из жизни ученого, но и дают подробный обзор творческого пути, рассказывают об исканиях и потерях, воскрешают забытые идеи, содержат полемические материалы и архивные документы, что, несомненно, повышает исследовательский интерес к этому изданию.

Книга посвящена Ф.М. Березину, долгие годы работавшему в ИНИОН РАН и много способствовавшему пропаганде историографии лингвистики. В свое время под его редакцией вышли несколько выпусков «Отечественных лингвистов» [9], которые и составили основу данной книги. А в дополнение к уже публиковавшимся ранее очеркам были добавлены свежие статьи. Таким образом, идеи Ф.М. Березина воплотились в жизнь уже в новое время и позволили современным читателям проникнуть в мир филологической культуры прошлого.

Книга построена по алфавитному принципу, но словарем ее назвать нельзя. В таком случае, и об этом указал в предисловии В.М. Алпатов, размышается концепция издания, где представлены очень разные и по научному весу, и по идеологическим скитаниям, и по традициям ученые. Скажем, фигура последовательного антимарриста Д.Н. Ушакова оказалась рядом с поборником нового учения о языке Ф.П. Филиным, Т.П. Ломтев — с А.Ф. Лосевым, Г.О. Винокур — с М.М. Гухман и т.д. Конечно, для просвещенного читателя, знающего историю языкознания XX века, особенно его трагические страницы 1930—1950-х гг., такая схема понятна, но известная мозаичность представления имен, несвязанность внутри какой-либо концептуальной линией, идеей, принадлежностью к той или иной школе может вызвать недопонимание у нового поколения читателей, только вступающих на алтарь филологической науки.

К другой особенности книги надо отнести следующий факт: статьи, опубликованные ранее в сборниках Ф.М. Березина [9], перепечатаны в настоящем издании без существенных изменений. Между тем с тех пор вышли интересные архивные публикации [3–7] и монографии [2; 5], которые существенно дополнили лагуну историко-лингвистических сведений о персоналиях и дали возможность более объективно оценить их вклад в науку, а главное — представили многих языковедов в кругу перипетий сложной эпохи, воссоздали их живые портреты в письмах, неопубликованных трудах и дискуссиях.

Думается, что ссылка на подобные издания была бы полезна в качестве приложения к книге и позволила бы расширить диапазон знаний в этой интересной отрасли лингвистики.

В нашем небольшом обзоре нет смысла разбирать ту или иную статью, но скажем и о новаторстве. Оно касается прежде всего тех имен, которых не было в предыдущем сборнике [9]. Это статьи об Н.А. Баскакове, Ф.М. Березине, А.И. Домашнев, В.К. Журавлеве, А.Е. Кибрике, А.Н. Кононове, Е.Ф. Тарасове, Э.А. Макаеве, М.В. Панове, С.Е. Никитиной, Н.А. Семенюк, В.Н. Телия, Э.Р. Тенишеве и др. Как видно, в основном здесь исследователи второй половины XX века, чьи научные разработки получили известность несколько десятилетий тому назад и до сих пор находятся на острие современной науки. Это такие отрасли языкознания, как фонология, этнолингвистика, психоллингвистика, тюркология, фразеология и семасиология, прикладное языкознание и др. Таким образом, историография филологии в целом пополнилась интересными авторскими работами об ученых нашего времени.

Другая особенность книги, на которую стоит обратить внимание всем заинтересованным читателям, заключается в том, что очерки о лингвистах написаны не скупым языком структуралистов, а с живой духовной интонацией, позволяют понять черты характера, оценить поступки героев своего времени, проникнуться эпопеей языкотворчества противоречивого XX века.

В заключение необходимо сказать, что подобные труды очень нужны современным филологам, черпающим в них источник ценной информации о традициях, достижениях, находках и ошибках ученых тех лет. Многие из них стояли у основания лингвистики XXI века и предвидели ее «культурные взрывы». Значит, в историографии науки будет еще немало открытий.

На страницах журнала «Русская речь» постоянно освещается жизнедеятельность выдающихся лингвистов. Рубрики «Отечественные языковеды», «Из архивного наследия», «Наши публикации» пополняются интересными статьями и документами, свидетельствующими о том, что «лингвистическое отечествоведение» — это перспективная наука и XXI века.

Литература

1. Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб., 2015.
2. Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012.
3. Из истории московской лингвистики: Сб. науч. статей и материалов. Сост. С.Н. Борунова, В.М. Алпатов / Отв. ред. В.М. Алпатов. М., 2016.
4. Никитин О.В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново и А.М. Селищева (неизвестные

страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102.

5. *Никитин О.В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): Монография. Славянск-на-Кубани, 2012.

6. Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова: Сб. статей / Отв. ред. С.Н. Борунова, В.А. Плотникова-Робинсон. М., 2004.

7. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов) / Отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М., 2004.

8. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 2016 (Стилистическое наследие).

9. Отечественные лингвисты: Сборник статей. Ч. I–III / Отв. ред. Ф.М. Березин. М., 2002–2003.

© **О.В. Никитин**,
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи в редакцию журнала «Русская речь» предоставляются в электронном виде по адресу: gus-rech@mail.ru.

Статью должны предварять аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Кегль 14, полуторный интервал.

После названия статьи следует указать ФИО автора и его ученую степень (если есть), в конце статьи должно быть названо место работы или проживания.

На отдельной странице просим описать краткое содержание статьи.

В сопроводительном письме должны содержаться сведения об авторе: ФИО, страна, город, место работы, занимаемая должность, ученая степень, сфера научных интересов, электронный адрес, телефон.

Материалы, направленные в редакции других журналов или опубликованные ранее, а также материалы, не отвечающие тематике журнала и правилам оформления статей, не принимаются.

Основные правила оформления статьи заключаются в том, что цитаты даются прямым шрифтом, в кавычках, а курсивом выделяются только отдельные слова или словосочетания, лингвистические примеры. Цитируемые источники в тексте статьи обозначаются цифрами в квадратных скобках и раскрываются в списке литературы в конце статьи не по алфавиту, а в порядке их употребления в тексте. Если источник упоминается только один раз, то страница указывается в Литературе, а если несколько раз, то вместе с порядковым номером в самом тексте статьи. Например: [2] или [3. С. 146] и [3. С. 501].

Список Литературы оформляется по образцу вышедших номеров журнала, доступных на сайте издания.

Сноски, примечания и комментарии внизу страниц не делаются.

Необходимо учитывать научно-популярный характер журнала, поэтому материал должен быть изложен понятным, доступным языком, не изобилуя терминологией.

После публикации редакция посылает авторам электронные отски их статей.

Все публикации для авторов бесплатны.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В.Г. КОСТОМАРОВ, академик РАО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.Л. ВОРОТНИКОВ, член-кор. РАН
М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ, д.ф.н., профессор
Л.К. ГРАУДИНА, д.ф.н., профессор
В.П. ГРЕБЕНЮК, д.ф.н., профессор
А.Ф. ЖУРАВЛЕВ, д.ф.н., профессор
Н.И. КЛУШИНА, д.ф.н., профессор
М.А. КРОНГАУЗ, д.ф.н., профессор
О.В. НИКИТИН, д.ф.н., профессор
И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, д.ф.н., профессор
М.А. ОСАДЧИЙ, д.ф.н., профессор
В.Ю. ТРОИЦКИЙ, д.ф.н., профессор

Номер оформили художники: *Н. Беланов, В. Леонов, Л. Серикова* ©

Заведующая редакцией

Т.Г. Дмитриева, к.ф.н.

Художественный редактор

В.А. Леонов

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, т. (495) 695-27-35

e-mail: rus-rech@mail.ru, сайт <http://russkayarech.ru>
